

Владимир ВОРОНИХИН

**Москва –
старинный город**

(нелинейность времени)

Москва - 2015

Владимир ВОРОНИХИН

**Москва —
старинный город**

(нелинейность времени)

Москва - 2015

УДК 608.2

ББК 65.050.2в6

Воронихин Владимир

B75 МОСКВА — СТАРИННЫЙ ГОРОД (нелинейность времени)
Владимир Воронихин — М.: ИП Скороходов В.А.,
2015. — 228 с.

ISBN 978-5-9906157-9-3

Автор — доктор технических наук, директор международного Научного центра исследований и разработок информационных систем (CERN — JINR Collaboration).

CERN — Европейская организация ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария);

JINR — Объединённый институт ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна, Россия).

*3-е издание книги под тем же названием
(1-е — 1996 год, 2-е — 1997 год)*

Автор является создателем метода сжатия времени в 10 и более раз, основанного на конвергенции естественно-научного и гуманитарного знания. Участник создания Большого адронного коллайдера в ЦЕРН (Женева), где метод сжатия времени был внедрён им в 1995 году в разработки комплекса административных информационных систем.

В успешном создании Большого адронного коллайдера это было случайностью. Но она была связана с русской культурой.

Книга ориентирована не на специалистов в науке, развивающих накопленные человечеством знания и становящихся на этом пути профессорами и академиками, а на — потенциальных первопроходцев. Кому понятен смысл слов о свободе духа: *не верить ни единому слову.*

УДК 608.2

ББК 65.050.2в6

ISBN 978-5-9906157-9-3

© В.Н. Шкунденков, 2015

Часть I

Нелинейность времени

«Не сотвори себе кумира»

(Ветхий Завет)

Между Богом и кем нельзя сотворять посредника-кумира? — На этот вопрос в Ветхом Завете дан чёткий ответ — между Богом и израильским народом. О чем большинство не знает. Но есть другой ответ: между Богом и отдельным человеком. Именно так и отвечает подавляющее большинство, даже не подозревая, что этот ответ называется павликианской ересью.

* * *

Эта книга вся построена на этой ереси. Ее фундаментальной основой является самая аристократическая мысль — о свободе духа: *не верить ни единому слову*. И мы воспользуемся ее разрушительной энергией, чтобы решить, быть может, самый сложный вопрос — о месте простого человека на Земле, когда все вокруг построено на унижении и рабстве от власть имущих.

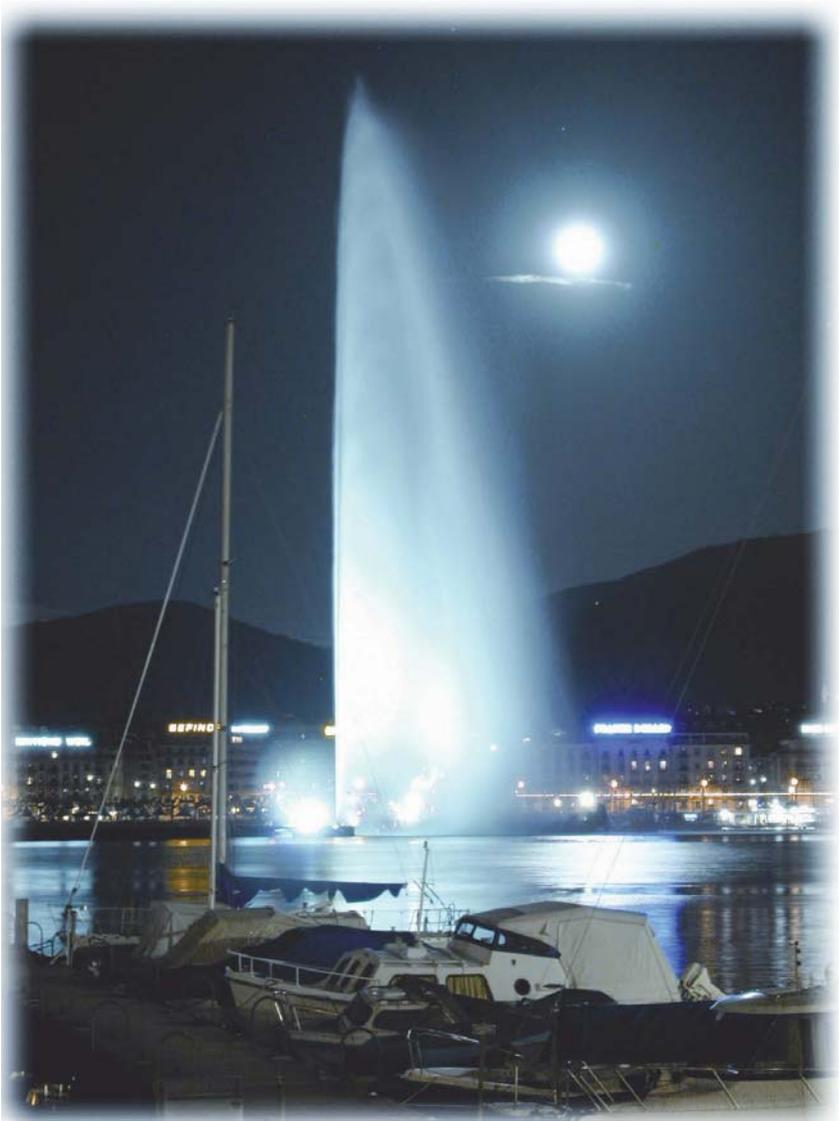
Цивилизация на Земле охвачена процессом глобализации. Кто этим процессом управляет? Если есть мировое правительство, в чем мы практически не сомневаемся, то свободно ли и оно? Автор считает и его несвободным, но не универсально умным. Что же делать тогда простому, но талантливому человеку, не обладающему правом на власть над другими людьми? Может ли он управлять своей судьбой? Может, но управлять судьбой надо через управление случайностями, из которых складываются наши судьбы. А чтобы случайности вели нас к победам, надо управлять временем. Временем (его «сжатием» на пути к победам) управляет «красота». Куда эти победы приведут, нам заранее знать не дано. С этим связана «загадка русской души».

И разгадка истинного предназначения мирового правительства. Его назначение — быть исполнителем рожденного интеллектом с поисками «красоты» космических одиночек-первопроходцев.

* * *

Человечеству еще только предстоит освоить эту *новую* мысль.

3 июля 2015 года (Дубна)

Ночь на Женевском озере

Фото Марии Вл. Шкунденковой (2005)

Какая странная судьба...
Пишу в Женеве. Сердце рвется
На речку Сходню. Никогда
Она ко мне уж не вернется.

Вода — тоска. Громада-зверь-
Тоска в Женеве. Зачем, куда
Течет вода? Так трудно верить,
Что не напрасно. Именно туда.

Что жертвы нет. А есть — судьба...

* * *

С этим стихотворением, сочиненном мной в ночь со 2 на 3 февраля 1997 года, у меня связана одна из самых мистических историй в моей жизни. В понедельник 4 февраля мы с Николасом Кульбергом, помощником генерального директора ЦЕРНа, ответственным за сотрудничество с Россией и Восточной Европой, открывали в Женеве первый семинар-школу по информационным технологиям (ОИЯИ — ЦЕРН).

В субботу 2-го он позвонил нам с Людмилой и затем пришел к нам с двумя бутылками красного вина и с вареной цветной капустой. Предложил прочесть нам свои стихи в переводе с французского на русский: «Мы две холодные снежинки, кружащиеся в черной бесконечности ночи...»

Его неожиданный приход погасил какой-то дикий скандал: от меня было потребовано то, во что Людмила потом отказывалась верить, — просить прощение, стоя на коленях. И за что? За то что я не купил круассаны для прилетающей на семинар-школу из Москвы Татьяны, дочки Людмилы. Об этом у нас состоялся разговор в четверг 30 января. Но я почему-то ни за что не хотел идти за этой покупкой. И почему-то знал, что и завтра, в пятницу, не пойду. А в субботу их просто не оказалось в ближайшем магазине. Но самое интересное было то, что я знал, что их в субботу не будет...

Пройдет четыре года, и я узнаю, что в четверг 30 января, когда я *не захотел* идти за круассанами, был девятый день со дня смерти моей тети Елены Михайловны, родной сестры моего сгинувшего в сталинских концлагерях отца.

Это она воспитала меня. «Ведь ты — русский!» — говорила она. Но судьба странным образом развела нас. И не без моей вины, когда однажды, спустя три десятка лет, ее дочь (моя двоюродная сестра) напомнила мне, что меня кормили в их доме, а потому я ей что-то должен. Мы расстались тогда с сестрой навсегда. А получилось — и с тетей...

Через четыре года я узнал — перед кем надо было встать на колени.

А в то время я работал над вторым изданием книги с этим названием: «Москва — старинный город», и произошедший скандал так поразил и даже потряс меня, что я на всякий случай тотчас написал о нем в книге. А через месяц — новый скандал, правда, уже не на таком уровне. И я зачем-то снова описал и опубликовал его в изданной в июне месяце того, 1997-го, года книге.

И оказалось, что это был сороковой день... Тогда я понял скрытый смысл написанного в моем стихотворении: «Никогда она ко мне уж не вернется...».

Нами в нашей жизни *что-то* управляет? Уходящие не уходят навсегда?

А вот как я записал происходившее тогда, в 1997 году:

В этих стихах, посвященных Женевскому озеру, скрыта тайна, разгадать которую я оказался не в состоянии.

... В тот день, когда было совсем плохо, к нам пришел мой друг-француз, по происхождению из старинного русского рода Голенищевых-Кутузовых, который прихватил с собой две бутылки красного вина и отваренную цветную капусту для закуски. Людмила быстро соорудила ужин, и француз Николас прочел нам свои стихи.

... Как всегда, как только русские собираются за столом, разговор шел о жизни: да, все плохо, но все же тогда [в 1941 году] мы остановили их танки... Или о женщинах и мистике.

* * *

В приведенном стихотворении прозвучало слово *судьба*. Но тогда оно еще не связывалось мной со случайностями, которыми можно управлять. А может, всё как раз наоборот?

Исследования управления сжатием времени как путь управления случайностями?

Что было в начале? Некий случай, который уже был не совсем случаем и привел к исследованиям, или же выбранное направление исследований породило череду выпавших затем и странно нанизавшихся случаев? Четкого ответа здесь нет. Но всегда было *некое настроение полёта*.

* * *

Наблюдения автора, начавшего работать в 1961 году по окончании радиотехнического факультета Московского энергетического института, сначала в Москве, а с 1962 года в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, и с 1969 года сотрудничающего с ЦЕРН — Европейской организацией ядерных исследований в Женеве, связаны со следующими событиями, представленными случайностями:

1. Знакомством в 1964 году, перешедшим со временем в сотрудничество, с профессором, членом-корреспондентом АН СССР — Михаилом Григорьевичем Мещеряковым (1910—1994), заместителем Игоря Васильевича Курчатова и создателем с ним первого отечественного ускорителя — синхроциклотрона в Дубне, 1947—1949 годы.

Это М.Г., как его называли в Дубне, научил автора первому представлению о природе творчества человека — как разомкнутой системы, взаимодействующей в процессе творчества *с чем-то над нами*. Положив тем самым начало поискам автором модели *живой* Вселенной. Он же стал «причиной» создания автором метода сжатия времени в 10 и более раз в научных разработках.

2. Другим было создание автором двух из всего семи созданных в мире и внедренных оригинальных сканирующих систем для прецизионной обработки фотоизображений — АЭЛТ-1 (1973 год) и АЭЛТ-2/160 (1980). При том что в эти годы над этой задачей безуспешно работали в ~ 200 научных лабораториях мира.

Но успех сопутствовал только ЦЕРНу, где были созданы

3 системы, Соединенным Штатам — 2 системы и автору. А в Англии, Германии, Франции, Италии и Японии эту задачу не смог решить никто. Успехи автора были связаны с созданием метода сжатия времени (1973 год). Без *случайной* в жизни автора встречи с М.Г. этого не произошло бы.

В 1964 году в Дубне проводилась международная конференция, на которую приехали не только физики, но и те, кто их обслуживает. Прослушав доклады про создание сканирующих систем для обработки фотоизображений с трековых камер (до 100 тысяч снимков в одном эксперименте, что и потребовало создать сканеры), я внес свое предложение и выиграл объявленный конкурс.

Но может ли рядовой мальчишка-инженер браться за такую задачу, решением которой занимались ведущие научные центры мира? Мне посоветовали поговорить с М.Г.

За огромным столом, покрытом темно-зеленым сукном, сидел огромный, похожий на льва, человек. «Это очень сложная, но и по-настоящему интересная научная проблема, — сказал он мне. — Беритесь за нее. И решите ее!».

Через три года, в октябре 1967-го, сканер АЭЛТ-1 был создан (но тогда еще без программы распознавания измеряемых изображений — этим занимались программисты-профессионалы). М.Г., поздравляя меня, предложил попросить у него за это что-нибудь одно, обещая заранее выполнить мою просьбу. Предполагалось, что я попрошу переезд из коммуналки в отдельную квартиру или про защиту диссертации. Но я *просить* отказался. Даже у М.Г.

3. В 1968 году М.Г. сам потребовал от меня написать и защитить кандидатскую диссертацию — и это здесь научил меня главному на пути к созданию подхода со сжатием времени — взаимодействию *с чем-то над нами*.

«Каждое утро начинайте с того, что напишите одну строчку для нового параграфа в диссертации, — сказал он. — А потом напишите вторую. Первая пишется всегда, а вторая — нет. Если не пишется, то идите и работайте над сканером. Но если написались, то бросайте все и пишите в этот день данный параграф,

причем обязательно до самого конца!».

Так моя кандидатская (технических наук) диссертация из полутора десятков параграфов была написана за две недели без остановки работ над сканером.

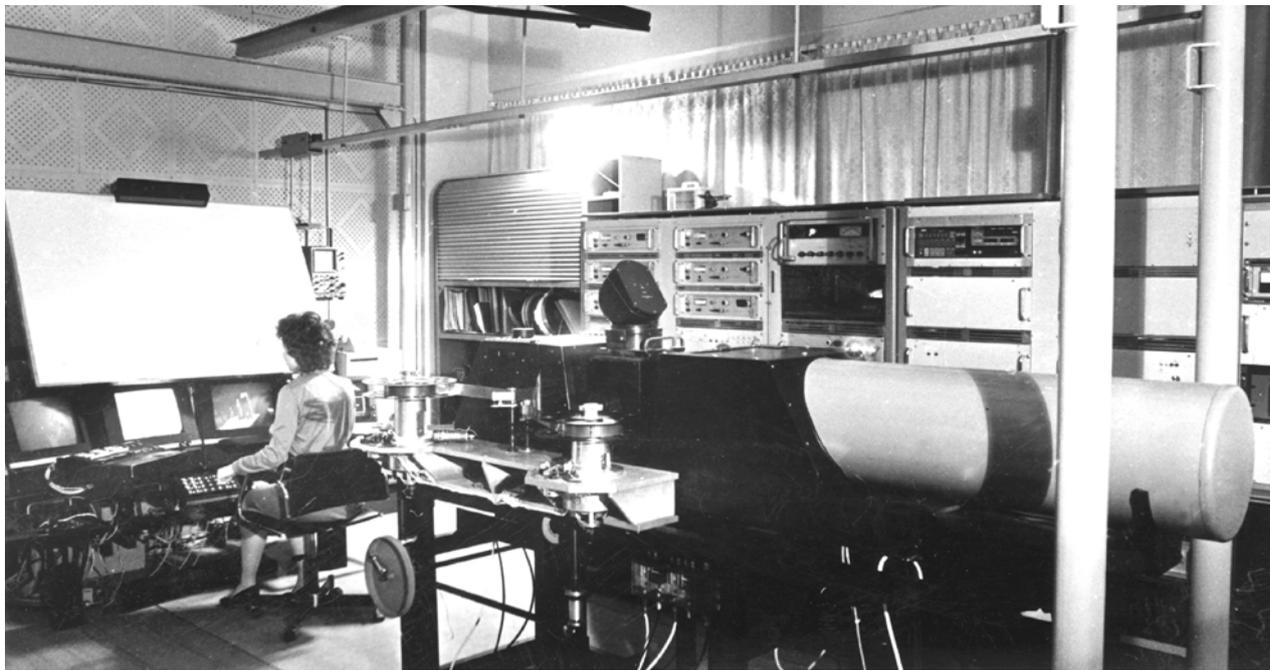
И тогда же он подал заявку на поездку меня в 1969 году на шесть месяцев на стажировку в ЦЕРН, где создавалась ставшая лучшей в Западном мире сканирующая система ERASME. За успешное участие в этих работах мне было дано, по представлению от ЦЕРНа, разрешение от Госдепартамента США иметь доступ к закрытым западным технологиям в области создания сканирующих систем. Возможно, из меня планировали также сделать диссидентствующего представителя науки в СССР.

Но вместо этого получилось создание в 1980 году ставшей лучшей в мире мониторной (позволяющей подключать человека-оператора к исследованиям структуры измеряемого изображения в процессе самих измерений) сканирующей системы АЭЛТ-2/160, применение которой позволило даже исследовать изображения параллельного мира (возможно, впервые в мире).

Так были получены в 2000 году на научной основе, а затем еще и исследованы в 2004 году доказательства существования в окружении человека *чего-то над нами*, с чем человек взаимодействует в процессе творчества. Иначе — доказательство того, что Вселенная — *живая*.

Со вторым этапом было связано еще одно случайное событие. Моя младшая дочь Мария в 2003 году в возрасте 31 года вдруг заявила, что хочет получить высшее образование по профессии искусства в фотографии. И поступила в МГУКИ (Москва), где ее преподавателем оказался необыкновенный специалист по обработке фотоизображений. В 2004 году я поставил задачу, и они провели исследования с применением японского цифрового фотоаппарата там, где я в 2000 году провел свои исследования с применением сканера АЭЛТ-2/160. И получили потрясающие результаты, представленные в Интернете в моей книге «Одиночество и пепел» (2009 год). Мария тогда чуть не погибла.

Эти исследования стали важным камнем в фундаменте созданной с профессорами Института философии РАН, Москва, антропокосмической модели живой Вселенной.

Мониторная сканирующая система АЭЛТ-2/160 (фото 1986 года)

Система АЭЛТ-2/160 была построена в сотрудничестве с ЦЕРН с использованием лучшей в мире элементной базы и обладала самыми высокими в мире характеристиками: размер рабочего поля сканирующей изображения на снимках прецизионной электронно-лучевой трубки — 70x140 мм² при разрешающей способности в 7000 линий, сканирование точечное, минимальный шаг между точками — 2 мкм, ошибка измерений координат — 2 мкм, относительная ошибка измерений оптической плотности — 1,5% в «видимом» диапазоне оптической плотности (0—2D).

Для этой системы был создан комплекс скоростных средств диалога, который позволяет увеличивать нагрузку на человека-оператора (что требовалось для снижения в 10—100 раз затрат на создание программ) без снижения производительности системы.

С созданием этой системы оказалось связанным и *смешное*. В 1980-х годах шла гонка вооружений между СССР и США. С нашей стороны для каких-то закрытых задач, связанных со «звездными войнами», требовалось построить «хорошую» сканирующую систему. Работы в этом направлении были начаты еще в 1957 году, но и через тридцать лет успеха у разработчиков, сменивших электронную тематику на компьютерную, достигнуто так и не было. А денег на решение задачи давали очень много. И тогда «они» стали платить по договору с ОИЯИ по миллиону рублей в год *только за то*, чтобы автор раскрыл «секрет» своих успехов. И приставили умного «наблюдателя».

Это были огромные деньги. Так, оплата научной лаборатории в вузе стоила около 50 тысяч рублей в год. И автор «содержал» две научных лаборатории — в Москве и на Украине, а с приходом «демократических перемен» даже затеял строительство «научной деревни» в Подмоскovie. Но в 1993 году стало ясно, что науку в России надо спасать за границей.

А смешным в этих «похождениях» автора оказалось то, что заказчик так и не поверил в возможность *синергического* («совместного с Ним») подхода к творчеству, на чем и основан метод *сжатия времени*. Даже было заявлено, что автор — хитрый. И они так и «погибли», не создав свой сканер, но высоко держа «флаг передовой советской науки».

— Вы, Владимир, делаете свои разработки топором, — было сказано «умным наблюдателем», когда их корабль уже лежал на боку. — А мы все тщательно исследуем на пути выполнения поставленной задачи. [А задача была поставлена неправильно. «Пусть эти “греки” пое...ся», — таким было «обоснование» на задание обрабатывать сложные фотоизображения автоматически за 1 секунду, на что на самом деле требовалось 10 минут в режиме диалога человека и компьютера. Но заказчик оказался их конкурентом].

Пульт оператора сканирующей системы АЭЛТ-2/160 со скоростным световым карандашом (с обратной связью для подсветки выбранной точки) и многофункциональной клавиатурой, построенной на подходе «клавиши у руля»

«Зимняя ночь»

Компьютерная живопись (скоростной световой карандаш). Художник — Петр Гусев (1992 год).
На сайте <http://sbnt.jinr.ru/iris/Gallery.htm> представлена картинная галерея художников Петра Гусева (1992—1996) и Инны Химченко (1998).

Это стало предметом научных исследований, и в октябре 2014 года в ИФ РАН был создан Центр по исследованию конвергенции естественно-научного и социогуманитарного знания (по исследованию природы метода сжатия времени). Дорога в ИФ РАН тоже была проложена по воле случая.

Нам по каким-то теперь уже забывшимся каналам была предложена встреча с одним из крупных боссов в Московском Кремле для поддержки наших инициатив по созданию научно-образовательного центра по подготовке кадров при участии специалистов ЦЕРНа. Но у босса что-то не сложилось, он попал под суд, и нам была предложена взамен встреча с директором ИФ РАН.

4. Моим партнером и другом в ЦЕРНе стал помощник генерального директора, ответственный за сотрудничество с Россией и Восточной Европой Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), француз с русскими корнями князей Голенищевых-Кутузовых. Это с ним мы попали в 1999 году в ИФ РАН к директору академику РАН Вячеславу Семёновичу Стёпину. После чего Стёпин два раза приезжал в ЦЕРН, чтобы проверить — правда ли, что метод сжатия времени действительно работает? Ему сказали — да, правда.

Сегодня мы связываем создание в ИФ РАН указанного выше Центра с широким внедрением подхода с управлением сжатием времени в хозяйственную деятельность России. Что может стать переломным моментом в будущем не только для подъема нашей страны, но также и для всей цивилизации на Земле.

Ибо суть метода — обращение к духовности, с воспитанием на этой основе талантов-лидеров в науке, образовании и производстве. Кому будет дано направить развитие цивилизации по истинному пути. А это путь устремленности к Красоте, как о ней с большой буквы говорил еще Платон в IV веке до н.э. На этом «стоит» наша антропокосмическая модель Вселенной. Но об этом (модели) — ниже.

А если бы тогда, в 1999 году, нас приняли в Кремле? Тогда бы ничего из того, о чем мы здесь говорим, не получилось бы?

Но снова помог случай: кто-то вовремя проворовался. Без этого цивилизация на Земле пошла бы по другому пути? Не пошла бы. По нашей модели, где случаи на самом деле в делах,

подобных нашему, таковыми не являются, этот «кто-то» *должен был* провороваться.

С этим многие из читателей книги не захотят согласиться. Но и моя книга пишется именно для тех, кто готов согласиться.

Согласно исследованиям, подлинными творцами-первопроходцами в науке (а также, по-видимому, в культуре в целом) являются только 1 из примерно 200 считающихся учеными. Это те, кому знакомо то, о чем я пишу. Так, первым «правилом» в подходе с управлением сжатием времени является *не спешить*. Известно, что, например, Гоголь отдавал свои рукописи издателю только после трех месяцев их «вылёживания» и правок.

А вытекает это «правило» из того, что *кто-то над нами* как со-участник творчества человека, похоже, требует в этом деле больше времени, чем требуется при рождении нами новых идей.

5. Метод сжатия (сокращения затрат) времени в 10 и более раз при выполнении сложных научных разработок был внедренной в ЦЕРНе в работы по созданию административных информационных систем (AIS-систем) в 1995 году.

Исследования, а затем разработки AIS-систем были начаты в ЦЕРНе в 1986 году, за 10 лет до начала создания Большого адронного коллайдера (БАК). Это были технологии, примененные при реализации проекта «Аполлон» в 1960-х годах — высадки астронавтов на Луну. Без внедрения этого подхода в 1965 году, что сделало «прозрачным» выполнение этих очень сложных работ, проект мог быть вообще не выполнен. Поэтому к нему (подходу) обратились и создатели БАКа в ЦЕРНе.

В 1991 году был создан отдел Administrative Support, набраны программисты. Все горят энтузиазмом. Но через несколько лет выясняется, что перенести AIS-технологии в ЦЕРН с его ~ 500 организациями-участниками проекта, возможно, вообще не удастся. На этой волне проблем мне удалось попасть в ЦЕРН в закрытые для русских специалистов разработки AIS-систем. Эти двери были открыты нам благодаря предложению применить в кризисной ситуации подход с управлением сжатием времени в 10 раз. Но этому сопутствовали еще и целый ряд нанизавшихся случаев.

*Шесть случайностей на пути внедрения в ЦЕРНе
метода сжатия времени.*

Первый случай. Для приобретения через ЦЕРН элементной базы для создания сканера АЭЛТ-2/160 мне в ОИЯИ было выделено 110 000 долларов. И я получал, начиная с 1973 года, ежегодно очередную заказанную мной партию (объектив, электронно-лучевую трубку и другое) на 20 000.

В 1976 году мне удалось приехать в ЦЕРН, чтобы обсудить очередной заказ. И мы с моим немецким коллегой Хансом Андерсом договорились, что будем вести обсуждения по этому несложному вопросу у него дома во время обедов. Я согласился, но предложил в соответствии с немецкой традицией оплачивать за съеденное мной во время этих визитов. И заплатил 42 франка за 7 таких обедов. При том что зарплата у Ханса была 10 000 франков в месяц.

Это было смешно в сравнении с тем, что я при его приездах к нам в Россию тратил по 200 рублей при моей зарплате в 450. Над этим можно было шутить, и я пошутил. Но «не совсем там». За что мне было предъявлено обвинение: финансовые отношения с иностранцем. И предложено «искупить вину перед Родиной». С чем я не захотел согласиться (в ЦЕРНе это отметили) и получил за это статус «невыездного» — до лета 1991 года, когда все эти проблемы куда-то враз провалились. И уже в конце ноября я приехал в ЦЕРН, а мой немец предоставил мне комнату в их доме, еду и дал еще 200 франков — просто так.

Это было признание моего «героического поведения». Что я, давая в 1976 году физику-полковнику отрицательный ответ из трех букв, сам, однако, таковым не считал. Просто во мне тогда что-то такое вспыхнуло. А 200 франков я не потратил и вернул.

Второй случай. Как выяснится позже, в ЦЕРНе о моем «героическом поведении» было занесено в их досье на мое имя. И это сыграет важную (положительную) роль.

Летом 1993 года мне было предложено, с учетом успехов в прошлом, обсудить наше участие в работах по созданию системы контроля финансов ЦЕРНа — как части разрабатываемого комплекса административных информационных систем. Это были закрытые для русских работы, но у них был кризис с их

выполнением. И нас согласились взять, посмотрев мое западное досье, где я проходил как «положительный субъект».

Только сказали, чтобы первые шаги по сотрудничеству были сделаны за счет ОИЯИ. Кроме того, был дан совет — договориться о поддержке со стороны отвечавшего за сотрудничество с Россией Николасом Кульбергом в вопросе допуска нас вообще к этим непростым (как по технологиям создания систем, так и по базам данных) работам.

Вот тогда и вступило в дело мое предложение — применить созданный мной метод сжатия времени. О чем будет мой рассказ ниже.

Третий случай. В вопросе управления финансами я ничего не понимал. Но в этом разбиралась Людмила (об этом — ниже). Однако как убедить дирекцию нашего ОИЯИ, что ей, не только специалисту, но еще и женщине, надо поехать со мной в ЦЕРН? И опять помог случай.

В феврале 1994 года я затеял поездку в Данию в университет города Альборга на севере страны, с которым у меня была ниточка связи, директора ОИЯИ Владимира Георгиевича Кадышевского и вице-директора Алексея Норайровича Сисакяна. При возвращении вечером в гостиницу в Копенгагене мы обнаружили, что рестораны уже закрыты и мы оставались без ужина.

Но у меня был «солдатский НЗ» — бутылка водки, полбуханки черного хлеба и большая луковица. Мы отужинали, «три товарища», в гостиничном номере Алексея Норайровича, и между нами начался обычный в таких случаях «трёп» — о том о сём. И *вдруг* у меня мелькнула мысль — попросить о поездке в ЦЕРН про меня и Людмилу. Сразу же навалились неуверенность и страх. Просить о себе было еще туда-сюда, но вот — о Людмиле... Но и не попросить было нельзя — упущенные из-за страха мгновения не возвращаются. Я попросил. А.Н. меня поддержал, а В.Г. легко согласился. И разговор перешел на другие, никакие темы. В марте мы с Людмилой вылетели из Шереметьева в Женеву.

Случайное событие в гостинице Копенгагена оказалось уникальным. Если А.Н. поддерживал меня еще с 1980-х годов и даже пытался понять мой подход с управлением временем, то

В.Г. больше близко меня к себе не подпускал — кому-то это не нравилось.

Четвертый случай. В 1989 году М.Г. Мещеряков стал моим заместителем по руководству научной темой в ОИЯИ.

«Где вы видели, Владимир Николаевич, чтобы это было уже открыто на Западе? — сказал он мне в обсуждениях про подход с управлением сжатием времени. — А это значит, что вас не поймут никогда. И вы только получите лишних врагов. Но зачем вам это? Подумайте. Желаю успеха!».

В те годы нам платили по хоздоговорам, которые мы выполняли с применением метода сжатия времени, до миллиона рублей в год. При том что сам метод признавать не хотели. Просто считали меня талантливым инженером, ставшим в 1987 году доктором технических наук.

Не понимал мой подход к науке и М.Г., но в отличие от других сделал важный шаг: предложил мне, имея средства, создать свой научный центр и стать в нем директором. «Чтобы не зависеть от разных там ученых советов!».

По-видимому, эта идея тогда витала в воздухе и была поддержана М.С. Горбачевым и академиком Е.П. Велиховым. И я создал в декабре 1989 года свой частный научный центр при Президиуме АН СССР, назвав его, по моде того времени, несколько глуповато: «I-й Московский коммерческий центр обработки изображений» — МКЦОИ.

МКЦОИ создавался сначала на улице Герцена, где нам дали (а потом так же легко забрали обратно, когда увидели, что научный бизнес что-то не идет — мы тогда пытались сотрудничать с центром офтальмологии Святослава Фёдорова) трехкомнатную квартиру какие-то всплывшие на волне перестройки темные личности, а затем в Сокольниках, где мне обещали чуть ли не гектар земли за пределами центральной части парка. Здесь мы столкнулись с чиновниками, которые были из того же теста. Пришлось перебраться за пределы Москвы, и я начал строить «научную деревню» на берегу Истринского водохранилища. Однако и здесь мне не повезло — с пьяными мужиками из деревни, оказавшимися дикими налогами, а с весны 1993 года еще и с местными бандитами, разобравшимися, что у «профессора» нет

никакой «крыши». И я обратился к сотрудничеству с ЦЕРНом.

Однако моя «одиссея» не осталась без следа. Моя будущая жена Людмила, участница наших работ как программист с 1977 года, *зачем-то* (я был против, но она почему-то «горела») прошла курсы бухгалтеров. Что позволило нам при единственной разрешенной для этого командировке в ЦЕРН в марте 1994 года составить грамотно (да еще на английском) меморандум о нашем участии в первой задаче — контроле финансов. Если бы она не справилась с этим (а я в этих дебрях ничего не понимал), то мы, а с нами и Россия, не получили бы доступа к AIS-технологиям. А также ЦЕРН не получил бы метода сжатия времени.

И вот тут мне и было предложено переговорить с Николасом Кульбергом.

Пятый случай. Помощником генерального директора ЦЕРНа, ответственным за сотрудничество с Россией и Восточной Европой с 1994 по 2006 годы, повторю снова, был Николас Кульберг — француз с русскими корнями (графов Капнистов и князей Голенищевых-Кутузовых).

По образованию филолог и к тому же поэт, он, когда я пришел к нему, понял меня с моим иррациональным подходом к науке, в котором говорится о необходимости поисков не поддающейся разуму *красоты* в начале каждой прикладной научной разработки. И смог «подговорить» генерального директора ЦЕРНа допустить нас, русских, к этим работам в обход их «бдящей» части администрации.

Но прежде мне, по предложению от Николаса, пришлось изложить метод сжатия времени в письменном виде. И я сделал это в виде книги «Москва — старинный город», которую представил ему в рукописи в августе того, 1994 года. Как следствие, в октябре 1994 года Administrative Agreement (административное соглашение — как простейшая форма договора) между ЦЕРНом и ОИЯИ, с указанием в нем моего имени и имени Людмилы, был подписан.

И еще один, шестой случай. В ЦЕРНе нашелся *единственный* специалист, 27-летний англичанин Джеймс Пурвис, который

согласился освоить наш, основанный на русской православной культуре, метод сжатия времени в 10 раз.

Так случилось, что Джеймс влюбился в молодую леди своего возраста 27-летнюю Кати. Но он был только рядовой инженер и даже без высшего образования, а она в свои годы была уже профессором Оксфордского университета. И ему надо было показать ей, что он очень талантлив.

Я пригласил его в Москву, и он приехал в июне 1995 года. Мы пошли с ним в Третьяковскую галерею и, когда прошли ее, я задал вопрос: что ему понравилось?

«А что тут главное?» — спросил он. Тогда я объяснил ему, что при поиске красоты — что только одно есть сложное в применении метода сжатия времени — он не должен спрашивать никого.

Один и только один. Только ты и живая Вселенная. И тогда ты станешь свободным, что позволяет подняться туда, где можно искать красоту. Для этого, однако, надо еще следовать одному очень непростому условию — про ответ в православии о смысле жизни: *служить неземному*. И не спеши и, *наивный*, жди, что она, красота, «снизойдет».

Джеймс смог все понять. Три месяца о нем не было слышно. После чего с применением метода сжатия времени был создан комплекс AIS-систем и при его поддержке был успешно построен Большой адронный коллайдер.

А мы зададим такой вопрос: *не слишком ли много было нанизавшихся случайностей? Что-то* вело меня в эти годы?

* * *

А что с Джеймсом? Кати вышла за Джеймса замуж. У них коттедж во Франции под Женевой, двое детей. В настоящее время Джеймс — член дирекции ЦЕРНа.

Это с ним мы начали обсуждать еще в 1996 году, сразу после успеха в ЦЕРНе, идею создания географически распределенного международного университета, основанного на привлечении к нашей идее классических университетов и на участии в нем ведущих специалистов ЦЕРНа.

Над этой идеей я работаю до сих пор — по принципу «Когда

будет, тогда пусть и будет» (монах-старец Амвросий в Оптиной Пустыне под Козельском, XIX век).

Похоже, однако, что у меня, в мои уже 77 лет, остается надежда только на какой-то особый случай.

Но что если все это — ошибка?.. И хотя я уверен в результатах своих исследований, не надо думать, что ученые всегда абсолютно уверены в себе.

И вот совсем недавно, словно это была подсказка мне свыше, я услышал по радио сказанное Львом Николаевичем Толстым: «Всё приходит к тому, кто умеет ждать». И я жду.

* * *

Приведенный выше текст написан 3 июля 2015 года. В нем есть немного «от лукавого»: вчера в 23 часа вечера мне был звонок из Москвы, где было сказано, что мои идеи попали на самый верх. И что я получу необходимую серьезную поддержку. Или это только шаг навстречу «случаю»?

Возможно, я должен бы сказать: спасибо санкциям против России. Но еще правильнее, наверное, будет сказать Богу спасибо за то, что он нашел нужных для этого дураков в Америке.

В нашей 1000-летней истории нечто подобное было уже не раз — в XII веке, когда из Киевской Руси во имя сохранения чести и свободы (причина — половцы) ушли на север, во Владимирские земли, основанные великим киевским князем Владимиром Мономахом, будущие великороссы; потом было монголо-татарское иго (1237—1480), приведшее к «осветлению души» (преподобный Сергей Радонежский); потом были царь Иван Грозный и патриарх Никон (XVI и XVII века), приведшие русских к расколу, с выделением в нем сохранивших устремленность к свободе духа старообрядцев; наконец, в XX веке пришли большевики-ленинцы со светлыми идеями осчастливить просто-го человека (автор этого текста тоже был коммунистом в течение 22 лет), что оказалось в противоречии с законами Вселенной — тем, с чем мы будем разбираться в этой книге, но не во всём — отсюда великие победы во времена СССР. И вот, подобно половцам в XI веке, словно из преисподней возникла Америка... По опыту истории, это должно привести Россию к новой победе.

В заключение: про создание метода сжатия времени

Сканер АЭЛТ-1, напомним, был создан в 1967 году. Прошло еще пять лет, но две группы программистов-профессионалов так и не смогли разработать программу распознавания изображений, измеряемых на снимках с трековой камеры в эксперименте на синхроциклотроне.

Наступил 1973 год. В феврале М.Г. Мещеряков вызвал меня и спросил: когда, наконец, сканер начнет обрабатывать снимки? Этот вопрос надо было задавать программистам, а не мне, никакого отношения к этой профессии не имевшему. Однако М.Г. это не интересовало, и он назначил меня быть программистом и дал срок — до конца ноября. Потому что в декабре, в случае моей неудачи, ему директор ОИЯИ академик Николай Николаевич Боголюбов (по-настоящему талантливый ученый, по его словам, сначала видевший ответ в решаемой научной проблеме, а только потом бравшийся за его научное обоснование) отказывал в переизбрании на должность директора нашей Лаборатории.

За что мне такая казнь? Две группы профессионалов, работая пять лет, не смогли создать требуемую программу распознавания, а от меня, специалиста по электронике и оптике, было потребовано, как это было всем понятно, совершенно невыполнимое...

Оскорбление было таким, что у меня даже возникла мысль — уйти из жизни. И я приступил к ее реализации. При этом, однако, мелькнула и тут же была принята сыгравшая свою роль идея — *не спешить*. Под ее влиянием я решил «растянуть удовольствие».

Этим решением стало — стать алкоголиком и здесь погибнуть. Были куплены несколько бутылок водки, и я приступил к выполнению задуманного. В первый день выпил бутылку. Наутро надо было начинать вторую, но оказалось — я не могу. И тут пришло *настроение* — дать им бой! До конца ноября было еще девять месяцев, а там — увидим.

При участии одной талантливой дамы-инженера я освоил основы программирования на языке «ассемблер» и начал работать над программой управления сканированием. Вместе мы выполнили эту разработку за десять дней. Дальше надо было начинать

разрабатывать программу распознавания ядерных треков (кривые линии на снимке) и реперных крестов (совсем простые фигуры). Я начал с крестов, и уже через месяц эта задача была решена. В действительности и этого можно было не делать.

А надо было сразу же после того, как была создана программа управления сканированием (считывания информации со снимка), начинать эксплуатацию системы АЭЛТ-1, передавая задачу распознавания человеку-оператору в ее составе. Для чего у оператора были оптический вывод снимка, результаты сканирования на дисплее-мониторе, целеуказатель по экрану (у нас это был скоростной световой карандаш) и функциональная клавиатура. Даже при таком, самом низком, уровне автоматизации физик-заказчик получал бы результаты обработки своих 100 тысяч снимков не через 5 лет (как это было до сих пор при использовании микроскопов), а уже примерно через 2 года. В течение которых можно было создавать, шаг за шагом, программу распознавания, чтобы повышать производительность.

Но я этого тогда *не увидел*. А стал разрабатывать программу распознавания реперных крестов. Через месяц она уже работала. Дальше надо было заниматься распознаванием треков, часть из которых была в виде простых линий, и с созданием программы их распознавания проблемы не существовало. Но другая часть имела помехи, что усложняло задачу на два порядка. И тут началась мистика.

Сначала в помещении под сканером с управляющей электронной вычислительной машиной БЭСМ-4, весивших больше тонны, появился опасный прогиб потолочной балки. Тотчас все работы были остановлены, а помещения, наше и под ним, опечатали.

Что делать — никто не знает. А время идет.

Пройдет целый месяц, прежде чем будет найден выход. И найду его я сам. Окажется, что на потолке между двумя бетонными плитами обвалилась штукатурка и обнажился «страшный» прогиб величиной в 3 сантиметра. Как выяснилось из справочника, это было еще нормой.

Я бежал к М.Г., прыгая через ступеньки на лестнице. Тотчас был издан приказ о разблокировке помещения, и я мог работать дальше. Но вдруг обнаружил какую-то необъяснимую апатию.

Проходит один день в бездействии, второй, третий, четвертый и наступает пятый. В этот день, это был понедельник 4 июня 1973 года, меня вызвали на заседание партбюро нашей Лаборатории вычислительной техники и автоматизации ОИЯИ и сообщили, что решением специально созданной вокруг сканера АЭЛТ-1 комиссии срок на разработку программного обеспечения они сокращают с этого момента до двух недель. Хотя оставалось еще шесть месяцев, отведенных мне М.Г. Но их позиция была непреклонной: «Чтобы не расходовать зря народные деньги».

Я пришел к своему серому дружку-сканеру, которого партийные дяди решили «зарезать» через две недели, обнял его и завыл от горя.

И тут вдруг мелькнула одна мысль. Я схватил киноплёнку с кадрами ядерных событий, лихорадочно просмотрел ее и убедился, что пришедшая (потом я буду называть ее снизошедшей) мысль была правильной. Событий, где треки были с помехами, было что-нибудь около 30 %. Из них 5—10 % были настолько сложными, что в составе системы обязательно должен был участвовать для подсказок человек-оператор. А что если ему оставить все 30 %? Тогда производительность системы окажется ниже, но не более чем на эту самую разницу между 30 и 10-ю процентами. Зато затраты на создание программы распознавания по прикидке сразу уменьшались на целых два порядка! Причем при том что я уже распознавал реперные кресты затраты времени на обработку всего массива из 100 000 снимков сокращались с 5 лет до 1 года.

Это была победа! Через две недели я отрапортовал на партбюро, что их партийное задание выполнено. Пошли проверить. Да, система действительно работает. Приняли решение — лишить меня квартальной премии.

В течение двух летних месяцев мы обработали на АЭЛТ-1 20 000 снимков. От меня потребовали отчитаться на научно-техническом совете Лаборатории. Я сообщил о наших результатах. За это было внесено предложение — понизить меня в должности, переведя из руководителя инженерной группы, что было престижно, в рядовые научные сотрудники, что было «никак».

Я не согласился, и М.Г., которому было внесено предложение

о переводе меня в «молодежную толпу», закрыл это дело.

Но самым интересным на этом этапе моих «скитаний» в науке по пути к созданию лучшей в мире мониторной сканирующей системы АЭЛТ-2/160 стал запрет иметь своих программистов в руководимом мной с 1974 года научном секторе. Я пошел даже на обман — взял одного выпускника МГУ как инженера-электронщика, который был программистом. Но это скоро всплыло, и программиста перевели в другое подразделение. И тут снова мне улыбнулся случай.

В одном крупном научном центре создавали оптико-механический сканер (мои строились на основе управляемой от компьютера электронно-лучевой трубки) с очень странным решением. Сканер в соответствии с развиваемой с 1968 года тенденцией создавался с включением в его работу человека-оператора. Здесь это было применено, но почему-то оптическое изображение стоящего на измерении снимка выводилось по одну сторону от сканера, а результаты сканирования на дисплее — по другую. Как этим можно было пользоваться, я не знаю. То ли оператор должен был бегать от одного прибора к другому, то ли надо было иметь двух операторов, которые объясняются по телефону.

Но разработчик этого сканера был уважаемым профессором. И к нему обратились из Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) с просьбой — помочь с созданием сканера для обработки 35-мм киноплёнок в «черных ящиках» на самолетах. Он согласия не дал, но указал на меня как на создателя «не очень сложного, но тем не менее работающего прибора».

С этого момента я стал выполнять вместо одной работы сразу четыре — технику (два сканера — в ОИЯИ и для ЦАГИ) и два программных обеспечения для них. Делать это мне было несложно — ведь у меня был метод сжатия времени в 10 и даже больше раз. Со временем этот путь приведет меня к равноправному сотрудничеству с ЦЕРНом.

А решилось все тогда, когда я в 1973 году принял решение *не спешить* — и накопил водки. Это «не спешить» было найдено мной, когда в 1971 году я написал повесть о моей юности — «Черное озеро».

Эта повесть приведена ниже.

* * *

А между 1971 и 1973 годами был *странный* 1972-й. Тогда ко мне «пришли», словно это были предвестники открытия метода сжатия времени, два загадочных текста:

«Я, как в старые времена, построю опутанный тонкими ван-тами корабль, и однажды, выйдя из гавани, он отдаст ей прощальный салют.

Закричат испуганно птицы, и эхо ударит о скалы, а он — развернется на рейде и — уйдет в открытое море. В поисках *нового* счастья.

Корабль мой будет, как лебедь, такой белый-белый. И очень смелый. Но осторожный: он будет умный. И — всегда — готовый к новому бою...

.....

Но вызов брошен, и пути назад больше — нет. Так поставить все паруса!

И пусть мой прокладывающий дорогу оружием корабль плывет и не знает границ. Бушует море Сомнений, кричат какие-то птицы, а он — плывет, распустив паруса, положившись на небо и ветер, в туманный океан Неизвестности.

Под ним океанская темная глубина, над ним необъятная черная бездна. И — звезды. Какие звезды!..

Эй вы, птицы, перевернитесь когда-нибудь и взгляните, вы поймете, что мы живем, наверное, только раз. И это так недолго! Так в чем же — счастье?

Не склоняться и выдержать всё. Чего нет — не жалеть. И служить *неземному*.

Чтобы — сабля в руке! Ярость битвы! Смятенье огня!

Прощение... Прощание... Не оглядываться никогда...

А в небе — голубая мерцающая звезда».

1972 год

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО

(Зарисовки из студенческой жизни конца 1950-х годов)

Предисловие

Повесть «Черное озеро» была написана в 1971 году и стала для автора хранимой на многие годы *тайной*, не раз спасавшей его «тайной огня тайны» в нелегкие для него времена. Уже много позже, став по жизни философом, автор узнал, что молчание является мощнейшим оружием. Имя ему — исихазм. А найдено оно было в средние века православными монахами — Григорием Паламой (XIV век) и другими, став частью русской культуры. Так, незримо входя в наши души, проявляет себя дух культуры...

* * *

Молчание-исихазм, уводящее человека в пространство космического одиночества, предполагает одно условие — *желание* достичь некоей цели. Если эта цель *высокая*, то хранящий тайну молчания получает в руки оружие — одной только мыслью сметать врагов. А что означает «высокая цель»? Это совсем просто: она *красивая*.

* * *

Поэзия и исихазм — простейший путь погружения в дух русской культуры. Женская природа русского духа и привнесённый в него православием дух свободы сложились в XII—XIV веках в религиозную философию русского староправославия, которая от сражения на Куликовом поле (1380) и до настоящего времени ведет ее носителей по дорогам побед. Это погружение начинается с поэзии. С этого начинается и наша книга. Остальное идет ниже.

2007 год*

* Из книги «Антропокосмическая модель Вселенной» в соавторстве с Владимиром Аршиновым, Николасом Кульбергом (Nicolas Koulberg) и Джеймсом Пурвисом (James Purvis).

ЭКСПЕРИМЕНТ С СУДЬБОЙ И ЧЕРНИЛАМИ В ПОЖАРНОЙ БОЧКЕ

От лестничной площадки, на которой сидит студент-вахтёр — крытый фанерой стол с пятнами синих чернил, доска с ключами на кривых гвоздях, черный дежурный телефон, единственный на все общежитие, — подозрительно таращащий на меня заспанные глаза, еще восемь ступенек вниз.

Тамбур. Тяжелая дверь с большой деревянной ручкой. На мгновение наваливается темнота.

И — солнце! Рыжее, золотое. Тишина. Но какая странная? Ненадежная утренняя тишина...

...совпадающая где-то с теми странными ощущениями чего-то неизвестного, что должно произойти со мной.

И наоборот, все, о чем я думал под влиянием этих настроений и что привело к идее — поставить эксперимент о реальности проявления судьбы, сегодня, когда эксперимент пошел, оказалось словно отображенным в том, что я сейчас видел.

Хотя ни чего особенного, если посмотреть со стороны, во всем, что меня окружало, не было...

Безлюдная, словно вымершая, улица освещена на одной стороне лучами восходящего солнца, в то время как другая ее сторона погружена в длинные черные тени. Тяжелые дома постройки первых послевоенных лет, серые или желтые, и торчащие вениками молодые тополя — кажется, они никогда и не вырастут.

Поликлиника, длинный забор и снова густая тень. Шаги гулко раздаются в пустоте, отгороженной стеклами окон.

Странные настроения и странная пустота... Это совпадение было, как символ. Казалось, едва затронув тему исследования судьбы, я обрел возможность видеть мир не таким, каким он представлен обычно людям, но глубже и острее и как

бы проникая в скрытую сущность жизни. Взять хотя бы это подмеченное совпадение странности моих настроений и странной пустоты улицы, по которой я иду *один* в самом начале эксперимента.

Оно, это совпадение *странности* того и другого, на которое я едва ли обратил бы внимание в иное время, при обычных обстоятельствах, несло, как сейчас казалось, какой-то внутренний смысл и воспринималось чуть ли не как «знамение»...

Людный днем перекресток улиц Красноказарменная и Лефортовский вал, в глубине которой стояло наше общежитие, шестиэтажное здание из красного кирпича, — сейчас тоже пуст, и пока я жду свой трамвай, лишь одна девчонка прошла мимо.

Я отвернулся, чтобы дать ей возможность посмотреть на меня, а в последний момент, когда она проходила рядом, открыто посмотрел на нее. Она улыбнулась. Я ответил ей глазами: ты сейчас моя. Она в ответ: твоя. И прошла дальше.

Подошел трамвай и застучал тормозами, зашумел открывающимися дверьми. Правила требовали войти и уехать, и я вошел.

А может, я не прав сейчас? Может, это и есть — судьба? Ведь именно об управлении ею я думал все последнее время. И вот на этом пути сделан первый шаг — моим включением в игру с поставленным экспериментом, — а этого, возможно, достаточно, чтобы она начала проявляться?

И она, судьба, — вот эта девушка-куночка, как *таких* называли в старину, сероглазая блондинка, которая пока не ушла далеко, — уже проявилась? А у меня еще есть секунда-вторая: можно сойти! Но... я не сделаю этого. Двери захлопнулись, и трамвай с грохотом покатился от навсегда ушедшего в неизвестность к какой-то другой неизвестности.

Какая тупая тоска... Я стою и держусь за серую стальную ручку, а за окном мелькают знакомые до противного стеклянный лабораторный корпус с круглой башней, строящийся хлебозавод.

Вот сейчас, в эту секунду, я проезжаю хлебозавод. Это именно я его проезжаю. Почему так медленно тянется время? Вот он. Хлебозавод. А вот я. Стою и держусь за серую ручку. И смотрю

на завод изнутри себя своими глазами и вижу его. Ну и что? Какая пустота внутри... И надо еще что-то делать.

Механически взяв билет, пошел вдоль вагона искать *свое* место. Выбрав одно, мгновение подумал и сел на соседнее, *именно то самое*. Трамвай в это время стал поворачивать налево, и я напряг слегка мышцы. Тело послушно вдавилось в полумягкое сиденье, и я вместе с трамваем пошел на поворот.

Вот бы прибавить сейчас хоть немного скорости!..

Была ли потеря девчонки не такой уж невосполнимой, или же это был всего лишь проблеск судьбы, где были уже движение и поиск, но еще не было настоящего пересечения с ней (судьбой), а может, просто сделали свое дело дважды совершенные *по правилам* поступки — не унизился перед собой (не выпрыгнул из трамвая за первой же юбкой) и следом сделал еще один правильный шаг, когда стал искать и нашел в трамвае «свое» место, — как знать, что здесь было причиной? — но только нахлынувшее было чувство тоски стало переходить в не столь уже мучительную грусть. Уже совсем не безысходную, но светлую и тихую, такую красно-золотистую. Как ранний весенний вечер, когда в морозном, быстро темнеющем мартовском небе вспыхивает первая звезда.

Все же как сложно устроен мир! Стоило бы мне догнать ту девушку, как — *знаю* — все померкло бы. Но если еще раз ее случайно встретить, то *уже можно* заговорить. И в этот день, расставаясь в темноте подъезда, я ее поцелую.

Как будто в каждой конкретной ситуации есть всего лишь одно решение, один узкий коридор, и человеку только и остается — найти его и пройти по нему.

А нарушишь правила — выбываешь из игры.

Но *что* тогда создает эти «ситуации»? Что-то «сверху» или же это «что-то» зависит также от человека?

Задумавшись, я чуть не проехал свою остановку на Абельмановской. Водитель, увидев, что я рванулся в последний момент, снова открыл захлопнувшиеся было двери. Киваю ему на ходу и выскакиваю из трамвая. Дальше пять остановок троллейбусом до Авторемонтной.

Переулок. Речка-канавка с грязной водой. Старые покрывки

в журчащей воде, мрачное строение из кирпича на той стороне. Зарешеченные, сто лет не мытые казематные щели-оконца.

Последние минуты свободы.

Мостик. Склад. Ворота. Домик в одно окошко. Я чувствую себя здесь хозяином, толкаю дверь ногой и вхожу в проходную.

— Что-то раненко сегодня. Здравствуйте! — Голос сторожихи, еще молодой незамужней бабы лет тридцати, толстой, с тонкими выщипанными бровями, застал меня врасплох.

— А, здарсьте! — Я вложил в то, как произнес это «здарсьте», немного оправдания перед ней за то, что не сразу ее заметил.

В предстоящем спектакле требовалось разыграть все до мелочей. Любая, даже самая маленькая, оплошность могла погубить задуманное.

Но все шло гладко. Тон, которым я поздоровался с незамеченной поначалу сторожихой, тоже был *правильный*. И теперь глупая честная сторожиха, с которой у нас были по-своему дружеские отношения, непременно скажет «ребятам», когда они придут через полчаса, на волне разведенного мной сентиментального настроения: «А один уже пришел. Спрашивал: ребята не приходили?» И это тоже будет еще одним камешком в том, похожем на карточный домик, здании из абсурда и нелепых нагромождений, которое я собирался построить — не без надежды на поддержку со стороны таинственного Провидения.

Что, в свою очередь, в случае успеха с этим сомнительным делом, могло бы рассматриваться как доказательство (пусть это будет всего лишь элементом доказательства, и только для меня) существования этого самого Провидения — как некоей силы в проявлении судьбы. И притом — *управляемой* силы?

И вот пока все шло так, как должно было...

Пройдя на территорию, я завернул за сарай. Выгрузив из спортивной сумки целую гору пузырьков и бутылок с синими и фиолетовыми чернилами, собранных со всего общежития, на секунду остановился. Получится или не получится? Если окажется, что чернила не тяжелее воды... Взяв бутылку, опустил ее в глубину сорокаведерной пожарной бочки и перевернул. Подождав минуту, осторожно вытащил обратно. Удача! В бутылке была вода, а чернила вылились в воду и ушли на дно.

Вслед за первой в дело пошла и остальная «посуда». Наконец, покончив с «работой», я вскарабкался на вершину четырехметрового штабеля из сохнувших досок: не сидеть же внизу, когда есть такая возможность — забраться на крышу. Теперь только ждать. До прихода бригады оставалось еще пятнадцать минут.

Я лег на спину и закинул руки за голову. От штабеля шел запах свеженаколотых дров. А в небе таяло маленькое подковообразное облачко. И скоро его уже никто никогда не увидит.

Когда-то в детстве я ходил в музыкальную школу. Меня нельзя было назвать успевающим учеником. Вся эта затея с музыкой принадлежала матери, хотевшей во что бы то ни стало дать мне хорошее образование. Я же относился к этому несколько иначе и часто не успевал даже вымыть руки перед занятием в школе после игры в футбол с такими же десятилетними охلامонами в нашем дворе.

Как хорошо я помню завораживающие звуки глухих ударов по кирзовому футбольному мячу, которые врывались в открытые окна нашей комнаты, выходящие во двор, когда я должен был с отвращением нажимать желтоватые клавиши ненавистного трофейного пианино, отрабатывая в пассажах все эти «нежно и задумчиво» или «бодро и энергично, как вода в ручейке», поставленные учительницей задания. От меня это требовалось делать «ну хотя бы сорок минут каждый день». И это были сорок минут ежедневной медленной пытки.

Не каждый это поймет, а кто-то, возможно, прочтет эти строки даже с чувством презрения. Но я, рожденный под знаками Тигра и Овна, этими двумя огненными символами борьбы и безрассудства, был предназначен, по-видимому, для чего-то совсем иного — ведь я же чувствовал это!

К тому же мой старший брат тогда, в конце наполненных упоением победы сороковых годов, был соперником самого, как потом оказалось, Льва Яшина. Стоявшему на воротах московского «Динамо» Алексею Хомичу в 1949 году стали подбирать молодую смену. И вот тогда, на последнем этапе выбора, была устроена игра между командами «Юный динамовец» и студенческим «Буревестником». На воротах сборной студенческой Москвы стоял мой восемнадцатилетний двоюродный брат, и это его, а

не двадцатилетнего Яшина, «не показавшегося» в этом матче, выбрали тогда победителем в конкурсе динамовские тренеры.

Однако судьбы великих людей, похоже, полны кажущихся случайностей. Брат мой после сложных раздумий все же не решился уйти в профессионалы, ибо это, как он говорил мне позже, помешало бы ему доучиться и стать инженером. Он повторял эту мысль потом еще многие годы. И я всегда «соглашался» с ним. Занявшего же «его» место Яшина (его игру) он очень любил.

А мне нравилось нападение. И если выкраивалась возможность, то всегда бежал на футбольную площадку. А оттуда шел напрямиком в музыкальную школу.

Понятно, что в школе меня уже «любили не очень». И учительница (мы жили тогда в одном из прибалтийских городов) била меня карандашом по пальцам. Это было больно и очень обидно.

И хорошо помню, как, направляясь в школу с черной нотной папкой с витыми ручками-шнурами (которую за ее «девчачий» вид ненавидел еще больше, чем само пианино), я думал: впереди еще целых шесть кварталов. Потом их оставалось четыре, два...

Вот тогда, по дороге в музыкальную школу, я придумал одну игру. В одном месте дорога к школе поворачивала налево, но можно было пройти еще квартал и только тогда поворачивать налево. Перед самой школой оба пути сходились.

Игра состояла в принятии решения: по какому пути пойти сегодня? Не зависит ли от этого то, как ко мне отнесутся в школе? И не связано ли это вообще с моей судьбой? Ведь, пойдя сразу налево, я уже потому, что увижу другие дома, других людей, и мыслить буду совсем иначе, а это значит — я совершу в это время другие поступки. Пусть это будет даже что-то и вовсе незначительное. Но все равно это будут уже не те поступки, которые я совершил бы, пойдя в этом месте прямо. И кто знает, быть может, это послужит *началом* совсем другого пути...

А потому каждый раз, доходя до развилки, я — подобно старшему брату — испытывал мучительное чувство сомнения и тоски по утерянному.

Но в школе меня все равно били по-прежнему. Этим желтым шестигранным карандашом фабрики «Сакко и Ванцетти», который почему-то никогда не стачивался хотя бы до половины. И в ожидании своей очереди к учительнице, стоя у окна, выходящего в узкий монастырский двор, я смотрел на пробивающуюся между камней травку и думал о том, что вот я тоже живу и у меня есть также своя судьба. И хотя я прожил уже десять лет своей жизни, но впереди оставалось самое интересное. Мне верилось в это. Я *хотел* в это верить. Как продолжаю думать об этом и теперь.

А вот в «хорошую» учительницу, которую можно было бы сделать такой, правильно выбрав дорогу в школу, перестал верить довольно скоро. И если бы не воспоминания о «несчастной» травке, возможно, обо всем этом уже совсем бы не помнил.

Ведь, как и травка, в той игре я был *не свободен*. Слишком уж очевидными были связи моих музыкальных злоключений с «этим грязным и никому не нужным футболом», и просто так, пойдя налево или же прямо, эти связи было не изменить.

Но сейчас — совсем другое дело. Ведь девчонку я встретил чисто случайно. И если согласиться еще и с тем, что наше будущее связано с поступками, которые мы совершаем сегодня, — быть может, связано даже буквально, вплоть до того: буду ли я и дальше смотреть на это тающее в небе облако или нет? — то как в этом случае угадать, *сколько* надо смотреть на это облако, чтобы жизнь пошла именно в таком направлении, которое приведет к новой встрече с той красавицей-девчонкой?

В восемь пришла вся бригада. Увидев меня, одиноко сидящего на штабеле, они покатались хохотом.

— «На ель ворона взгромоздись...» — Борька, мой друг и наш бригадир, ужасно довольный, что смеется надо мной, по прозвищу Ворон, попался уже на удочку, которую я и не готовил.

— А я встретил девушку, — сказал я слезая.

Хохот покатался снова:

— И мы тоже! — В окошке за стеклами застыло круглое лицо сторожихи.

Сейчас надо было говорить, говорить... Главное — не дать

ему почувствовать подвоха с моим ранним появлением на складе.

Борьке, для которого я строил весь этот «карточный домик», сказали, что мне поставили указатель звонка на будильнике так (вперед), чтобы я мог подумать, что это розыгрыш для моего опоздания. И понял, что проспал и все давно уехали. После чего, по замыслу «злоумышленников», я должен был, кое-как умывшись и похватав на ходу что попало, полететь (на трамвае) на склад. И якобы только тут, наконец, сообразить, что, кроме ложной установки звонка, мне перевели вперед еще и сами стрелки, да так, что в действительности все еще только просыпаются.

Хоть какое-то, но это было объяснение моему раннему появлению на складе. Однако в спектакле, как известно, важно не только его содержание, но и игра. Особенно же опасны паузы, с помощью которых, как оказалось, можно даже создать чуть ли не самый лучший театр. «Художественно» передавая настроение.

Между тем Борька подошел к *своей* бочке и внимательно осмотрел ее.

— Что-то песочка на дне не видно. — Борька был старый волк в такой же, как он, волчьей стае, и осторожности ему было не занимать. Но в бочку он все равно залезть должен! Я как можно более лениво подошел к нему и посмотрел на дело своих рук. Н-да...

— Это солнце наискосок. А хочешь — помогу, перевернем и нальем снова. Только условие: я тоже купаюсь. После тебя, — добавил я, вовремя спохватившись по ходу спасительной мысли-экспромта и предлагая ему значительную уступку. Неужели он согласится?

Он подмигнул левым глазом и отчеканил:

— Хрен вам всем! Вот такой: две лягушки, две квакушки. — Он показал нам две фиги.

Со своей точки зрения он был, безусловно, прав. Вчера, когда он предложил нам отчистить пожарную бочку от грязи и слизи, чтобы превратить ее в «шикарный бассейн», ему — от лени — никто помогать не захотел. После чего он, «такой передовой», вычерпал и выскреб ее в одиночку, а потом еще и залил свежей

водой, пожертвовав на это все свои перерывы. И недвусмысленно объявил, что бочка переходит теперь в его частную собственность, — заявление конечно же явно неосмотрительное.

Ни одна точка зрения не бывает абсолютно верной. Или безопасной. Он забыл, что склад — это пиратский корабль, и законы на нем, хотя и жестокие, отличаются высшей справедливостью.

И так, шаг за шагом, он уже вчера покатился к своей гибели: начав с ошибки — отказавшись поделиться «бассейном» с товарищами, — он только что повторно проявил жадность, подтверждая этим поступком один из известных законов — парности, и, как это часто бывает в подобных случаях, еще и, можно сказать, наорал на нас, обозвав хреном с лягушкой. Отрезав себе тем самым последний путь к спасению: один он тяжеленную бочку с водой не перевернет, а возиться снова с ведром означало бы смазать уже подготовленное «гулянье», получившее у нас даже свое название: «Единоличное торжественное купание в пожарных бочках на глазах безумно завидующей ленивой публики».

Или сокращенно — ЕТКПБ на ГБЗЛП, как нацарапали гвоздем на стене сарая — для сохранения на этой Доске почета, как объяснили, «жизненного описания периода активности у Бориса». Что тоже нацарапали в сокращенном виде над входом в сарай. Но «у Бориса» сокращать не стали.

Посмотрев на вчерашние записи, Борька презрительно усмехнулся и объявил начало работ. Я взял кувалду и зубило и стал разрубать железную проволоку, которой при перевозке на приспособленных для этого «студебеккерах» (сохранившихся еще со времен войны) с открытым прицепом обвязывают пачки досок.

Наша работа заключается в укладке досок в штабеля, для просушки. Потом из них делают мебель — мы ее видели, побывав однажды на фабрике, — довольно плохую. Обычно двое работают внизу, на подаче досок, и двое — наверху, по их укладке.

Сверху открывается привлекательный вид: склад с его полутора десятком штабелей из сосновых и еловых досок, обнесенный с трех сторон высоким деревянным забором и отгороженный речкой, на берегу которой в репейниках бродит коза.

А дальше — многоколейное полотно железной дороги, с проносящимися электричками и бесконечно тянущимися товарняками. И уже совсем далеко, у горизонта, — какой-то мрачный завод с вечно дымящими огромными трубами.

Работать наверху — это привилегия, но она имеет и недостаток: каждую доску требуется положить концом, глядящим во двор, вровень с другими. Эта элементарная операция связана с участием головы и потому причислена у нас к разряду «интеллигентных». «Интеллигентной работой» заниматься никто не хочет, поскольку она мешает думать о чем-нибудь своем.

Поэтому чаще всего, как и сегодня, она поручается бригадиру, иначе — «голове». Он и его напарник, худой и маленький очкарик Яшка, которому на случай, если он станет разведчиком или шпионом, придумали подпольную кличку «Шпрот», — это «интеллигентики». Они, в соответствии с Основным законом нашей Советской Родины, отнесены у нас к «прослойке» (между трудящимися), но это, как они нам заявили, их нисколько не задевает. Со своей стороны, работая почти каждый день на штабеле, они считают себя занимающими «верховное положение» и потому могут позволить себе даже покрикивать на нас:

— Эй там, внизу! Не забудьте погасить наши окурки!

Но и мы не собираемся оставаться в долгу. Воспользовавшись минутным перерывом, когда они в очередной раз закуривают, мы с четвертым членом бригады, немногословным и всегда охотно участвующим во всех моих «мероприятиях» соседом по общезнанию, подбрасываем им доску потяжелее и тремя-четырьмя ударами молотка, торопясь и рискуя попасть по пальцам, вколачиваем в нее здоровенный гвоздь, прошивающий заодно и нижнюю, направляющую доску, по которой осуществляется подача.

Они слышат удары, но неписанные мальчишеские законы не позволяют им проявить недостойное в данном случае любопытство, предполагающее недоверие и подозрительность. Однако вернувшись к работе, они теперь пыhtят, пытаясь вытащить наверх нашу, скрепленную с неподвижной, доску, но никак не могут даже сдвинуть ее с места.

Наконец Борька, чувствуя, что «тут что-то явно не то», посылает вниз Яшку — проверить. А у нас в это время происходит

«разговорчик»:

— Он что же, решил, что не докурил?

— Да нет, он просто решил погасить его в бочке. Они ведь со вчерашнего дня пожарники. Даже попали на Доску почета.

— Это хорошо. Надо бы брать с них пример. И я хочу туда же!

— Тогда получится уже бастион! На страх врагам. С названием «Две ж...».

Но всему приходит конец. И вот уже наша доска с вывороченным гвоздем поднята и уложена на то место, которое, если верить философам, было ей уготовано еще до того, как она была выстругана. А мы продолжаем работать. Двадцать шагов вперед, бросок и двадцать шагов назад, за новой доской. Доски по очереди взлетают наверх и там ложатся такими же тонкими, как зарабатываемые нами рубли, метафизическими рядами. Доска, еще доска...

Постепенно окружающее перестает существовать, остаются только ощущения ритма и собственной какой-то безграничной силы. И еще — снова — мысли о той девчонке.

Сначала, когда я только взглянул на нее, у нее был осторожный взгляд из-под полупущенных ресниц. Но я ей сразу сказал: ты мне нравишься. И в ее глазах появился пламень.

Я знал, что надо делать в это мгновение: только атака. И она тихо ответила: да, твоя. И ушла.

— Шабаш! — объявляет Борька.

Уже перерыв. А кажется, только что начали работать. Мне жаль куда-то вдруг исчезнувшего настроения. Я им живу еще, вот только не помню — о чем это думалось в конце? Но — хватит! Сейчас начинается самое интересное.

Мы вылезим из башмаков и, осторожно ступая по засохшей колкой земле, наезженной протекторами грузовиков, идем купаться. Скинув последние, линялые и драные остатки тряпичной цивилизации, поочередно влезаем под сверкающую струю, бешеным потоком хлещущую из пожарной кишки. Задержавшийся дольше положенного непременно получает пинок в скользкий мокрый зад и, еще ничего не понимая,

оглушенный и ослепленный, вылетает в тишину яркого солнечного утра.

Если все по правилам, то обида не допускается. Но случается, что пострадавший посчитает себя «жертвой произвола» — то ли слишком рано, по его мнению, был получен пинок, то ли этот пинок был оценен им как слишком сильный, — и тогда он, схватив подвернувшейся тряпкой растущую у забора крапиву, бросается мстить «и за обиду, и за поруганную честь». При этом поднимаются такие кутерьма и вопли, что даже коза начинает бегать по берегу речки и бляеть от испуга.

Представление с блеющей козой и бегающей вместе с ней по складу бригадой, сверкающей незагорелыми бастионами, однако, обычно продолжается недолго, прекращаемое пятидесятилетним завскладом Митей (он же Дмитрий Васильевич НОУ — Ну Очень Уважаемый), который на требование сторожихи «надеть на них штаны» выходит и начинает ругаться. Приказы же и ругань НОУ-Мити считались у нас не ниже фельдфебельских и потому подлежали немедленному исполнению. Но сегодня ожидается нечто необыкновенное, и мы ведем себя тихо, даже слишком тихо.

— Эх, покупаемся! — это Борька. Он тоже разделся и теперь набирает пригоршнями воду из бочки и плещет себе на лицо и на грудь, чтобы сбить немного жару.

Вода сверху чистая, и он пока ничего заметить не может. Напряжение нарастает, главное сейчас — не обращать на него внимания и не дать ему в последний момент почувствовать подвох. И так мое раннее появление на складе чересчур подозрительно. Но все невольно следят за его действиями, и кажется — вот-вот кто-нибудь не выдержит и засмеется. Тогда все пропало. Но уж очень он походил сейчас на важничающего петуха, из которого решили сварить суп.

Зачем-то я поискал козу. И замер: из-за соседнего штабеля высунулась ее морда с оловянными глазами, похожая на застенчиво поглядывающую даму, которая тупо уставилась на нас. Наверное, услышала по звукам плещущейся воды, что наступил «противный» перерыв.

Только этой дуры не доставало! Надо было немедленно

переключить внимание, и я рассказываю одну историю, случившуюся на складе в прошлом году и так же во время летних каникул.

Однажды Митя сказал нам, чтобы мы пришли на следующий день не вчетвером, как всегда, а вшестером: будет дополнительная работа. Проблемы тут не было, ибо найти в студенческом общежитии желающих подзаработать можно было всегда.

В тот день на склад привезли вату в тюках, и от нас требовалось затащить ее под крышу в сарай. Четверо, как обычно, должны были работать на укладке досок, а двоим надо было идти в сарай. Работа в сарае грязная, поднимать наверх тяжеленные пятипудовые мешки и глотать пыльный воздух — чего в этом хорошего? Поэтому идти туда никому не хотелось.

Чтобы было по справедливости, решили «бросить на пальцах». Это дело известное: по команде каждый выбрасывает на руке столько пальцев, сколько хочет. Выясняется общая сумма, и затем ведется отсчет по кругу, который у нас при первом «бросании» всегда начинался с бригадира, принятого по моему предложению за «начало всех координат». На ком счет кончается, тот вылетает — ему и идти.

А если вылетит бригадир, то при следующем бросании отсчет ведется уже от того, у кого оказалось больше выброшенных пальцев. Чтобы все было ясно заранее, надо *это* выбросить самому.

Бросили раз. Борька, Яшка и я остались. Бросили по второму разу. Когда подсчитали сумму, я поднял на Яшку взгляд ужа на лягушку. Он понял. Его глаза метнулись, а рот поехал на сторону. У него, правда, еще оставалась надежда, да и я тоже не знал еще: получится ли? Но он понял правильно: я наносил удар.

Между нами велась тайная война. Яшка принадлежал к той категории людей, которые разменивают свои интеллектуальные способности на общественную деятельность. Будучи так называемыми активистами, они, как это чаще всего бывает, заботятся прежде всего о том, чтобы заполучить возможность распределять общественные блага. Такие, как путевки в бесплатный профилакторий, какие-то жалкие надбавки к стипендии и

другие мизерные льготы, оставляемые для борьбы между маленькими людьми.

Однако и на этих крохах, если их собрать вместе, можно было существовать очень даже неплохо. Надо было только хотеть всем этим пользоваться. Чем и отличался наш Яшка. Воевать с такими умниками за справедливость — значило разменять свою жизнь на их. Поэтому хотя все хорошо это видят, однако никогда против них ничего не делают.

Но я тоже считал себя умным, только по-иному. Так, меня все же заинтересовало: а что будет получаться, если, не вступая в открытую борьбу, тем не менее при каждом подвернувшемся случае дергать его за хвост невезения? Тем более, что времени на это дополнительно не требовалось.

Стали подсчитывать. Так и есть! Выбор пал в этот раз на Яшку. Его лицо на мгновение стало жалким, но, зная, что за ним наблюдают, он тотчас овладел собой.

Бедный Яшка, со своим умом ловкача он «ну никак» не мог понять: как это можно управлять количеством чужих пальцев, когда каждый «кидает» сколько он хочет? Он знал, что я *навожу* на него, но понятия не имел — *как* это делается? Я же объяснял это его фатальным невезением.

Хотя уж очень большого секрета здесь не было. Просто есть такой (отмеченный выше) закон — парности. Под него подпадает, скажем, известное выражение «пришла беда — открывай ворота».

В данном же случае этот закон проявляется в том, что при повторе игры одни и те же люди выбрасывают примерно одно и то же количество пальцев. Это становится особенно заметным в том случае, когда количество играющих превышает четыре-пять человек. Возможно, конечно, что это распространяется не на любую ситуацию, а предполагает некое «особое настроение» — в этом случае можно, по-видимому, говорить, что оно у нас было.

Так или иначе, но закон обычно срабатывал. И поэтому если «бросили» раз и ты остался играть дальше, то сориентироваться и вычесть понесенную потерю (отнять из общей суммы число, выброшенное вылетевшим из игры), а затем тут же, имея

целью «наводку», внести необходимую поправку к числу своих пальцев при известном «начале координат», в общем, не так уж сложно.

Моей задачей является отвлечь внимание от Борьки и от козы, и я иду на эту жертву — раскрываю секрет Яшкиного невезения. Сейчас эта цена вполне оправдана: такого спектакля, который должен произойти, еще никто никогда не видел.

И это мне, кажется, удастся. Мы посмеиваемся над Яшкой, но и Яшка тоже доволен: оказывается, все очень просто, а главное — нет ничего фатального.

Но эта история имела еще свое продолжение.

*У Черного моря открывшийся мне
В цветущих акациях город...*

Это — Борька. Он, можно сказать, целые сутки предвкушал, как мы ему будем завидовать. И вот он уже произвел первое — оно же самое торжественное — погружение, но оно осталось чуть ли не незамеченным. Конечно, он видит, что я рассказываю что-то там интересное и все над этим смеются, но ему от этого не легче, и яд разочарования разлился в его душе, столь долго готовившейся к этому столь возвышенному моменту в его жизни. И теперь он, чтобы хоть как-то привлечь наше внимание к происходящему, поет «задушевную» песню про героя, весну и о море.

А я продолжаю свой отвлекательный рассказ.

Яшка и доставшийся ему «приятель» ушли в сарай затаскивать на чердак пыльные тюки, а мы занялись укладкой досок. Время близилось уже к обеду, когда они вылезли наконец на чистый воздух и, сверкая глазами, мрачно заявили: «Хватит! Половину тюков подняли мы, а остальные пусть затаскивают другие».

Это было не по-мужски, и я сказал им об этом. И, чтобы подчеркнуть пренебрежение, добровольно пошел в сарай. Вместе со мной пошел верный друг Борька.

Когда мы вошли в сарай, сразу стала понятна тонкая месть, которой отплатил мне Яшка: тюки были все до одного подняты на чердак, и теперь ожидался наш, точнее — мой, выход из сарая с лицом настоящего мужчины.

Я не мог не оценить его удар по достоинству. Но, видно, это был не тот день, который должен был принести ему радость.

Мы сбросили один тюк и уселись на него.

Сидим. Дымим. Время идет. Яшка с тремя другими работает, укладывая доски в штабель и зарабатывая деньги в общий котел.

Прошло, наверное, целых полчаса, когда в дверях появились их скептически раздраженные физиономии.

— Мы, что же, должны работать, а вы, гады-подкулачники, отдыхаете? — еще с порога начал было выяснять отношения борец за распределение общественных надбавок.

— Что ты, Яшка, — ответили ему, — мы уже заканчиваем. Вот только один тюк остался.

Борька видит, что произведенное уже им первое показательное купание в пожарных бочках не вызвало ожидавшегося интереса, и, отказавшись от дальнейших попыток привлечь наше внимание, просто плещется «в наше и ваше полное собственное удовольствие» — как известил он «рогатую козу и других», проверив перед началом пальчиком воду: уж не холодная ли?

Вода была не холодная. И чистая. На глубину пальчика.

Закрыв ладошками оба уха, он теперь выпрыгивает вверх и затем, как свалившийся в воду с берега бегемот, с шумом погружается в глубину. Вода кипит. Его нет. Потом он снова есть.

— Эх, хорошо! — выкрикнул он, выскочив один раз из бочки особенно высоко, а потом снова исчезнув. Счастливый. Ну очень счастливый бегемот. В глубинах синих морей.

«Человек никогда не бывает так счастлив или же так несчастлив, как ему это кажется» — вспомнились мне слова одного философа-француза, жившего при каком-то короле Людовике и, кажется, кардинале Ришелье. Это высказывание раньше мне представлялось неверным: я все же верил в высокие чувства. Но теперь, пожалуй, начинал понимать, что он хотел этим сказать.

Напрыгавшись и, возможно, помечтав о пляжах южного моря, недоступных для наших дырявых карманов, Борька остановился и о чем-то задумался. Ему, по-видимому, что-то показалось, и он плеснул себе на грудь. Потер и снова плеснул. Набрал воду в пригоршни и стал пристально рассматривать. Лизнул. С удивлением взглянул на нас.

На нас из бочки глядело *что-то синее и зеленое*. Знакомое и незнакомое. Как соленый огурец в банке с вареньем.

Настало то страшное прояснение, когда жертва смотрит тебе в глаза и все понимает. И снова потухло.

Потом «оно» стало медленно вылезать наружу и разглядывать себя. Замерло. Втянуло. Моргнуло. Изогнулось. Улыбнулось.

— Держи ее! — закричал Яшка истошным голосом.

Борька вывалился через край и, к нашему неопишуемому (или наоборот) восторгу, не поднимаясь, на четвереньках (потом он будет объяснять это желанием замаскироваться от сторожихи) побежал в открытую дверь сарая.

Когда у нас появилась способность двигаться, мы, охая, припадая и держась за бока, пошли поглядеть в сарай.

Там, в углу, обернувшись какой-то мешковиной, сидел Борька. Мне показалось, что на глазах его были слезы. Впрочем, сейчас это было трудно определить.

Пришедшая на шум сторожиха склонилась над ним и терла чем-то (мне показалось — грязным) по скрюченной спине.

— А ведь еще и учатся, — сказала она, облив нас горечью искренних девичьих чувств. Ее глаза светились и прожигали. — Вот только что из таких хулиганов выйдет?

В руках у нее было синее вафельное полотенце.

Борьку попытались отмыть, согрев на костре ведро воды, но успех был сомнительный. Решили спросить пудру у сторожихи. Та посмотрела на нас с Яшкой грустными коричневыми глазами и осуждающе покачала головой — э-эх! — но пудру все же дала, не проронив при этом ни слова. И развернулась к нам своим, напоминающим легкий танк, обтянутым юбкой с рюшками задом. Последнее, по-видимому, следовало понимать как то, что «нас благодарят» и что для нас «аудиенция уже закончена».

Мы на мгновение замерли, замороженные божественным.

— Мерси, мадам! — Яшка встряхнулся первым, отсыпал пудры в бумажку и, соблюдая соответствующий моменту французский этикет, пошел на цыпочках танцующей походкой к выходу из будуара с кочергой и печкой, изящно держа кулек с драгоценной пыльцой на вытянутой руке. Сторожиха, видимо, ждала, когда мы захлопнем за собой дверь, и потому пока не поворачивалась.

Проньра Яшка, мгновенно оценив расположение развернутых к нам задом сил противника, подскочил к столу, схватил стакан с налитым в него чаем с лимоном и отпил, подлец, половину. Потом так же ловко вытащил чайник из плиты и стал доливать кипятком отпитое. Сторожиха, услышав звяканье за спиной, не выдержала, хрюкнула какое-то ругательство и пошевелилась.

Яшка в порыве вдохновения, заметая следы своего поведения, совершенного в отношении известной брезгливостью сторожихи, поймал на окне муху и топил ее пальцем в чай, в расчете на то, что он (уже не очень сладкий чай с лимоном и плавающей в нем шевелящей лапами мухой) после этого будет вылит в ведро.

Я вернулся, схватил его за штаны и вытащил за порог.

Борьку попудрили. Оказалось, что это здорово помогает. Но на нос, как объяснили, пудры, к сожалению, не хватило («эта жадина не дала»). Пришлось ему в таком незаконченном виде самому идти к своей покровительнице.

— Да не забудь, когда она даст, еще обозвать ее жадиной, — кричали вдогонку ему. — Или даже дать ей пинка!

* * *

Во второй половине дня, незадолго до конца работы, во двор въехала грузовая машина. Вышел из домика Ну Очень Уважаемый Митя и, глядя куда-то вниз и немного в сторону, велел нам нагрести ее старыми досками, очевидно, для «левой» операции.

Вместе с ним был кудрявый юноша, с черными оливковыми глазами, аккуратно одетый, в отглаженных брюках и начищенных штиблетах, державшийся в стороне от нас — можно было догадаться, что Тоже, Видимо, Уважаемый. И еще Кудрявый. В общем — ТВУК.

НОУ-Митьяа помялся немного, почиркал по бумажке и вскоре ушел, а мы разбрелись в поисках разных заваливавшихся досок.

ТВУК, глядевший на нас стрекозьими глазами-сливами, освоился через некоторое время и позвал меня:

— Положи эту доску!

Мгновенно что-то подбросило меня, и, еще не соображая, что мне хочется сделать, я уже шел прямо на него.

А! Я понял: мне ну просто позарез захотелось пройти именно по тому месту, где стоял этот презрительно шурящийся на нас юноша, делающий свои первые шаги в самостоятельной жизни.

Тот испуганно отскочил, а когда я пошел обратно, он уже переместился поближе к шоферу, который недружелюбно разглядывал меня.

Я от страха подмигнул шоферу и забросил в кузов машины приволоченную гнилую доску. Они промолчали. Поморгав и пождав новых приказаний, я пошел за другими досками.

Снова вышел Ну Очень Уважаемый Митя и, поглядев опять вниз, но уже в другую сторону, велел сбросить им с ближайшего штабеля пару досок получше.

— Ворон, хватай! — Борька, забравшийся на штабель, с припудренным зеленым лицом прицеливал в сторону нашей теплой компании конец тяжелой доски, скаля от напряжения зубы.

Я не двигался.

Херувимчик-ТВУК и шофер с удивлением взирали на нелепое привидение, размахивающее доской-косой над их головами.

Вдруг из-за штабеля выскочила коза и, отчаянно бляя, проскакала за угол сарая. Вслед за этим откуда-то из-под низу кто-то мяукнул человеческим голосом.

И уж совсем не к стати что-то пролетело в сторону речки, громко хлопая крыльями.

Из-под низу опять мяукнуло.

Шофер побледнел и полез в кабину. ТВУК в штиблетах исчез. Митя, похоже, сквозь землю провалился.

Сторожиха Нинка вылетела в трубу. Юбка застряла.

Я посмотрел на небо, но ничего интересного разглядеть в нем не смог. Нинки не было. Потом все же принял доску и бросил ее в кузов. Машина тронулась и покатила.

Вместо шофера в ней сидел теперь гусь. А около серого гуся скорчился черный твук. И скреб по стеклу когтями.

Но этого я уже видеть не мог.

Однако четвертый член бригады, державший открытой одну, исправную (качающуюся), створку ворот, что-то такое, наверное, оттуда, спереди, видел и, должно быть, от этого неестественно хохотал. Машина выкатила из ворот.

Четвертый член поперхнулся и выкатил глаза.

Тут откуда-то выбежал очкарик в надвинутой на нос соломенной шляпе и, присев на тоненьких ножках, засвистел неожиданно с разбойничьей удалью. За сараем «Ж... у Бориса» заблеяла коза.

Заскрипела открываемая дверь. Из домика вышла сторожиха, держа в руках метлу. И стала подметать двор.

Белые рюшки на ее юбке были измазаны. Возможно, сажей. Юбка трещала по швам.

* * *

Вечером, вернувшись домой и поужинав, я решил описать в дневнике свои впечатления. Отвратительное настроение, пришедшее вслед за историей с «левыми» досками, когда я полез на рожон, не желая обслуживать оливкового хер-у-вимчика, не давало уйти в тот, другой, мир — *настроений*, который почему-то ломался, когда в него врывается реальная жизнь.

Ведь я ни при каких обстоятельствах не мог бы прислуживать этому херу-с-вимчиком.

Что же, выходит, я был все-таки прав, когда «пошел» на него? А как же быть тогда с теми настроениями, которые кажутся важнее всего на свете, но которые тотчас исчезают, как только делаю то, что — по стечению обстоятельств — не могу не делать? Прислуживать — не могу, но и лезть на рожон из-за каждой мелочи — недостойно, а потому подобное «мелочное поведение» ломает настроение тоже...

Где же выход?

Задача казалась нерешаемой. Я задумался, кажется, надолго. И через *некоторое время* показалось, что я не так уж и расстроен. А может, даже и вовсе не расстроен?..

Через несколько дней я уезжаю в спортивный лагерь. Что-то в нем принесет судьба? Но почему я *так жду* чего-то?

В дверь тихонечко постучали, затем она открылась и в комнату вплыл бочком четвертый член.

— У тебя нет сахара? — мягко спросил он, скользнув взглядом в мою сторону.

Он знал, что я веду спортивный дневник. Дневник и сейчас лежал у меня на коленях, прикрывая коричневую тетрадь на фоне коричневого же грубошерстного солдатского одеяла.

Я никогда не прятал эту тетрадь от каких-то там «органов», просто не хотелось думать, что кто-то может залезть без спроса в твою душу... Но так, по-видимому, думали не все. И однажды дневник неожиданно исчез.

В комнате было обыскано все, но его нигде не было. А через три дня он появился на том же месте. Но это был всего лишь спортивный дневник в светлой обложке, который могли видеть все, а коричневую тетрадь, похоже, и не искали.

Конечно, я понял все. Но вычислить четвертого члена бригады тогда не смог.

У нас на этаже жили разные человеческие типы, и некоторые, особенно бывшие старички-фронтовики, которым перевалило за тридцать, одинокие, ограниченные и где-то даже озлобленные из-за обрушившихся на них трудностей послевоенного времени люди, вызывали во мне сложную смесь ощущений и чувств, состоявшую как из уважения за их прошлое, так и из неприязни за жалкий вид. Симпатии, конечно, были взаимными, и мне тогда показалось, что дневник взял кто-то из них.

Но особенно копать в этом вопросе не полагалось, тем более что дневник вернули. Правда, теперь он был уже «не совсем тот», и писать в него я какое-то время не мог. Как не мог знать и судьбы взявшего его.

Четвертый член должен был умереть первым. Но споткнулся он об этот камень на рубеже сорокалетнего возраста — «сгорел на работе», как пишут тогда о них, — уже где-то в далеких краях.

Мы с четвертым членом, однако, в дальнейшем в этой книге встречаться не будем. Как и с Яшкой-Шпротом. О последнем скажу только, что через пятнадцать лет после окончания института, когда мы увидимся в ресторане гостиницы «Москва» по случаю очередного, кратного пятилетнему сроку, юбилея, он окажется одним из двух первых с нашего курса докторов наук, решившим какую-то сложную задачу с управлением ночной стрельбой.

Он придет на эту встречу в черном пальто с красным шарфом и черной шляпе с большими прямыми полями, которые будут создавать ему соответствующий его положению шикарный имидж. Но это будет чуточку смешно, потому что тогда, в конце мая, будет стоять теплая погода и все соберутся в назначенном месте — в сквере перед Большим театром — без верхней одежды. А у него, похоже, без шляпы — не получалось.

Борька, наш бригадир, поработав с год инженером на низкой зарплате, затем уйдет в армию и дослужится там до полковника, занимаясь исследованием проблемы: что эффективнее — одна надежная, но дорогая ракета, как это предпочитают во всех своих делах делать немцы, или же — следуя за американским подходом — несколько менее надежных, но зато дешевых?

Я никогда никому не желал такого зла, как смерть. Но судьбы, как это можно заметить, подвластны законам, которые не зависят от человека. Однако же в исполнении этих законов человеку отводится не фатально-пассивная (где все предопределено), но, наоборот, — активная роль.

И мне довелось видеть, как эта роль может сделать активного человека, занявшего *правильную* «позицию», тайным орудием чьей-то судьбы. А может — даже и разных судеб.

...Четвертый член взял в шкафу надорванный пакет с сахаром и вышел. Сейчас он вернется снова, чтобы положить сахар на место. Поэтому пока подожду — не буду писать, чтобы потом уже не прерываться.

Когда я пришел с работы, мой сосед по комнате Калошин, в котором, несмотря на его рязанскую фамилию, текла пополам

татарская и украинская кровь, был уже дома, и я, войдя, застал его сидящим с ногами на подоконнике.

После окончания экзаменационной сессии он так же, как и я, не поехал домой к родителям, а остался в Москве. Но если я при этом зарабатывал деньги, занимаясь погрузкой досок, то он, имея богатеньких нефтяников-предков (как называл их сам), мог позволить себе делать то, что захочет, и потому с утра до вечера возится в гараже ДОСААФ (было такое «общество») с мотоциклами. У них там что-то вроде спортивной секции, но очень часто он приходит домой выпивши.

«Попробуй целый день почисти цилиндры», — говорит он в подобных случаях, хотя его ни о чем таком не спрашивают.

В моторах я не разбираюсь, но он, по-видимому, чувствовал, что в конце концов у кого угодно может сложиться впечатление, что чем их, моторы, больше чистишь, тем они, заразы, сильнее загрязняются.

Я даже как-то подумал, что если судить по Калошину, то и в грязи можно найти счастье. И ездить не надо, нашел желанную и, смотришь, — по поговорке «нам, татарам, все равно» — счастлив.

Но это оказалось все же не совсем так. И однажды он пригнал к подъезду тяжелый черный «Иж» с мягко урчащим мотором и предложил мне «попробовать поучиться».

Мы уехали за город, остановились в лесу на большой поляне, и он показал мне все ручки. Я сел, и, как это ни странно, мой «ижовый» конь послушно сдвинулся с места, и мы — поехали.

Калошин улегся на солнышке, а я в каком-то опьянении стал колесить между пнями — поляна была когда-то лесоповалом.

И все получалось неплохо, но только до той минуты, когда ни с того ни с сего мне вдруг подумалось о том, что сейчас непременно на него наеду. После чего, едва я посмотрел в его сторону, как черный конь тотчас повернул туда же. И началось...

Сначала исчезла кнопка сигнала. Я знал уже, что она мне будет очень нужна, и обыскивал лихорадочно обе ручки. Но на них можно было найти все, что угодно, но только не кнопку. И тогда, предвидя неладное, я закричал.

Калошин, лежавший в траве с цветочком в зубах, лениво

поднял узкоглазую татарскую голову и, как обычно, равнодушно посмотрел на меня.

И тут я увидел, что кнопка-нос сидит уже на его лице.

— Беги! Спасайся! — Мне сразу стало понятно, что дело нечисто, и мое решение было, быть может, единственно правильным. Но он только сплюнул цветочек и отвернулся. Да я, и правда, был еще далеко.

Потом перестал поворачиваться руль. А затем эта изрыгающая грохот и дым черная гадина, на которой меня волокло непонятно зачем и куда, по-видимому, потеряла еще и свои тормоза.

Я орал и болтал одной ногой, нажимая другой на что-то там, похоже, вообще ненужное, а рычавший подо мной обезумевший зверь все тащил и тащил меня — на него.

Когда оставалось совсем немного и рев стал накатывать, как гроза, он глянул, и тут до него наконец дошло. Однако чтобы вскочить на ноги, времени у него уже не было.

Он бежал от меня на длинных и тощих руках-ногах, как паук-косиножка, едва касаясь земли, и тоже чего-то орал. Там были какие-то «...ать!» или «...ядь!» — наверное, объяснял инструкцию. Но я из-за рева почти не слышал его.

Тут на пути оказался пень, и вопящий через ... Калошин, как заяц, сжался и прыгнул через него. Однако эта гадюка, в которую успел превратиться мой конь вороной, прыгать не захотела. Взлетел (орлом в вышину) над пнем только я.

Больше он меня не учил. Но и сам, по-моему, тоже почти не ездил, а лишь наводил чистоту в цилиндрах. Вот и сегодня, после очередной проведенной кампании по прочистке мотоциклетных внутренностей, он сидел, распахнув окно, и, постукивая костяшками по подоконнику, мрачно глядел на окна напротив.

— Какая-то девушка тоже сидит в одиночестве и задумчиво смотрит в окно, — сообщил он, отреагировав этим пока ничего не значащим способом на мое появление. И затем, подождав немного, пока моя сентиментальная северная душа проникнется поэзией его слов, авторитетно заключил: — Б...дь!

Я имел право не отвечать. При этом, однако, считалось, что я с ним согласен. В этом заключалось главное условие, которое — как можно было вынести из опыта нашей жизни — предполагает

установление лояльных отношений между татаринном и русским. Во всяком случае, после принятия с моей стороны этой, как я называл ее, «татарской дипломатии», мне была гарантирована «полная и неограниченная неприкосновенность». Иначе говоря — отсутствие какого бы то ни было интереса ко мне. Что я ценил в проявлении этой философии и в нем, как в соседе по комнате, выше всего на свете.

Но здесь, как оказалось потом, мое понимание человеческих отношений содержало существенную неточность. Пройдет много лет после вуза, Калошин отыщет меня, и мы с ним после этого будем долго работать вместе. И однажды он спросит:

— Хочешь, скажу, за что я тебя ненавижу?

Ничего себе... Мне казалось, что мы вообще не интересуемся друг другом. Но услышать его разъяснение был конечно же согласен.

— Я наблюдаю за тобой уже тридцать лет, — сказал он тогда, — и вижу, что каждый раз, когда ты начинаешь новое дело, оно бывает обеспечено только, скажем, в трех или, в лучшем случае, пяти пунктах из десяти. И я всегда ждал, что ты непременно провалишься. И не понимал, отчего ты сам этого не видишь. А потому мне кажется, что ты никогда все до конца не продумываешь и не подготавливаешь. Но все равно начинаешь — на авось. Но потом тебе почему-то везет. К тебе приходит сначала одна случайная удача, потом вторая, и так до тех пор, пока все наконец не складывается случайно в твою пользу. Однако этого просто не должно было быть.

Нечто подобное, но уже не в отношении меня лично, а русских вообще, я услышал от одного немца в Берлине.

Это были «застойные» годы, когда открыто говорить обо всем, о чем думалось, было запрещено. Однако это не значило, что все молчали.

Так, один из моих немецких коллег, отец которого был в числе ведущих участников создания немецкой атомной бомбы и после войны вместе с семьей оказался интернированным в СССР, организовал по моей просьбе «подпольный» философский семинар, на котором я выступил перед девятью немцами.

Меня интересовали проблемы отношений между русскими и немцами, и я задал вопрос: «Если предложить что-либо одно — любовь или оружие, что вы выберете?»

Шестеро из девяти выбрали без колебаний оружие, двое не знали, что ответить, и только один назвал — любовь. В продолжение этого разговора один из его участников сказал:

— Мы, немцы, только работаем и работаем. Но зачем все это — не понимаем. А вы, русские, наоборот, — знаете это. Вам известно главное — куда надо идти.

— А знаешь, чего нам здесь, в Европе, больше всего не хватает? — спросил он тогда же. И ответил: — Вашей московской кухни.

Сначала я не понял, о какой «кухне» идет речь, и он объяснил, что в их налаженной немецкой жизни очень недостает тех разговоров, которые происходят, часто далеко за полночь, на кухнях московских коммуналок. В стиле которых, в поиске некой «жуткой правды» (что еще называется «поиском истины»), я и пишу эту книгу. Где, быть может, много чего странного, но где все построено на искренней вере в то, что все, что при этом говорится, — это истинная правда. И всем при этих разговорах и в самом деле бывает «страшно интересно». Или — «страшно и интересно». А потом многое сбывается.

Хотя можно доказать и обратное. Тогда оно не сбывается.

...Четвертый член снова вошел, положил в шкаф пакет с сахаром и вышел. Я достал дневник, коричневую клеенчатую тетрадь в клетку, и задумался.

Три недели назад, сдав последний экзамен — это была философия — и так и не разобравшись в несъедобных ни под каким соусом предикатах Канта, но хорошо усвоив, что его надо ругать как метафизика и как не смыслящего ровно ничего в вопросах диалектики горе-философа, мы по случаю такого всенародного праздника устроили вечеринку с незнакомыми девчонками.

Гришка, красавчик и общественный контролер в студенческой столовой, через свою подружку пригласил несколько девчонок, проходивших практику как учащиеся какой-то кулинарной

школы там, где он выступал в качестве грозного представителя народной власти. И посему вместо обычной порции жареной рыбы с картофельным пюре получал из раздаточной всегда то же самое, но еще со второй рыбой, положенной под пюре. А объевшаяся, видимо, предикатов по незнанию философии заведующая в обмен за такие истинные ценности имела только бумажную грамоту с ликом вождя, которую (совсем уже запутавшись) вывешивала под стеклом на стену. И лик, хитро прищурившись, ласково глядел в полутемный грязноватый зал.

У одной из девчонок была квартира в районе Сокольников, и мы с вином, гитарой и магнитофоном пришли туда к семи часам вечера. Стол был уже накрыт — консервы, винегрет, колбаса, яблоки и селедка, — и мы стали рассаживаться. Кто был повыше, тому предлагалось место на диване, других усаживали на стульях.

Принесли непривычное — в кувшинах фруктовый компот. Нам поручили открывать бутылки. В этой чуть взволнованной суете первого знакомства мы, однако, сразу разобрались, что девчонки были неинтересными, за что Гришка получил «серьезное предупреждение». Получить такое означало то же самое, что — черную метку от Билли Бонса. Но он и ухом не повел.

— На все вкусы не угодишь, — резонно заметил он, сидя за столом в обнимку с толстой девой, ничуть не лучше остальных.

— Да-да, — поддержала его дева, не понимая, о чем, собственно, речь и путая наши сердца с нашими желудками, — Гриша мне говорил, что вам все равно.

Она засмеялась, и мы — тоже.

Среди собравшихся мне нравилась немного одна блондинка, но она сама выбрала Борьку, и я отошел.

У нас с Борькой существовал уговор: если кто понравится по-настоящему, то скажи, и тебе уступят. Но если «просто так», то — при наличии конкуренции — пусть выбирает девчонка. И хотя, казалось бы, обо всем договорились заранее, мне все же стало досадно. Но делать было нечего.

Да и надежды практически не было: у блондинки были золотисто-коричневые глаза, а такие меня почему-то не любят.

Моя девушка — всегда с темными волосами. Первая, которую мне довелось поцеловать, была шатенка с голубыми глазами. С тех пор то ли благодаря уверенности, с которой подхожу к темно-русым и каштановым девушкам, то ли был подмечен закон соответствия, но только здесь «счастье» не бежало от меня.

Мы выпили. Сейчас попросят взять гитару. Я откинулся на диване и закрыл глаза. И вдруг стало так грустно-грустно. Мне подумалось, что все это было уже когда-то. И что вот так же когда-то я тоже чего-то ждал...

Бывает так: вдруг почувдится, что ты уже жил однажды, а теперь вот снова живешь. И что-то старое смутно, но помнится. Какие-то полустершиеся ощущения и переживания.

Вот и сейчас мне кажется, что я лежал когда-то на таком же старом диване и думал о том, что в принципе — стоит лишь согласиться — мог бы остаться здесь навсегда. На этом красном потертом диване в тесной двухкомнатной квартирке на пятом этаже старого кирпичного дома в Сокольниках...

Когда это было? Или же нам открывается то, что будет? И не значит ли это, что уже ничего изменить нельзя? Что это будет теперь — *мой* диван? Я, кажется, даже зарычал. А ну-ка, кто здесь с темными волосами? Ага! Да еще и с серыми глазами.

— Как тебя зовут? — спросил я ее.

— Таня.

Ах, да! Больше разговаривать с ней не буду, пусть сама подойдет.

Кто-то принес из прихожей гитару. Я повертел взад-вперед ее черные колки, подстраивая под «цыганский» лад — вторая струна чуть ниже нормального, чтобы «с надрывом», — и, дождавшись внимания, взял первый аккорд.

Спели общую, одну из лучших, — «Нажми, водитель, тормоз наконец», потом «Крутится, вертится шар голубой», «Из-за вас, моя черешня», «Таганку» и «Очи черные». Погасили свет и предложили танцевать. Я положил гитару и вышел в коридор.

— А вы не танцуете? — Таня незаметно вышла и прикрыла за собой дверь.

Страх и неуверенность разом обрушились на меня: это было

то мгновение, и *надо* было решительно действовать.

Я обнял ее и поцеловал. Она успела положить руки мне на грудь и слабо сопротивлялась: «Ну не надо, не надо!»

Мы прошли на кухню и остановились у окна. Я тихонько поцеловал ее еще раз. Она прижалась бедрами и, откинув слегка голову, смотрела в глаза. Потом погладила по волосам.

«Зачем все это? Ведь она мне не нравится...»

Хлопнула дверь: кто-то вышел покурить.

Мы вернулись в комнату, и я, чтобы делать что-то, выпил стакан красного вина. А потом тоже пошел курить.

С непривычки пить и курить стало немного мутить. Но и возвращаться не хотелось. И в то же время пришло отчетливо воспринимаемое чувство: *надо*. Как будто ты уже потерял право распоряжаться своими поступками и теперь должен делать что-то от тебя не зависящее и по какому-то строгому расписанию.

Р-раз! И нужно уже идти в комнату, иначе будешь выглядеть смешным идиотом.

Я вошел и, чтобы еще хоть немного оттянуть время, подошел к столу с бутылками.

— Налей и мне! — В любой студенческой компании найдется странный отшельник, который сидит в углу под предлогом обслуживания магнитофона, много пьет и ждет случая с кем-нибудь поговорить. Мы выпили по рюмке, потом еще и еще.

Когда я снова подошел к Татьяне, голова моя кружилась уже не на шутку. Она это сразу заметила.

— Пойдем ко мне. У нас во дворе сарайчик, и я сплю в нем летом, — предложила она, глядя мне прямо в глаза.

Вначале я не придавал значения тому, что она сказала. Но она не опустила взгляд и *настойчиво* требовала ответа.

В этом взгляде не было знакомой смелости девчонки. Скорее он был какой-то неуверенный или даже виноватый. Но он, этот взгляд, остановил меня: казалось, из глубины прошедших времен кто-то звал меня куда-то.

Тело ее словно одеревенело и лишилось гибкости. Остались только эти зовущие глаза.

Такого взгляда я еще никогда не видел и вдруг понял: со мной разговаривала *женщина*.

Вот оно!.. Это было то предложение, о котором думают все мальчишки с десятилетнего возраста. Она сознательно проиграла все, ошибочно расценив мою уверенность в себе, и теперь ждала, отбросив защиту и требуя от меня того же.

Но как же я пойду в таком состоянии?!

Страх, гнетущий и все подавляющий страх мальчишки перед женщиной, помноженный на страх позора из-за пьяного состояния, и некрасивая, совсем еще неразвитая девчонка, предлагающая себя, — нет!.. Нет и еще раз нет! Я буду стыдиться этой минуты, быть может, всю свою жизнь, но сейчас — не могу..

— Нет, не хочу. — Я ей не лгал, и она поняла это.

В пятом часу утра я выпил напоследок стакан сухого вина, а потом зачем-то еще и красного крепленого, вышел из дома и побрел в направлении протекавшей недалеко Яузы.

Стоило закрыть глаза, как в голове немедленно зарождался невообразимый шум и все начинало катиться куда-то в сторону.

Я старался дышать как можно глубже, пытаюсь выдохнуть винные пары. Сначала тупое, потом все более и более отчетливое чувство отвращения к самому себе нарастало и наконец поглотило все другие ощущения. Остановившись напротив какого-то стадиона, над которым вставало ярко-оранжевое солнце, я дал себе клятву завтра начать другую, новую жизнь.

Но можем ли мы «управлять» Провидением и своей судьбой?..

«...Судьба проявляется — я чувствую эту мысль — не тогда, когда это нужно тебе, а когда ты ей нужен.

Но почему все так легко получилось с Борькой? Где я *выдержал* каждый шаг.

Вот бы узнать — *кто* же все это придумал? Неужели *не я*?..

А если, и правда, не я, то не значит ли это, что тот, который “не я”, подумав и затем привлекая нас к исполнению своей воли — что ведь тоже требует времени, — делает все не настолько быстро, как можем делать по собственной воле мы? И в результате для наведения того самого порядка, который потом и воспринимается в виде таинственной судьбы, требуется иное — большее — время?

А это значит — *не надо спешить* идти наперекор своей судьбе, не ломать насильно те барьеры, которыми Провидение ограждает нас от неверных шагов, в том числе — от случайных увлечений?

Не мешать Ему? Как это и произошло тогда, в доме в Сокольниках, когда, похоже, именно по его наущению я так напился?

Не мешать и — ждать? Ждать *ее*, мою королеву...»

* * *

Закончив писать, я убрал дневник и выключил свет. Калошин давно уже спал на кровати у окошка. А я еще продолжал лежать в темноте, уйдя в воспоминания и глядя на отдельные светящиеся окна здания напротив. Но вот свет в них вдруг начал мигать, а затем погас. Такое по ночам бывало часто — в Москве после полуночи экономили электричество.

А это означало также, что скоро в коридор выползет Мишка, наш сосед-полуночник, и пойдет на кухню готовить ужин. Он

готовит его в первом часу ночи (есть такие странные типы), и поэтому нередко ему приходится бродить по коридору в темноте, чтобы поджарить на сковородке неизменную еду — нарезанные ломтики дешевой кровяной колбасы.

Денег, как известно, не хватает всем. Даже богачам, не говоря о студентах. А Мишка к тому же был бабник, что требовало до предела урезать «текущие расходы».

Однако, когда на субботних танцах на крючок его нашептываемых на ушко слов о «невидимой из мрака этого коридора волшебнице-луне, в бледном свете которой погасли тусклые звезды...» попадалась какая-нибудь не просто глупая, но еще и прожорливая уклейка, он на время «дружбы с уклеяками» принужден был затягивать пояс еще на одну дырочку. Что привело его однажды к выдающемуся открытию в области финансов.

Не выдержав затянувшегося натиска со стороны одной такой рыбки, он занял у кого-то из своих сто рублей до ближайшей стипендии. Но когда пришло время платить за грехи, он это сделать не смог, а потому занял у второго и отдал первому.

Затем пришел новый срок, а денег все нет. Идти к первому, известному своей добротой, он не решился и предпочел разыскать третьего. Но на этом его знакомства в «финансовых кругах» исчерпались, и, когда снова потребовалось искать сотню, чтобы отдать ее теперь уже третьему кредитору, ему пришлось-таки опять обратиться к первому. Тот, учитывая корректность предыдущего возврата, дал и в этот раз. И тут наступили новогодние праздники.

Мишка купил за двадцать два рубля бутылку водки и еще кровяной колбасы и позвал троих кредиторов к себе в комнату.

Когда собрались, он отдал третьему долг, разлил «водяру» по стаканам и внес предложение: познакомиться друг с другом и в наступающем новом году каждый месяц отдавать по кругу долг (сотню) тому, чья очередь пришла ее получать. А себя скромно предложил исключить из этого, превращаемого в налаженный, процесса как становящееся уже ненужным промежуточное звено.

Он произнес свою, ставшую знаменитой, речь, когда водка

была уже выпита, а колбаса еще не съедена. Благородство попавшихся «аки уклеи» кредиторов было уязвлено, и ему поэтому досталось много объедков.

Мишкина комната была через коридор от нашей, а рядом жила семья с маленьким ребенком. У ребенка имелся ободранный трехколесный велосипед, который был предметом постоянных недоразумений. То Калошин, возвращаясь из гаража, где он целый день чистил моторы, «найдет» его и отправится на нем, крутя педали растопыренными ногами, в гости к приятелям. А потом, добравшись до нужной комнаты, отправит пинком «инструмент» обратно. То Мишка в темноте налетит на него.

Но последнее, надо признать, было давно и только в самом начале, ибо с тех пор, после устроенного Мишкой скандала, велосипед строго-настрога ставился на ночь у противоположной от Мишкиного маршрута стенки.

Я тихонько вышел и переставил велосипед к запретной стенке.

Через некоторое время дверь напротив открылась, и Мишка, совершая обычный ритуал, выполз в коридор, держа, как можно было предположить, в одной руке сковородку с колбасой, а другой придерживаясь за «свою» стенку.

А еще надо сказать, что он был в душе артист и любил насвистывать «что-нибудь эдакое». Ему очень хотелось научиться на чем-нибудь играть, но дальше выстукиваемого на пианино негнующимися пальцами «собачьего вальса» дело у него не пошло. Вот и сейчас он выводил свистом нечто из оперы «Риголетто».

Когда он дошел до ноты *ми* во второй октаве, изображающей восторг кавалера, и сделал в этом месте паузу перед тем, как разлиться итальянским соловьем, что-то негромко звякнуло, потом грохнуло и покатилося.

Катилась — тяжелая чугунная сковорода по натертому вонючей красной мастикой выщербленному паркету, ибо то, как катятся в разные стороны колесики кровяной колбасы, услышать через закрытую дверь не может ни один человек во всем белом свете.

За этим последовала знакомая уже по прошлому безобразная

сцена выяснения отношений с расстроенным и ничего не понимающим соседом, которому объясняли, что есть колбасу, перед этим катавшуюся по грязному полу, не очень хочется.

Но вот все успокоилось, и теперь можно было слышать только чирканье спичек и сопение — это Мишка, ползая на коленях, собирал раскатившиеся колесики.

Один раз он все же буркнул что-то невразумительное: видимо, нашел прилипший к полу кусочек масла. Потом снова раздался его бодрый свист о высокой любви, но уже не так слышно, очевидно, из кухни: Мишка был философом.

Я снова вышел и переставил велосипед. Потом запер дверь на два оборота ключа, лег под одеяло и стал ждать.

Звук опять стал слышнее — это Мишка вышел из кухни и, пробираясь по безопасной стенке, шел со сковородой обратно.

«Красотки, красотки...» — выводил он, готовясь к долгожданной трапезе, негромким свистом. Раздались знакомые уже грохот и звон, и снова что-то тяжелое и круглое покатилося в темноте.

А что-то, напоминающее мешок с картошкой, упало на пол.

Невидимые, промасленные и липкие катились по вонючему зашарпанному паркету кусочки поджаренной кровяной колбасы. И кто-то орал сорвавшимся голосом о том, что он обо всем прекрасно догадывается и что «кому-то» еще будет плохо.

Вышли соседи, владельцы ребенка со злополучным велосипедом, и тоже включились в осуждение неизвестного подлеца.

Кто-то — то ли Мишка, то ли один из родителей, а может быть, оба разом — пользуясь нашей очевидной беззащитностью, пнул несколько раз по нашей двери. Но Калошин даже не проснулся.

На следующий день Мишка потребовал сатисфакцию. Отпираться было бесполезно, и ему за понесенные потери, связанные с кушанием частично подпорченной (обкатанной в грязи, но все же почти съедобной) колбасы, было предложено, с одной стороны, денег с нас на покупку новой колбасы не брать, так как старую он все-таки не удержался и съел (ибо утром его, как обычно, видели там, где ему иначе делать было бы нечего), а с другой — для погашения возникших некоторых неудобств с

питанием было обещано знакомство с девушкой.

Все эти переговоры велись вечером после работы, на большом полукруглом балконе четвертого этажа. А под нами на таком же балконе третьего этажа другая наша знаменитость — не меньший бабник Гришка врал что-то двум внимавшим ему хорошеньким мадемуазелям, уговаривая встретиться с ним завтра в семь часов вечера на Красной площади у мавзолея Ленина.

— Лучше у Большого театра, — отвечала мадемуазелька в сарафане на ляпочках. Вытянув шею, можно было заглянуть *туда*.

— Или у ресторана «Прага», — наверное, с тайным, но, в общем, не таким уж предосудительным умыслом предлагала другая.

Но Гришке хотелось лишний раз посмотреть, как маршируют часовые, и он в конце концов почти добился желаемого.

— Ну, хорошо, — сказала та, из-за которой мы свернули шею.

— Я подумаю, — капризничала другая, соглашавшаяся встречаться только около «Праги». Беленькая козочка с завитушками.

Мы в это время висели на краю своего балкона, пытаюсь лучше разглядеть «товар». Иначе Мишка ни за что не соглашался на принятие условий мирного договора.

Правда, еще оставалась вторая проблема: как не дать Гришке поехать на назначенное свидание, чтобы, понятно, вместо него послать Мишку. («Извините, вы ждете Гришу? А он неожиданно заболел и попросил меня, Мишу...».)

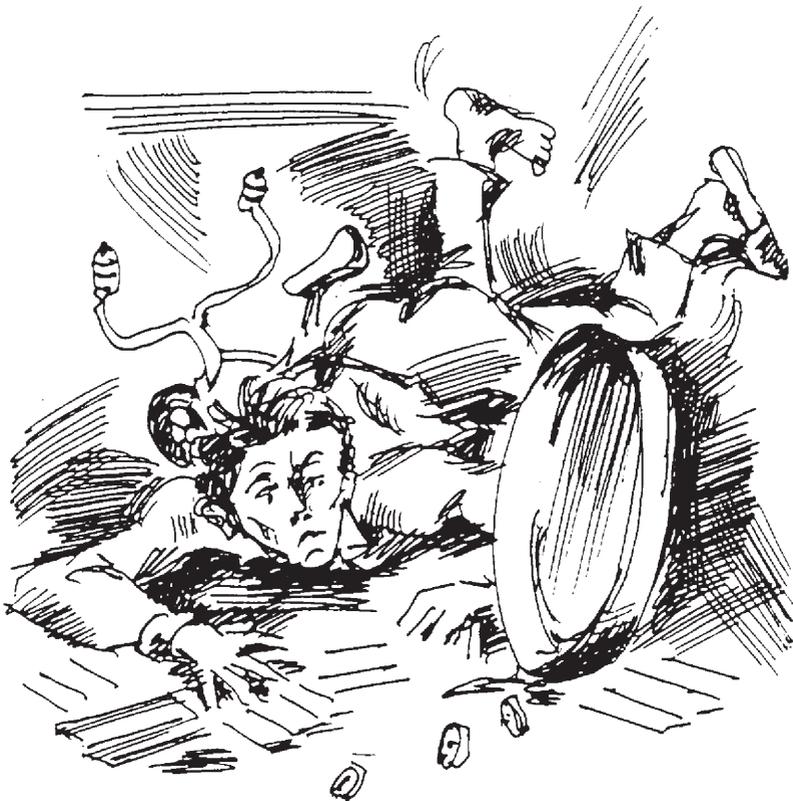
А дальше — вперед, кавалерия!

Но на то, чтобы найти способ «ликвидировать» Гришку на завтрашний вечер, была целая ночь, а сейчас надо было еще убедить Мишку не ломаться и согласиться на «прием товара». Он же хотел непременно сначала все посмотреть сам.

— Да и как я их потом узнаю? Мы же видим сверху одни их макушки, — упрямо тянул и тянул он, отстаивая свои интересы.

— А ты приди к вождю на ходулях.

Однако Мишка уже начинал снова злиться, и надо было искать решение.

Катилась — тяжелая чугунная сковорода...

Мой взгляд упал на валявшуюся на балконе зачитанную газету, и тут меня осенило. К тому же за Гришкой был небольшой должок, оставшийся после «бала в Сокольниках».

Мы сделали из газеты два огромных размеров куля и, сбегав в соседний умывальник, налили в них воду. Осторожно притащив свои бомбы на балкон, заглянули вниз. Гришка в это время встал и потягивался, демонстрируя мадемуазелям свои накачанные гантелями мускулы.

— Сначала я, — шепнул я Мишке. — А ты в это время гляди.

Гришка как раз подошел к краю балкона и, подбоченясь одной рукой, картинно оперся другой о стоявший около него стул.

Прямо Пушкин и музы! Я перегнулся и швырнул в него свой с трудом удерживаемый куль. Что-то плюхнулось сзади него на каменные перила и через секунду потекло по его пижонским парусиновым штанам.

— Чо это там? — От растерянности он еще ничего не понимал и смотрел с любопытством туда, где у него почему-то капало. Потом, решив поглядеть на небо, откинулся назад и высунул наружу задранную кверху голову.

В этот момент еще один куль из газеты с холодной водой ударил его прямо в лоб, разорвался в клочья и, залепив глаза, пролился под ним в большую лужу. Хорошенькие мадемуазели в ужасе завизжали и стали показывать пальцами вверх.

Мишка рванулся, но я загородил дорогу рукой и удержал его от поспешного бегства: паникеры почти всегда погибают.

Разъяренный Гришка, однако, уже сообразил что к чему и теперь должен был устроить погоню по этажам, чтобы попытаться, если не поймать, то хотя бы увидеть — кто это был? А нам перед тем, как начать удирать, надо было еще понять, что он решит делать.

Но удар, видно, был достаточно силен, ибо Гришка сдуру вместо того, чтобы перехватить нас на лестничном переходе, вдруг полез на наш четвертый этаж по наружной пожарной лестнице.

Мы выскочили в уходящий в темноту коридор и, добежав до ближайшего туалета, закрылись в его кабинках.

Через полминуты мимо пробежал, топая и ругаясь, мокрый с головы до ног Гришка, и понемногу его горестные вопли растворились в глубинах лабиринта необъятного общежития.

Поздно вечером на кухне собрался «военный совет». Мишка после «смотрин» был согласен со всеми предложенными ему условиями и теперь сидел надутый на табуретке и ждал, что мы такое придумаем, чтобы он смог поехать на свидание вместо «нежданно заболевшего» Гришки.

Первые предложения были — подлить Гришке в обед касторки или стянуть ночью штаны. Но все это было ненадежно.

Начать с того, что никто не знал, захочет ли человек после первой ложки есть и дальше заправленные касторкой суп или щи. А что до кражи штанов, то здесь выход можно было найти проще простого: либо взять штаны взаймы у непосвященного в наши замыслы знакомого, либо просто надеть спортивные шаровары и сказать, что ты спортсмен и опаздывал с тренировки.

В общем, было ясно одно: испортить надо было что-то такое, что носишь всегда с собой и показываешь другим.

Но именно здесь у меня уже было только что отработанное «чернильное решение».

Была уже глубокая ночь, когда на кухне поставили на огонь кастрюлю с водой и в нее опустили пузырек с зеленкой, которую держали для зализывания ран — смазывания спортивных игровых ссадин. При этом по несмываемым ядовитым зеленым пятнам на коленках и локтях можно было даже судить о характере незадачливого игрока.

Важно было правильно подобрать температуру подогреваемой зеленки, которая — согласно идее, высказанной Калошиным, — должна была быть «близкой к теплоте наслюнявленного языка». Для этого, за неимением ни у кого из собравшихся градусника, заставили Калошина, как автора, в течение десяти минут держать во рту палец и время от времени пробовать им нагрев воды в кастрюле. Наконец было решено, что технология подготовительного этапа операции по совершению преступления во имя любви и справедливости выдержана полностью, после чего двое тихонько прокрались в комнату, где жил Гришка.

Красавчик Гришка спал, надев на свои непослушные жесткие черные волосы женскую сетку-невидимку, чтобы завтра выглядеть как огурчик. Это мы тебе сейчас поможем. Будешь как с грядки.

Чья-то невидимая рука обмакнула в зеленку кисточку, и что-то теплое нежно лизнуло его в кончик выставленного кверху носа. Он потянулся и прищмыгнул. Наверное, увидел себя во сне пришедшим на свидание с беленькой козочкой-мадемуазелькой.

Козочка от радости встречи с ним вертит хвостиком-крючком и говорит ласковым девичьим голоском:

— Гриша, отгадай загадку: что случится, если Земля станет крутиться в тридцать раз быстрее? — А сама — хвостиком...

— Это все знают. Тогда стипендию каждый день давать будут.

— Ах, Гриша, ты такой умный! А где мы тогда встречаться будем?

— Ну, ладно, давай на Арбате. Я там знаю...

— В его конце или в его начале? Хочешь — в начале? Это ближе к твоему мавзолею.

— Это около «Праги»?

— Раз ты хочешь... Можно, я тебя поцелую? Можно в носик?

Можно, козочка, можно. И в носик можно, да и под носиком, а еще и под глазиком. Да не лижи ты губы! А то теперь и язык, как у зеленой ящерицы...

* * *

Вечером следующего дня «банда коридорных разбойников» знала уже многое, но все же не все. Возвратившийся со свидания Мишка помнил почему-то только то, что мадемуазели оказались из общежития какого-то «девчачьего» института с финансовым уклоном у метро «Сокол».

Но вот дальше — то ли это был переулочек с рыбьим названием, что-то вроде Головлева, то ли что-то другое, он вдруг подзабыл. В общем, мямлил. А потому ему там, на кухне, где он опять готовил свою вурдалакскую еду, рассказали подходящий анекдот.

В это время появилась целая серия — про Армянское радио, которые начинались с присказки: «Внимание, внимание!»

Говорит Армянское радио. Точное время — вот-вот пять часов. Начинаем вечер вопросов и ответов, а также вечер ответов и вопросов».

И среди первых десяти был один очень даже подходящий для нашего случая.

«Армянское радио спрашивают: может ли крокодил быть от носа до хвоста пять метров, а от хвоста до носа — только два метра? Радио отвечает: может. И есть на то исторический пример. От понедельника до пятницы — пять дней...»

Подчеркнутые слова *исторический пример* были ему хорошо понятны, но он закусил удила. Видимо, нашел какое-то решение против мины-велосипеда в темноте враждебного моря-коридора.

Впрочем, и нам настаивать на каких-то правах особенно не хотелось. Во-первых, сейчас было время летних каникул и выбор *там* был «не из самых». А во-вторых — подождем...

В сентябре, когда мы снова соберемся вместе, Мишка купит механический фонарик-жужжалку. Но у него однажды лампочка закрасится в черный цвет (с такой ма-а-ленькой дырочкой на самом кончике), и удивленный Мишка, пытаясь энергично «прожужжать» ее в темноте коридора, сломает какое-то колесико.

Калошин тогда же познакомится-таки с «грустной девушкой в окошке». И, собираясь на первое свидание, обнаружит в последний момент, что у него один носок дырявый. Идти на встречу с девушкой, сверкая дыркой на пятке, было неприлично, и он замажет пятку чернильным карандашом.

Однако повествование у меня заканчивается раньше сентября, еще в августе. И мы сейчас вернемся в 20 июля того 195... года, когда начиналась вторая смена в спортивном лагере.

Где моя судьба едва не сошла на другие рельсы.

БЕЛЫЕ ЛИЛИИ И СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

*Но откуда звезды?
Зачем тревожат они наши души?*

Автобус не пошел дальше остановки Марьино-Знаменское, и волей-неволей оставшиеся несколько километров приходилось идти пешком. Дорога спустилась в неглубокий овраг, заросший соснами вперемешку с березами и темными елями, а затем выбежала на косогор, с которого начиналось большое поле.

Бывают такие удивительные моменты, когда остановишься, посмотришь вокруг и запомнишь на всю жизнь: сиреневые цветы на длинных ножках, усеявшие все поле, и восхитительное чувство свободы. Экзамены были позади, а впереди было больше месяца лагерной жизни, такой близкой и еще неизвестной.

Я нагнулся сорвать один из этих цветов, но чуть помедлил и передумал: пусть живет. И почему-то подумал вслед за этим еще о том, что вижу все это потому, что — живу. И иду по *этой* дороге в лагерь, в солнечный летний день, и вот сейчас наступлю на булыжник с ямкой и буду потом *всегда* помнить об этом...

Поле кончилось. Впереди за поворотом была большая деревня, на краю которой стояло двухэтажное здание из красного кирпича, очевидно, школа. Красное здание, неяркий сиреневый цветок... Но почему я так уверен, что жизнь принесет мне счастье? Не оттого ли, что не стал срывать этот скромный сиреневый цветок?

Неужели счастье — это нечто настолько тонкое, что может зависеть даже от того, сорву я или нет какой-то полевой цветок?

Или же главным в проявлении снизошедших настроений было то, что я применил волшебное «не надо спешить», а уже затем принятое правильное решение *высветило* путь к счастью? Пусть на время, пусть мимолетно. Но все это потом остается *где-то?*

Когда я пришел в лагерь, было время обеда. Основной заезд уже состоялся, но на территории почти никого не было. Зато столовая шумела, как загулявший улей. Я положил вещи под елку и осмотрелся. Все было по-прежнему: сосны, палатки и вытопанная танцплощадка. Вот и прошел еще один год.

— Эй, привет! — Борька, сияющий как подсолнух, махал мне рукой из зала столовой: — А я уж думал — ты не приедешь сегодня.

Позвали дежурную. Она пришла — легкая и складненькая, прическа «я у мамы дурочка» — и принесла обед: гороховый суп на тушенке и котлету с макаронами. Мы съели (выпросили) по две порции и теперь сидим в надежде получить еще компота.

Постепенно столовая опустела, остался только наш стол да еще один долговязый парень, который как-то криво сидел неподалеку, сложив руки-лопаты на коленях.

— Эй, иди к нам, — предложили кривой долготе с лопатой. Он охотно перешел, придвинув скрипнувший под ним стул.

— Ты кто? — спросили его.

— Артамонов.

А, Артамон! Я слышал: бегаешь на восемьсот и на полторы.

— Это ты средневик?

— Я.

— Тебе, что, есть не дают?

— Не.

— И нам тоже. А где тебя поселили?

— Да вот, засунули к вам, лыжникам-перелыжникам.

— А ты бы куда хотел, перелыжник со средней дистанции?

— Я бы? Ха! К баскетболисткам.

— Ишь ты! Будешь у них центровая дылда. С мячиком под кольцом прыгать. Попадать-то умеешь?

К нам снова подошла наша дежурная. Дурочка с переулочка. Ноготочки-коготочки. Крутая линия...

— Ты новенький? — спросила она, чуточку прищурившись. — Поел, иди теперь к Остапу Первому. Он, сказали, помнит тебя.

— Чо? — не понял я, глядя, а не слушая. А ведь это мы год назад и дали Остапу Петровичу имя — ОП, или — О-Первый. Оперный.

— К начальнику лагеря, путевку отдашь, — засмеялась она.

— Только за компот. — А по тону: придешь вечером на танцы? Она не ответила, но через минуту принесла кастрюлю компота.

— И еще с хлебом, — пробасил Артамон. И пропел неожиданно, хитрюга-подлиза: — «Девчонки только ахали да шурили глаза...»

Отметившись у начальника лагеря, я пошел в палатку. Кроме Артамона в ней оказались все свои ребята — лыжники из первой и второй сборных. Я занял свободную раскладушку и пошел искать тренера, в будущем окажется — тренера-теоретика сборной СССР.

— А, Володя, здравствуй, — встретил он меня. От него всегда шла теплота, хотя его интерес к нам никогда не выходил за рамки спортивной жизни. — Ну, как? Чем ты занимался?

Я сказал, что работал на складе грузчиком. Он остался доволен. Мы поговорили про ведение дневника и решили, что мне можно начинать тренировки сразу в основной группе.

— Остап! — раздалось вдруг откуда-то из того угла, где была наша палатка. — Иди сюда, Оста-ап!

Я взглянул на домик начальника лагеря, и мне показалось, что за занавеской мелькнуло чье-то лицо. Но в это время внимание мое привлек большой рыжий пес, который бежал через территорию лагеря, видимо, на голос.

Тренер осуждающе покачал головой.

Когда я вернулся в палатку, пес был действительно там и грыз какую-то кость, которую он мог бы и сам найти на помойке.

— Это ты кричал? — спросил я Артамона, который гладил рыжую псину своей поросшей тоже рыжими волосами рукой.

«Рыжим по рыжему», — подумалось мне. Это было уже нечто новое. И то ли в этом, то ли в чем-то еще чувствовалось что-то интересное.

— Ага.

Мы помолчали.

Рыжий догрыз кость, повилял хвостом и убежал.

— Пса тоже зовут Остап?

Я пошел на Черное озеро, куда ушли наши ребята. Дорожка шла сначала по ельнику, перепутавшему ее своими корнями. Я не любил этот участок, где надо было использовать умственные способности на то, чтобы не зацепиться. Потом она проходила по мостику через пруд с холодной даже в жаркое время водой, отделявший лагерь от институтского санатория — раньше это была дворянская усадьба, — а перед самым озером входила в окаймленный березами еловый лес с зарослями бузины и папоротника.

В лесу был старый пенёк, который в сумерках выглядел, как скрюченный человек, а ночью отвратительно светился. Я искал его глазами. Пеньёк был на месте.

Ребята уже накупались и теперь сидели и лежали на травке на берегу. Я скинул на ходу одежду и с разбега прыгнул с мостков в воду. Заплыв на середину, нырнул и открыл глаза.

Вода и здесь оставалась коричнево-зеленой, хотя не настолько темной, как взбаламученная купающимися у берега. Причиной такого цвета было торфяное дно и торфяное же болото, прилегавшее к озеру. Из-за этого цвета оно и получило свое название.

Доплыв до другого берега, я повернул и поплыл направо наискосок, к зарослям водяных лилий.

Эти прекрасные белые цветы вызывают желание — сорвать их. Я включил самую большую скорость и, как танк по бурелому, врубился в гущу зеленых листьев, оставляя за собой белый пенящийся след и обрывки водорослей.

Выйдя на чистую воду, сбавил скорость. И тут пришла мысль — проплыть сквозь заросли под водой. Это было немного страшно, но мысль уже завладела мной окончательно. Да и отступать было нельзя: ведь это была бы трусость.

Я набрал как можно больше воздуха и нырнул.

Перед глазами открылась картина заколдованного царства: в мутной красноватой воде «шевелились» тонкие длинные тела. Откуда-то сверху проникал бледный холодный свет. А внизу было мягкое илистое дно, от одного лишь воображения о прикосновении к которому становилось не по себе. Сделав пять-шесть мощных гребков и оборвав несколько запутавшихся стеблей, я снова выплыл в свободную от водорослей воду.

Вынырнув, опять увидел яркое и такое ласковое солнце и далекий берег.

В лагерь мы возвращались незадолго перед ужином, когда солнце золотило сосны и поляна перед озером покрылась тенями. Откуда-то набежали облака, и стал накрапывать дождик.

Когда пришли в палатку, Артамон был уже «дома» и прилаживал изнутри над входом налитый водой жестяной чайник.

— Осторожно, ребята! — предупредил он и стал объяснять назначение механизма: входящий всегда распахивает полы палатки и ныряет внутрь. Тут-то он и «встретится» с чайничком!

— Сейчас проверим, — сказал он. — Поднимите у палатки заднюю стенку и, как я вбегу, — удирайте. Я пошел.

— Остап Петрович, идите скорее в десятую палатку! Здесь воруют матрасы! — раздался его отчаянно срывающийся голос.

— Идет! ОП! Опервый! — громким шепотом прохрипел он, с разлета ныряя в темноту.

Раздался тупой звон, и мы, не успев еще выскочить на задворки, увидели растянувшееся тело. Артамона мигом втащили за ноги внутрь и исчезли, как задумано.

— Кто кричал? — спросил голос начальника лагеря. Снова раздался тупой звон, и —!

— Что-нибудь случилось? — Артамон, сидя на земле и вытянув ноги, пытается завести «дружескую беседу». Остап Петрович, сидящий рядом, тоже вытянув ноги, столбенеет.

— Ка-артошку! Ч-чистить! — с трудом выдавливает Опервый.

Нам жалко Артамона, но он не унывает: то ли еще бывает! После ужина он объявляет продолжение фортификационных работ и, выкатив из-под раскладушки восьмикилограммовое ядро, подвешивает его вслед за чайником. Теперь вошедший, даже если он избежит «знакомства» с чайником, должен будет удариться макушкой о железное ядро.

Я тоже включился в «работу» и предложил подвесить маятник-вышибалу из кучи рваных кед, собранных на помойке. Маятник, бьющий вошедшего грязными кедами в нос, оттянуть и отпускать, дернув за веревочку.

Так и сделали, а веревочку отдали Артамону.

Откуда-то набежали облака, и стал накрапывать дождик...

Все эти строительные работы, получившие кодовое название «нам не страшен серый волк», заняли не меньше часа, и когда мы опять пришли в столовую, превратившуюся к этому времени в «вечерний клуб», там уже всюду шла игра в гоп-доп.

Две команды, по три человека в каждой, садятся напротив через стол, и одна из них, владеющая большой пятикопеечной монетой, выкладывает на стол по приказу капитана противника руки, ладонями вниз, под одной из которых должна быть спрятана монета. Задача капитана противника — угадать, где она лежит, и этим перехватить игру.

Согласно правилам, капитану, разгадывающему, где может быть спрятана монета, разрешается убирать одну за другой предположительно пустые руки, и в случае ошибки (под убранной рукой окажется монета) за каждую оставшуюся на столе руку набегают одно штрафное очко.

Набрав таким образом двадцать одно очко, команда проигрывает и в качестве наказания должна возить носом монету-пятак по столу. При этом победителям разрешается стучать снизу по столу руками и ногами, отчего монета прыгает (особенно хорош для этого фанерный стол), и поймать ее носом, прижать к столу и иметь возможность исполнить положенное наказание (возить) оказывается непросто. А со стороны очень смешно.

На первый взгляд примитивная, игра эта, однако, содержит немало тонкостей. Очень важно положить руки на стол так, чтобы монета не зазвенела. При этом отдельные «профессионалы» умеют, наоборот, «звенеть» пустой рукой. Но особенно высоко ценится искусство капитана, умеющего по мельчайшим признакам угадывать вероятность нахождения монеты в каждой руке.

К моменту нашего прихода стало ясно, что среди играющих есть один корифей. Его команда еще ни разу не проиграла, и теперь они шли на принцип — ни одного поражения за весь вечер.

Я хотел было уйти: игра первокурсников. Но невольно задержался взглядом на капитане.

Его умные черные глаза и насмешливая улыбка и вся какая-то

едва уловимая атмосфера необъяснимого очарования, царившая около их стола — этому сложно было дать объяснение, — вдруг заставили меня предложить ему сыграть против нас.

Мы собрали команду «старичков».

Нам отдали монету (джентльменское правило). Я поправил опущенные под стол руки партнеров так, чтобы было удобнее кидать в них монету, и сказал:

— Доп (готов).

— Гоп (прошу повторить), — ответил, помедлив, слегка играя на нервах, мой визави.

— Доп. — Я показал монету (что означало, что она не положена в чью-либо руку заранее) и снова убрал ее под стол.

— Гоп.

— Доп, — показываю монету.

— Руки на стол!

Отпустив монету в руку соседа, я сделал быстрое ложное движение к дальнему, как будто втыкаю монету в его руку, и затем, сделав еще одно фальшивое движение — «захватывание вываливающейся из руки монеты», со зверским грохотом положил обе руки перед самым носом у их команды. Находившаяся в их рядах девушка даже отпрянула от неожиданности.

Но и ребята мои тоже не оплошали: удар был одновременный и звонкий. Зрители сразу же оживились — начало было не совсем обычным.

Черноглазый капитан замер на несколько мгновений, может, чуточку дольше, чем полагалось бы для будущего победителя. Я отвел глаза в сторону, стараясь выдержать безразличный скучающий вид.

— Убрать! — Он показал на мою правую руку, которой я делал выкрутасы. Что ж, он пошел на красивый риск, а заодно убедился, что мне доверять нельзя.

— Убрать, убрать! — Он снял со стола обе руки дальнего партнера. Для первого раза правильно: раз я сфинтил со своей рукой, то и финт «втыкания» в дальнюю руку тоже должен был быть, скорее всего, лишь демонстрацией.

— Убрать! — Он указал на пустую руку моего оставшегося партнера. Угадал. Я стал внушать себе, что в моей пустой левой

руке, лежащей на столе, спрятана монета, а затем поднял на него глаза. Он долго молчал, потом уверенно взял эту руку:

— Монета!

Не угадал. Им засчитали одно очко.

Молчавшие всю игру зрители что-то обсуждали. Несмотря на проигрыш, черноглазый, безусловно, вызывал симпатию. Возможно, одному мне был известен неслышно нанесенный ему удар. И было видно, как он на какое-то время ушел в себя, еще раз проверяя собственные ощущения в поисках ошибки.

В следующем туре я взял ближнюю руку дальнего партнера и незаметно придвинул ее к себе. Бросив в нее монету, опять сделал ложное движение «втыкания» в его дальнюю руку, и мы снова дружно положили руки на стол.

— Убрать! — Черноглазый, не дав опомниться, смахнул одним движением сразу четыре руки, оставив только мои.

Это уже была игра ва-банк, с отчаянной надеждой перехватить инициативу. Видимо, в первом туре он получил нокдаун. Я успел подмигнуть ребятам, чтобы они не показывали монету. Капитан, окрыленный «удачей», попался и в этот раз.

Его внимание было приковано теперь только к моим рукам. И я решил подразнить его, для чего, оторвав руки от стола, начал поднимать их самым наглым образом: медленно и высоко, глядя ему в глаза.

Он молча смотрел на мои руки. Монета могла оставаться прилипшей к ладони только при условии, что она была намазана смолой или медом. Но такая проверка до конца тура не допускалась, и он обязан был продолжать игру.

Я разнес руки к разным концам стола и стал по очереди «вдвигать» отсутствующую монету на его край, следя за глазами капитана и не давая ему сосредоточиться. Зрители начинали смеяться.

— Монету! — Он совершенно наугад ударил мою руку. Но монеты там не было.

На этот раз им засчитали целых пять очков.

Игра у них явно не клеилась. Мы быстро продвигались вперед и были уже близки к победному двадцать одному очку, когда он все-таки вырвал монету из-за какой-то нашей небрежности.

— Доп, — говорит он мне и показывает изящно приподнятую над столом монету.

Я весь ушел в слух и негромко сказал ему:

— На стол.

Удар был дружный, но им что-то явно не везло. Видимо, капитан «для верности» решил в этой первой для него игре против нас оставить монету себе. Но она столь отчетливо зазвенела в его дальней руке, что даже зрители (что строжайше запрещено) стали качать головами и советовать сразу «идти на монету».

Я готов был уже и сам покончить красивым ходом со «сделанной» по существу игрой, но в последний момент решил — просто так, поддавшись мимолетному настроению, — тряхнуть стариной и проверить когда-то хорошо знакомые правила.

Начнем с девушки. Обычно чуть ли не любая девушка, если монета у нее, прижимает ее изо всех сил к столу, как-то совсем забывая о другой руке, которая в этом случае лежит менее напряженно или даже отстает от стола. Рука с монетой всегда лежит прямо, а другая — под углом...

Я взглянул на ее руки и вдруг — о, Боже! — увидел ясно между пальцев новенькую желтую монету. Такое тоже иногда бывает, и никогда нельзя пренебрегать даже совсем простым поверхностным осмотром.

Что бы такое сделать?

Я спросил у черноглазого капитана: не согласен ли он, что партия им проиграна? Он отвечал, что не согласен.

Тогда было предложено разрешить зрителям самим указать, где лежит монета. Он не возражал и улыбался.

Несколько человек единодушно показали на левую руку капитана. Я медлил, и они начали нетерпеливо требовать от меня решительных действий.

— Монету! — Я положил ладонь на маленькую ручку девушки. И посмотрел на нее.

Ее глаза смотрели в мои. Вспыхнул синий огонь. Огонь стал разгораться. Смотреть уже было невозможно. Она погасила его.

Толпа вокруг разочарованно шумела: «Зачем?.. Я же

говорил... На ухо слабоват...» А потом наступило молчание.

Мы оставили черноглазого возить носом монету и вышли. Меня позвал Борька, и мы пошли с ним по дороге в поле, за дальним краем которого солнце, ушедшее за горизонт, освещало пурпурным цветом низкие облака. Такие же темные и синие на другом краю, какими были глаза у сидевшей напротив девушки.

После отбоя Артамон предложил нам организовать «детскую хоровую студию». К репетициям приступили тотчас же. Наши обязанности были простые — мы должны были вполголоса скандировать:

— Пу-па, пу-па, пу-па, пу-па...

Выждав и убедившись в слаженности «хора», Артамон неожиданно затянул тонким и гнусавым голосом:

— Чуть по-ни-и-и-же...

— Пу-па, пу-па, пу-па, пу-па, — глуповато подпевал ему «детский хор».

И снова гнусавый-прегнусавый голос:

— Пре-о-гро-о-о-мна-я за-лу...

— ...па, — отрепетированно, все вместе дружно, закончил хор.

У входа в палатку послышались голоса, и мы узнали среди них голос начальника лагеря:

— Осторожно, у них здесь чайник! Я уже зна...

Раздался еще незнакомый глухой удар, и снова начальник лагеря оказался сидящим на полу с вытянутыми ногами.

— Ды-ды-ды-ды-ды! Убрать все немедленно! — Разъяренный, он с трудом поднимался, опираясь на раскладушку, в то же время с опаской поглядывая вокруг.

— Опять воры! Опять за матрасами! — завопил Артамон и дернул за веревочку.

Нас выстроили на улице и объявили наряд вне очереди.

— Ну и смена, леший бы ее побрал! — сокрушался начальник лагеря.

Я про себя удивился его терпению.

Нас разбудили в пять утра и велели идти колоть дрова и растапливать на кухне печь.

Вставать так не хотелось! И, чтобы прогнать сон, я быстро оделся и вышел; остановился, поджидая остальных.

Земля уже повернулась вокруг своей оси, и начинался новый, никогда не существовавший день.

Лагерь еще спал и не знал об этом. А вокруг стоял лес, наполненный солнечным светом и туманом.

На кой черт я вчера раздавил черноглазого? Неужели только ради борьбы?

Зачем все это?

И что за странные совпадения происходят все время в моей жизни? Мазал ли кто-нибудь нос кому-то синей или зеленой краской? Представить такое можно, но трудно. А я — мазал, к тому же подряд два раза. И так же два раза видел то, что и один-то раз едва ли увидишь, — как люди бегают, словно это обезьяны или же пауки, «на всех четырех». И наконец, эта улавливаемая аналогия между мной и сразу же «увиденным» мной Артамоном, если сопоставить наши «проделочки» — с Мишкиным велосипедом и Остаповым чайником. Это только случайности? Или же именно здесь можно попробовать и — «потянуть за ниточку»?

Взяв мокрый от росы чурбан, я поставил его и ударил, целясь колуном между сучками.

Трах! Удар разнесся, как пушечный выстрел... Трах! ...

Подошел повар, парень нашего возраста, коренастый, в белом колпаке набекрень и в помятой куртке нараспашку.

— Принеси дрова, — сказал он не глядя.

— К печке?

Он молчал, что, по-видимому, должно было означать: на разумеющиеся вопросы не отвечаю. И пошел неспешной походкой уверенного в себе человека обратно.

Мы натаскали дров из запасов вчерашнего дня и продолжили колоть. Из трубы на кухне валил дым. Артамон и еще несколько

человек чем-то звякали на мойке. «Наверное, моют для повара дрова», — придумал я для них работу.

В воздухе висел лагерный идиотизм. Однако завтрак прошел нормально. Пришедшие позже девчонки из второй дежурной палатки быстро накрыли столы, а потом так же быстро все убрали.

Наступил первый законный перерыв, и мы уселись завтракать сами. Позвали — хитрые зэки — повара.

— Я не ем.

Это было уже интересно: нам бы так.

— Тогда отдай свою порцию.

Он отвернулся и не отвечал, как будто это не с ним разговаривали. Гордый. Знает, куда относить дрова. Но никому не скажет.

Сдвинули столы, на середину поставили кастрюлю со сметаной и воткнули в нее ложку. Сила! Класс! Такого еще не видели.

— Артамон, кажись, у тебя еще и копые есть?

— Есть. Только им глаз выбить можно.

— Остап Один Ястребиный Глаз? — пропищал Жорамышонок.

— Или светлейший князь Потемкин Козел Одноглазый?

— Пусть уж лучше останется красным командиром Ядрено-Чайниковым. — И в нашем лесном сорочьем племени нашелся таки паршивый гуманист, не желающий целиться в глаз человека.

— За такие отсталые мысли будешь питаться, как все, — назидательно сказал Артамон тоном дамы-наставницы и для пущей убедительности поднял вверх свой пальчик размером с кошачью лапу. Все теперь смотрели на Артамона и на его палец.

Палец был грязный. Артамон это тоже увидел и стал возмущаться: почему у нас не проверяют руки перед едой?

Выскачка-гуманист, осознав ошибку, стал покаянно скулить и обещал никогда больше такого не говорить. Его милостиво простили и ввиду раскаяния разрешили вылизать кастрюлю.

После завтрака мне опять достались дрова. Повар выдал пилу, и мы взялись за работу.

Одна из девчонок, дежуривших вместе с нами, подошла и остановилась рядом.

— Можно мне попилить? — попросила она. Мы удивились, но, с другой стороны, пусть попробует.

Девчонка взялась за пилу, уверенно положила на бревно руку и повела. Работа неожиданно пошла легко, как если бы она давно занималась этим неженским делом. Мы распилили несколько бревен, но она, казалось, не чувствовала усталости и все так же, оперевшись рукой о козлы или о бревно, водила и водила пилой.

Я старался не смотреть на нее, чтобы не видеть маленькие белые груди, открывавшиеся при каждом движении. Но невольно возвращался все к тому же, вспыхивая каждый раз, как будто сквозь меня пропускали ток.

«И чего в ней хорошего? Конопушки и косы, наверное, из деревни».

Но никакие доводы не помогали, и я чувствовал, что ей доставляет удовольствие работать со мной. И что она знает, куда я смотрю. От этого становилось еще хуже, но я уже ничего не мог поделать с собой и смотрел почти не отрываясь. Мы пилили и ни о чем не разговаривали.

Мимо, по дорожке к Черному озеру, прошла вчерашняя соперница по игре в гоп-доп. Чуть приоткрытые яркие губы, сумка через плечо — она прошла, даже не взглянув на нас, стройная, как весенняя лоза.

Я снова перевел взгляд на мою золушку. Но прежнее настроение куда-то исчезло и уже не возвращалось.

— Хватит, — сказала она и быстро ушла. У меня почему-то было такое чувство, словно я был в чем-то виноват.

Неужели вот так и придет когда-нибудь *настроение* и в одно мгновение будет сделан окончательный выбор? А потом изменить что-либо будет уже невозможно или, во всяком случае, очень сложно...

Что ж, выходит, я совсем не в состоянии судить объективно? И никто не в состоянии? Ведь я же знаю, что в сравнении с бесхитростными прелестями «конопушки» красота этой

«девочки из центра» — только мишура. И не это главное.

Но почему я так *хочу* этой «мишуры»?..

После обеда повар послал нас с Борькой в институтский санаторий, на иждивении которого находился лагерь. Наша задача была — узнать, почему задержалась подвода с продуктами, и в случае чего самим принести молоко. Мы нашли подводу нагруженной, но у нее сломалось то ли колесо, то ли кнут — это мы так и не поняли и, сняв бидон с молоком, потащили его в лагерь.

Примерно на половине пути, увидев небольшую полянку, мы решили, что устали. Борька лег на спину, а я стал гоняться за красивой черной бабочкой. Бабочку я не поймал, но зато придумал — напиться молока.

Однако бидон был опломбирован, и крышка у него лишь чуть-чуть приоткрывалась, образуя узкую щель. Попробовали наклонить его, но молоко полилось в щель такой широкой струей, что пришлось немедленно отказаться: слишком низкий кпд. Тогда попробовали пить «в две морды», широко разинув рот. Но кпд все равно оставался низким. Наконец догадались: засунули в щель полую злаковую травинку и стали тянуть, как коктейль.

Когда в конце концов мы дотащились до лагеря, подвода оказалась уже там. Вместе с ней пришла бедно одетая женщина, которую мы заметили еще в санатории. Пока возчик — мужик в кирзовых сапогах — таскал с подводы ящики в кладовую, она остановилась в стороне и, видимо, ждала чего-то. Мы втащили бидон прямо на кухню и спросили мрачно посмотревшего на нас повара: что дальше?

— Подвинь противень с котлетами и поставь молоко, — распорядился он.

Я вздрогнул от острой боли: противень оказался раскаленным. Повар хохотал. Отодвинув его в сторону, я открыл кастрюлю, где, как подумалось, могло быть масло, чтобы смазать обожженное место. Но там оказались котлеты до самого верха. Тогда я пошел в кладовую, но повар остановил меня:

— Эй, Ворона, иди под холодную воду. Уж я-то знаю.

В дверях я снова столкнулся с той самой женщиной. Взглядом полным необъяснимой ненависти она смотрела куда-то мимо

моего уха. Мне стало не по себе: может, она голодная? Я замедлил шаги, но женщина поспешно отступила и потупилась.

Пройдя на мойку, я открыл кран и сунул руку под холодную воду. Боль действительно утихла. «Откуда он знает, как меня зовут? Ведь он нас вроде бы совсем не замечает...»

Мимо, пробираясь через помойку по какой-то едва заметной тропинке, прошла женщина. В руках она несла ту самую кастрюлю и набитую чем-то (сдачей, наверное) сетку.

Вечером на площадке были танцы. По ту сторону столовой и домика начальника лагеря играла музыка. А мы работали «по последнему разу» на мойке.

Голая лампочка на столбе освещала цинковую лохань и гору грязной посуды. Работали молча, стараясь скорее покончить со всем этим.

Я передал очередную грязную тарелку Артамону, но он не взял ее и стоял выпрямившись и весь во внимании, как волк в засаде, глядя куда-то в сторону. Повернувшись, я увидел знакомую стройную фигурку, удаляющуюся в темноту.

— Держи, раззява! — Я сунул тарелку ему в руки, но он, казалось, не замечал меня.

Открылась, тихо щелкнув, дверь домика начальника лагеря, кто-то вышел и снова захлопнул ее, повернув два раза ключ.

— Эта девчонка... Людка. Она что, тоже была на предыдущей смене?

«Зачем я спросил? Идиот...» На Артамона было жалко смотреть. Казалось, он вот-вот заплачет.

В это время из темноты вышел повар.

— Все в порядке? До свиданьица!

Ему ответили несколько разрозненных голосов:

— До свидания... До свидания... Пошел на ... До свидания.

* * *

— Пойдем на Черное озеро!

Надо было решаться. Я еще раз взглянул на Людку. Она стояла в стороне, около угла баскетбольной площадки, опустив голову, и не уходила. Это было вызывающе. Но почему я решил, что она ждет меня?

После двух беговых тренировок у нас был день «активного отдыха». Играли в баскетбол.

Так уж случилось, что на площадке оказалось несколько баскетболистов и девчонок-баскетболисток. Им было предложено сыграть с нами, и ребята согласились. В результате запланированная как отдых игра превратилась в настоящую рубку, где решался давно решенный вопрос, что важнее: двойная техника или же двойная выносливость?

Я заметил Людку еще в середине игры. Она подала вылетевший за площадку мяч, и я машинально отметил глубокий взгляд широко открытых синих глаз.

Сегодня я превзошел самого себя, снимая верховые мячи и делая немислимые прыжки под «их» кольцом. В борьбе мне даже так досталось по носу, что я на время должен был покинуть игру. После чего она почему-то сломалась.

Однако надо отвечать.

— Нет. Пока.

— Пока.

Ребята ушли, оставив мне мяч.

Сердце забилося тревожно. Вокруг уже никого не было. Осталась только девушка, с которой я еще ни разу не разговаривал. Но о которой думал все последние дни.

— Возьми мяч.

Разувшись и взяв в одну руку кеды, а в другую — куртку, я пошел на пруд. Она взяла мяч и пошла следом.

— Что ж вы проиграли?

— Они — баскетболисты.

— Ну и что? Вы ж сильнее.

— Это так только кажется.

Я бросил вещи у березового пенька и прыгнул в воду. Вода обожгла: еще не остыл после игры.

«А как же Артамон?» Но выхода не было, а противоположный берег был уже над головой. Я повернул и поплыл обратно.

В воде росли маленькие белые цветы. Я сорвал один и, выпрыгнув одним махом на метровый берег, отдал его ей.

— Отвернись!

Я переоделся. Она стояла совсем рядом — легкий пушок на

шее и смешной петушиный хвостик от заколки.

— Пойдем.

Я сорвал еще две-три попавшиеся на пути ромашки.

Она склонила голову к маленькому букетику и шла немного в стороне.

Мы вышли на дорогу, и за поворотом показались палатки.

— Ну, пока.

Она посмотрела на меня и кивнула.

Вечером на танцах ее почему-то не было, и я простоял, прислонившись к сосне, механически отвечая на чьи-то вопросы.

Заиграла утёсовская пластинка «До свиданья, дорогие москвичи, доброй ночи...» Надо было идти спать *в палатку*.

Настроение было тяжелое, как если бы тебя обманули или ты должен кого-то обманывать.

* * *

Когда же я «заметил» Людку? Тогда, во время игры в гоп-доп, или же позже? Все-таки, если считать с момента, когда я начал думать о ней постоянно, это произошло тогда, когда мы пилили дрова и она прошла на Черное озеро.

Я проснулся до подъема и лежал, разглядывая солнечные пятна на брезентовом потолке. Вот села трясогузка и побежала, тихонько царапая когтями. Она, видимо, что-то нашла и остановилась. Потом улетела. На кухне уже кололи дрова.

А теперь она *моя*. Как странно... Кажется, ничего особенного не было сказано или сделано. Но какая-то грань, за которую *не пускают*, была перейдена, и между нами протянулись невидимые нити-связи, где главным было — ожидание новой встречи. Но также существовали еще осторожность и сомнение.

Это было начало. А впереди была тайна, возможно, близкая и доступная.

И в этом «впереди» первым стоял уже начинающийся день.

Вот только Артамон... Если бы его не было или хотя бы я не знал его.

Наверху зашумело, затрещало и загудело. Я натянул одеяло на голову в надежде не слышать. Но это не помогло: через секунду-другую шипение с треском перешло в шипение с музыкальным сопровождением. «А я ма-альчик мо-ло-дой...» — хрипела через репродуктор заигранная пластинка, которая мне вспомнится, наверное, среди прочего и когда умирать буду.

Вот уже второе лето подряд один и тот же радист будил нас одной и той же пошлой мелодией. Второй год над лагерем висел вопрос: кто доберется и разобьет эту мерзостную пластинку?

Но радист был не только сукин сын, с упорством изгаживавший ежедневно первые минуты нашего тягостного утреннего пробуждения, но еще и хитрый: он сделал пластинке ложную наклейку и прятал ее в огромной безликой стопке других таких же пластинок.

Послышались адресованные радисту и вошедшие чуть ли не в привычку ругательства, с которых начинался каждый наш новый день. Палатка вскоре опустела: через пять минут построение. Мне что-то не хотелось покидать свое убежище, и я продолжал лежать, натянув одеяло на голову.

Какой-то гад, видимо, выходя последним, не преминул запустить в меня чьей-то подушкой, уверенный, что мне его все равно не увидеть.

— Становись!

Я вскочил, быстро влез в кеды и выскочил из палатки.

— Равняйся! — Я уже стоял в колонне лыжников.

— На флаг!.. Смирно!

Заиграла музыка и зазвучали знакомые торжественные слова: «Союз нерушимый республик свободных...» Мы стояли и смотрели на медленно поднимающийся красный флаг, а сзади дежурный преподаватель обшаривал палатки в поиске засонь или ленивых. Сегодня таковых не оказалось, но в одном месте был обнаружен «джентльмен», привязанный к раскладушке по рукам и ногам. Произошла минутная заминка, когда виновной палатке объявляли наряд вне очереди, и мы побежали на зарядку.

Ночью прошел дождь, и кеды скользили по глинистой дорожке. Изрядно измазавшись, мы добежали до озера и перешли на шаг.

— Стоп! Разминка. Двадцать минут.

Я снял насквозь промокшие кеды и, остановившись против солнца, начал делать упражнения, с удовольствием отмечая, как тянутся разогретые мышцы.

— Закончить упражнения. Всем в воду.

Скользя по мокрым доскам, мы по очереди всходили на мостки и прыгали-шлепались в клубящуюся туманом воду.

Увидев впереди плывущего на спине Борьку, я прибавил скорости и решил догнать его.

Он заметил погоню, перевернулся и тоже прибавил, и мы, не сговариваясь, переплыли озеро туда и обратно, выкладываясь до последних сил. Под конец ему удалось, сделав энергичный рывок, уйти немного вперед.

— Понял?..

Накрывшись куртками или полотенцами, мы возвращались в лагерь, осторожно обходя мокрые кусты и прыгая через лужи.

В ушах еще звенело после бешеного заплыва, но настроение было отличное: казалось, руки и плечи налились какой-то тяжелой, «чугунной» силой. Я нашел веточку брусники и съел ее.

На сегодня была назначена «прикидка» на тысячу пятьсот метров. Трасса начиналась на треугольной поляне и шла сначала по лесной дороге, потом спускалась в овраг, к речке, и затем поднималась обратно в гору, замыкая кольцо.

На спуске малоопытные ребята резко ушли вперед, и я оказался в конце группы. Самым трудным было заставить себя не поддаваться общему порыву и сохранить дыхание: отрыв на спуске всегда обманчив.

Когда начался подъем, я перешел на обочину дорожки, шедшей от пешеходного мостика через речку, и, чувствуя запас нерастратенных сил, мягко пошел вперед.

Ребята, тяжело дыша, один за другим «проваливались» назад. На самом верху я «достал» Борьку, ушедшего в лидеры еще в начале забега, и обошел его. Но перед самым финишем на поляне он, как и на озере, сделал отчаянный рывок и пришел на грудь впереди. Я просто не успел сообразить и набрать скорость.

Нет, мне сегодня что-то явно не везло.

«Может, это как примета с картами, где невезение означает

удачу с женщиной?» — Я подумал о Людке.

После тренировки мы, не заходя в лагерь, пошли прямо на озеро. Сегодня было прохладно, и кроме нас туда пришли только девчонки-баскетболистки.

— Привет, лошадки! Что это вы такие взмыленные?

— Бегали на полтора километра, — ответили им.

— Ну и как? — Людка, которую я сразу не заметил, смеялась мне глазами. Я вспыхнул.

— У меня третье место.

— Что ж, бронзовая медаль.

«А могла бы быть серебряная». Я с досадой посмотрел на Борьку.

— Твой дружок что ли обогнал тебя? — Она, видимо, перехватила мой взгляд. Я немного смутился, злясь отчего-то неизвестно на что. Уж очень хорошо она все понимала, и что-то мне в этом не нравилось...

Девчонкам предложили не смотреть: мы будем купаться голые, чтобы потом не мерзнуть в мокром. Они отвернулись, и мы попрыгали в воду.

Потом пришел их черед, и они неожиданно заявили, что тоже разденутся. Нас посадили сбоку мостков и велели не вертеться.

Я наклонился, чтобы помыть «грязные» кеды, и в черной глянцевої воде (военная хитрость) увидел отражение чьей-то груди.

Сбившись в большую и шумную ватагу, мы пошли в лагерь. Когда вошли в лес, я показал Людке пень, который светится ночью.

— А если отломить щепочку, она тоже будет светиться?

— Не знаю... Пойдем.

Мы немного задержались и, отбившись от оравы, подошли к пню. Когда-то это было большое дерево, но теперь из земли торчали только потемневшие от времени щепки да разбегалось в разные стороны корневище. Рядом был большой муравейник.

— А знаешь, у муравьев есть в лесу свои дороги. — Я отдал ей отломленную щепочку.

— Не верю.

Мы обошли муравейник, но этих «животных» нигде не было

видно, видимо, попрятались от сырой погоды.

— Иди сюда. Видишь? — Я нашел длинную проталинку.

— Что я должна увидеть?

— Как что? Дорогу.

— А где ж муравьи?

— А ты погода — видишь какая? Наверное, дома чай пьют.

— А где же тогда твоя «дорога»?

— Эх, ты! Тропу диких зверей находят по их следам.

— От копыт?

Теперь ребята ушли уже далеко, и мы были одни.

Каркнула невесть откуда взявшаяся ворона. Я посмотрел наверх, пытаюсь найти ее, но увидел только низкие свинцовые облака, быстро несущиеся над вершинами сосен. Лес беспокойно шумел, и, кажется, снова собирался дождь: вокруг совсем потемнело.

Я взял ее за руку.

— Боишься папоротников?

Она удивленно посмотрела на заросли, потом перевела взгляд на меня.

— Что-то такое есть... А ты откуда знаешь?

— Их зарослей все боятся, только не отдают себе отчета. Это как страх перед змеями.

— А они здесь есть?

— Говорят, встречаются. Но я не видел.

— А ты бы мог схватить ее руками?

— Если б она на тебя бросилась, то да.

Она покачала головой: «Какой ты храбрый!»

Я «виновато» посмотрел в ответ: «Ведь ты мне нравишься...»

Она поняла. Ее глаза потемнели и стали бархатно-синими.

Я осторожно взял ее руки.

— Не надо, — тихо попросила она.

Я помедлил, как если бы от того, будет сорван сейчас цветок или нет, решалось будущее, судьба...

«Но и она не хочет, чтобы я поцеловал ее именно сейчас?» —
Оправдание, которому уж никогда не будет оправдания.

— Пойдем... — Она провела, едва прикасаясь, рукой по моему плечу и пошла к дорожке.

Из зарослей неожиданно выскочил большой рыжий пес и, не обращая на нас внимания, промчался скачками к берегу озера.

— Остап! — закричал я ему. — Оста-ап!

Вслед за собакой из-за поворота тропинки показалась плотная фигура начальника лагеря. Я смутился и сошел в сторону, уступая дорогу.

— Джерри! Иди сюда! — позвал Остап Петрович.

Пес побежал было на голос, но, видимо, передумал и вернулся к озеру. Посмотрев на нас, Остапо-Петрович прошел по дорожке и скрылся за деревьями.

«Что-то я все время смущаюсь», — пришла совсем уже дурацкая мысль. И вообще все, я чувствовал, стало *какое-то не то*. И пес оказался не Остапом... Людка шла молча, опустив голову.

Вечером опять пошел дождь. Где-то громыхал гром, и редкие всполохи молний выхватывали на мгновение мокрые ели и длинные ряды палаток.

Лагерь затих, «запратался». Только столовая-пещера с одной-единственной лампочкой напоминала, что здесь еще теплится жизнь. В светлом кругу стучали по столу игроки в гоп-доп, в углу кто-то неумело пытался аккомпанировать на семиструнной гитаре, собрав около себя девчонок и несколько ребят.

— Сыграй нам, Володька!

Мне отдали гитару. Я подстроил ее, пробежав по открытым струнам, и ударил быстрый ритм аргентинского бегинчика, тихонько насвистывая первую попавшуюся мелодию.

Потом, чуть-чуть отпустив по-разному первые две струны и почувствовав в звуках *то самое* — волнующее («цыганское») — настроение, резко остановился и, задержавшись на *положенное* время, перешел к тяжелым аккордам:

*Темная ночь, только пули свистят по стени,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звезды мерцают...*

Девчонки подхватили, и покатилась песня-слеза к далеким годам знакомой нам всем войны, к бабьему горю и русскому

бесстрашию. Девчонки плакали-пели, а я сидел — их солдат — и играл им на гитаре.

*Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами...
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная, черная степь
пролегла между нами.*

Песня затихла. Шумел дождь, и его крупные капли стучали по крыше-навесу. А в центре, под лампочкой, раздавалось: «Руки на стол!» Я перешел на другую тональность и начал как можно более мягким и низким голосом:

*Ша-лан-ды полные кефали
В Одессу Костя приводил...*

Настроение мгновенно переменялось, и понеслась «одесская» песня в глушь подмосковного леса. Как всегда, все знали ее начало, но лишь немногие могли допеть ее до самого конца:

*На свадьбу грузчики надели
Со страшным скрипом башмаки.*

Из палаток вылазили понемногу «медвежатники» и перебирались к нам: девчонки бегом и со смехом, ребята — нахохлившись в своих спортивных куртках. Собралась уже большая компания, и надо было что-то общее и задушевное.

- *По о-бы-чаю...* — начал я.
- *Петербургскому,* — ответили мне несколько человек.
- *По обычаю,* — повторили мы все вместе.
- *Святорусскому,* — ударили, взлетели звонкие голоса.

*Мы не можем жить
Без шампанского
Да без табора
Без цыганского!*

Я заглушил гитару, и в наступившей тишине случайно собравшийся хор, уступая чьей-то единой воле и единому настроению, повел негромко и в каком-то сдержанном порыве:

*Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные...*

Едва прозвучали последние слова этой «гусарской» песни — о том, что «увидел вас я в недобрый час», — как кто-то из девчонок тихонечко затянул:

*То-о не ве-етер ве-е-етку кло-нит,
Не дубравушка шумит,
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...*

Я ушел в мелодию и, уловив тональность, негромко поддержал ее.

«Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я», — это пели уже все. Гитара здесь была не нужна.

Потом спели песни на есенинские слова — «Клен ты мой опавший, клен зайндевелый» и «Выткался на озере алый свет зари» и одну из написанных мной на его слова.

Предложили «Сиреневый туман», и над лагерем поплыла светлая и грустная песня нашей юности. Где было все: «ты смотришь мне в глаза» и дальняя звезда «над тамбуром горит»...

*Кондуктор не спешит,
Кондуктор понимает,
Что с девушкою я
Прощаюсь навсегда...*

Людка стояла у перил, прислонившись к резному деревянному столбику, на который опиралась крыша-навес, чуть в стороне от остальных. И когда вспыхивала молния, мне чудилась в ее опущенных длинными ресницами глазах и во всей ее обтянутой свитером тоненькой фигурке какая-то безысходная печаль.

Утром снова сияло солнце. Я встал немного пораньше и пошел в лес. Пробившийся сквозь кроны деревьев солнечный луч высветил паутинку на небольшой елке с обломленной верхушкой. Что-то отчаянно несчастное было в этой уже почерневшей, обреченной елке, еще пытающейся цепляться за ускользящую жизнь. А кругом росли другие, молоденькие и веселые, елочки-зверьки, из которых когда-нибудь, возможно, вымахнут могучие деревья.

После зарядки мы пошли на пруд, на противоположном берегу которого лечатся в санатории институтские преподаватели, совершая утренний моцион, сидели на скамейках или чинно прогуливались по дорожкам.

На лужайке перед прудом разминались футболисты, лениво стучая по мячу: отработывали пас.

Кто-то из наших, заметив свободно лежащий мяч, взял его и попытался жонглировать. Но ему это плохо удавалось.

— Положи мяч! — не поворачивая головы сказал, словно обрезал, смуглый красавец-футболист. Что ж, мячи, конечно, не наши.

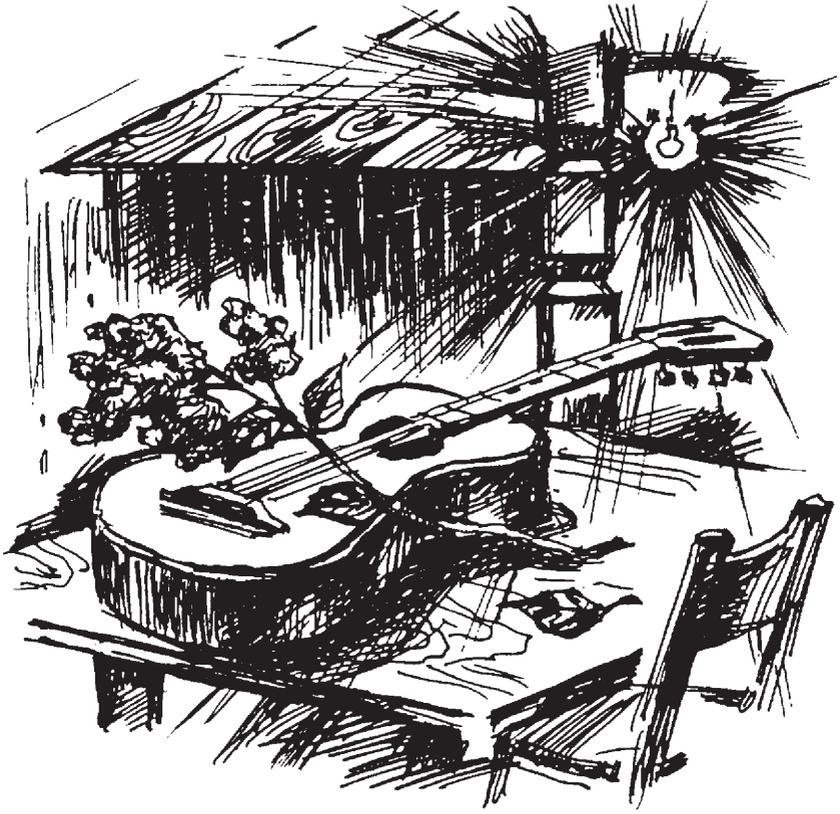
Закончив зарядку, футболисты тоже пошли купаться, и тот самый красивый парень предложил — «на спор, за пол-литра» сплывать нагишом на *тот* берег.

Тут же «сложились», и парень, не спеша раздевшись, прыгнул в воду и поплыл.

Выбравшись на крутой «институтский» берег, он так же не спеша поднялся на дорожку, по которой прогуливались обомлевшие при виде такого «явления» преподаватели, разбежался и прыгнул обратно.

Среди участников моциона произошло замешательство. Сначала на дорожке все замерло и остановилось, а потом они стали быстро-быстро уходить куда-то.

А один тощий, по виду, старпреп, похожий на наших замученных студентов-фронтовиков, вытягивая голову, все пытался разглядеть наш берег. У него упало пенсне, он его поднял и, протирая нервно трясущимися руками, выкрикнул что-то резкое в сторону нашего берега.

Парень, вылезший из воды, повернулся к нему спиной и, наклонившись, как-то уж очень долго копался в своем белье.

— О'кей, Даня! Твоя взяла.

Футболисты сложили мячи в сетку и ушли.

Оказавшись случайными свидетелями этого спектакля, мы стояли поодаль и, оставшись одни, могли сказать себе только: да, это нам не по зубам.

Во время завтрака в столовую пришел начальник лагеря и спросил строгим голосом: кто был участником инцидента и бегал голый по берегу?

Видимо, тот самый преподаватель с трясущимися руками уже приходил и жаловался ему. Наступило молчание.

— Это, наверно, лыжники... — послышался робкий «иудушкин» голосок из того места, где сидели футболисты, и вслед за этим раздался их громкий хохот.

Веселые ребята, ничего не скажешь. Я набрал в ложку манной каши и незаметно для Остапа швырнул ее в самую гущу смеющихся. Смех оборвался.

— Погоди, сука!

Остап повернулся на голос и увидел среди волкодавов жалобную щенячью физиономию, залепленную кашей.

Видимо, он что-то понял. Но сейчас надо было принимать решение. И он его принял: «не заметил» вконец растерявшегося щенка, который рукавом футболки с бело-голубой эмблемой принадлежности к институтской сборной утирал заляпанный нос, и, предупредив о недопустимости повторения чего-либо подобного, повернулся и вышел.

В нашу сторону неспешной походкой Шмаровоза с одесской Дерибасовской, засунув руки в карманы штанов, двинулся один из футболистов, похоже, защитник-костолом с челюстью урки-супермена.

— И кы-то кидал? — спросил он неожиданно тонким голосом, глядя вверх наших голов, в которых, надо понимать, он видел одни «кочаны». И сейчас один из этих «кочанов», которые можно резать в суп ножичком, для начала получит по уху серебряным портсигаром...

Но мы это уже проходили, когда в 53-м из тюрем выпустили рецидивистов, а вот — «кто кидал», они, кажется, не заметили. Тогда подождем.

— А ты проверь, у кого каши меньше осталось.

Теперь уже смеялся весь зал. Они, похоже, перепутали, чем отличается спортивный лагерь от лагеря за колючей проволокой. Да еще когда вокруг не *их* овчарки, а лес.

Почувствовав угрожающую обстановку, мальчик повернулся и спокойно, не роняя достоинства, пошел к своим.

— Кидал Даня... — шепотом, испуганно вытаращив глаза, проябедничал вдогонку ему Артамон. И от страха полез под стол.

Из-за лившего всю ночь дождя тренировка была перенесена на вечер: пусть подсохнет земля. Я пошел побродить один по лесу и нарочно прошел мимо кухни, где Людка была сегодня дежурной. Но увидеть ее не удалось.

В лесу мне случайно попалась спрятавшаяся в траве маленькая красная гвоздичка, и я был восхищен, впервые рассмотрев ее, тончайшей красотой лепестков: острые зубчики на краях и чистый розово-красный цвет. Возвратившись, я зашел на кухню и отдал цветок Людке.

— Это мне?

— Тебе.

На мойке прекратили работу. Я посмотрел ей в глаза и, дождавшись, когда они вспыхнули, чуточку еще задержался и пошел, чувствуя, как у самого кружится голова.

После обеда я лег и попытался уснуть. Сегодня был большой беговой день, и тренер отпускал нас с Борькой в «свободный поиск». Пожалуй, нам больше всего нравились эти пробежки километров на двадцать, в основе которых был легкий «крейсерский» бег, сменявшийся время от времени затяжными рывками, когда уже не разбираешь, что под тобой — желтый проселок с ромашками или же край вспаханного поля. Или — этого мы избегали — квакающее под ногами болото.

И снова — свободный и легкий («звериный») бег.

Но уснуть что-то так и не удалось, и я просто полежал с закрытыми глазами, заставляя себя выдержать режим. В четыре

я растолкал Борьку, и мы пошли умываться: это был «раз и навсегда» установленный ритуал перед тяжелой тренировкой.

Мы почти не разговаривали и, выходя из лагеря, старались избежать ненужных сейчас случайных встреч: надо было настроиться на предстоящую работу. Когда проходили мимо кухни, я заставил себя ни разу не посмотреть туда.

«Видит она или не видит?» Чувствуя, как играют мышцы-веревки ног, мы почти физически ощущали взгляды со стороны посудомойки, где сейчас работали девчонки.

Пройдя около сотни шагов, мы вошли в глухой еловый лес, с которого начиналась наша «дальняя дорога». Вокруг уже никого не было.

— Пошел...

«Опустившись на лапы» — слегка согнувшись и подавшись вперед, — я сделал первый пружинящий шаг. Земля оттолкнула меня, и — понесло!..

Борька, стремясь занять положение ведущего, ушел рывком немного вперед. Я ничего не имел против и, чтобы не спотыкаться за его спиной о встречающиеся на пути корневища, чуть-чуть отпустил его.

Пройдя аллюром около километра, мы сбавили и перешли на нормальный бег.

— Зачем так бежал?

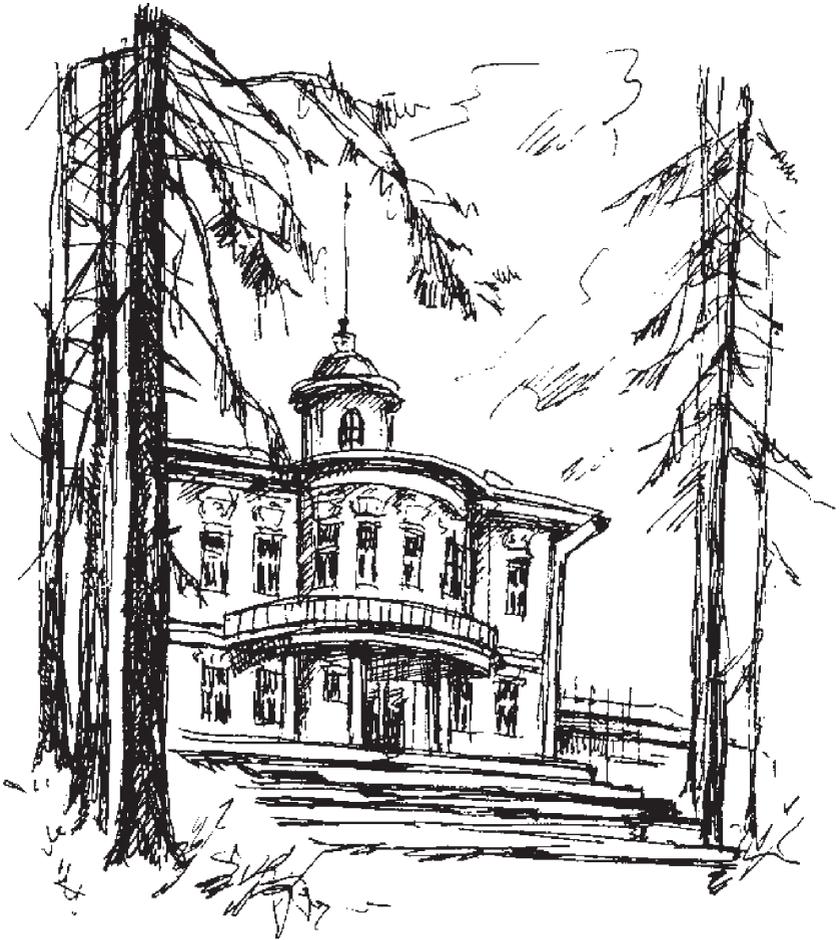
— Попросил бы пораньше...

Сорвав на ходу гроздь оранжевой рябины, я с силой бросил в него. Он мотнул головой, стряхивая зацепившуюся веточку.

Добежав до запрятавшейся в деревьях церквушки старинной усадьбы Середниково, в которой когда-то гостил у родственников юный Лермонтов, мы остановились и начали разминку.

С высоты крутого холма открывался вид на большой овраг. Слева был подъем от речки нашей полуторакилометровой трассы. Справа раскинулся невидимый отсюда старинный лес-парк с каменными мостиками и прудами. Где-то далеко прошла электричка.

Я прислушался и уловил еще гул самолетного мотора. Подняв голову, я отыскал серебряную сигарку, медленно двигавшуюся в бездонной синеве.

Усадьба Середниково (XVIII век)

Вид высоко летящего самолета неизменно наводит на меня тоску. Глядя в небо, я чувствовал себя какой-то затерявшейся козьявкой, живущей козьявочными же мечтами о том, чтобы в следующий раз пробежать полтора километра чуть-чуть быстрее.

Как это все в *чем-то* и искусственно, и ненужно... И что такое жизнь? Кто-то строил каменные мостики в запущенном сегодня старом парке и был, наверное, счастлив. А другой летит сейчас в гудящем в небе самолете, и этот парк ему, должно быть, и не виден. Но ведь можно полететь и дальше — когда вокруг останутся лишь звезды и наша маленькая точка-Земля исчезнет навсегда в крошечной темноте.

И где-нибудь, открыв сверкающую дверцу корабля, увидеть взгляд прекрасных незнакомых синих глаз.

Но почему же — синих? Это Людка. Только незнакомая.

И, глядя на нее, я чувствую, что мне не надо больше ничего. Только бы остаться с ней, наедине, вот здесь, на корабле, где нет людей, или в лесной избушке, и смотреть, и видеть этот синий и бездонный взгляд...

Какая тоска! Какая *щемящая* тоска... Я снова посмотрел вверх, где маленький серебряный самолетик едва переместился по голубому небу. Этого не может быть... Неужели я люблю ее?

Деревья тихо шумели, и все так же стояла белая под синим куполом церквушка, как стояла она и сто лет назад, когда меня не было вообще. И как год назад, когда я был.

Пройдет еще один год, и десять лет, и сто... Меня не будет. Никогда! И вообще, и никогда. Какая бессмыслица...

И зачем все это: жизнь, любовь? Но все, похоже, именно так, и я — люблю.

— Ну что, пошли?

Я посмотрел на Борьку и кивнул. Мы спустились с холма и «пошли» вдоль речки, протекавшей по дну оврага.

Тропинка не спеша поворачивала вслед за ее изгибами, то удаляясь от нее, срезая угол, то приближаясь и ныряя в заболоченную топь, пробиваясь сквозь густые темно-зеленые заросли.

Осторожно выруливая в этих дебрях, то грязно-мокрых, то опасно неровных, мы медленно продвигались вперед.

Примерно через километр мы добрались до деревянного моста и перешли на другую сторону речки. Здесь был большой тягун, главным «достоинством» которого было то, что, когда доберешься до его конца, за ним начинался новый, правда, более пологий.

Переключившись на имитацию лыжного бега, мы пошли на гору длинными мягкими прыжками. На переломе, когда из всех ощущений осталось только одно — желание когда-нибудь послать все это ко всем чертям, мы решили, что должны еще добавить ускорение на двести метров.

Спустившись вниз, мы сделали минутную передышку и снова полезли наверх. После третьего раза Борька поменялся со мной ролями и перешел на положение «ведомого».

Возвращаясь под гору в последний раз, мы натолкнулись на добропорядочную семейку, выбравшуюся, видимо, подышать за город. Родители-бомбовозы и дочка-курочка, хорошенькая, с большим синим бантом.

Разбежавшись прямо на них, я в последний момент резко наклонился в сторону — «лег на крыло», — и мы пролетели от них в каких-нибудь двух шагах, сорвав восхищенный куриный взгляд.

Выбравшись на мост, Борька неожиданно обернулся и помаhal ей рукой. Она ответила.

— Давай вернемся.

— Болван! Федька Умойся Грязью...

— Но она мне помаhала.

— Вот если б тебе родители помаhали.

— Эх!..

Борька и сам понимал, что никакие надежды здесь для нас не реальны. Но, видно, девчонка ему очень понравилась. Такие встречи остаются в памяти на всю жизнь. Однако решения для него сейчас не было.

«Налево или направо?»

Там, наверху слева, в начале склона холма — могила летчика-лейтенанта. Он был подбит и разбился на этом месте в декабре 41-го года. И было ему 22 года — это можно прочесть на надгробном камне, — лишь ненамного больше, чем нам.

Мы свернули направо и теперь бежали в сторону парка.

Сегодня, я вспомнил, было воскресенье, но мы это не учли и вдруг обнаружили себя в одних трусах среди прогуливающейся публики. Но сворачивать было нельзя: нас заметили, и «они» превратились уже для нас в «мессершмитты».

Не стовариваясь, мы плавно разогнались до предела и, бесшумно ступая, «прошили» опасную зону за каких-нибудь пятнадцать-двадцать секунд. В конце аллеи из старых лип большая группа девчонок и ребят почтительно расступилась, уступая дорогу, и мы, уже задыхаясь, вылетели на вершину заросшего елями холма, за которым начиналось лесное море.

Борька снова заговорил о той девчонке, но я категорически отказался возвращаться: игра не по правилам.

Наконец, решив, что и проигрывать надо уметь, он утешился, и мы, перейдя небольшое поле, вышли на дорогу, ведущую в сторону к Малино. Какое-то время мы продирались сквозь дремучий еловый лес, с сухими черными ветками-руками, потом спустились в овраг.

Бежать было легко. Наступил тот момент, когда «мотор» уже приработался, а «бензина» было еще достаточно. В это время нередко вообще забываешь, что ты бежишь, и отдельные участки пути потом даже не всегда удастся припомнить. Когда во всем окружающем пространстве остаются одни только мысли.

Я подумал о футболистах. Какое-то странное в своей противоречивости чувство вызывают у меня эти «веселые ребята».

С одной стороны — отталкивающая грубость. Я понимаю, что они зарываются. С другой же стороны, таких, как мы, они просто не замечают. Они прямо-таки чувствуют свое превосходство над нами, словно оно действительно существует.

Но вместе с тем как-то так получается, что они и в самом деле подчас реально держат над нами верх. Пусть это все и не так уж важно, а иногда и просто туповато — как эта история с прудом, — но в этом *чем-то* они верх все-таки держат.

Как это получается?

Спору нет, футбол популярен, и в него играют все или почти все. И, сталкиваясь на площадке с хорошим игроком и уступая ему в ловкости, сохраняешь это чувство уважения к нему и потом, в повседневной жизни. Совсем даже забывая, откуда эти ощущения взялись.

Выходит, способность лучше других «водиться» с каким-то там мячом незаметно превращается в *способность вообще*? И все признают это?

Похоже, что в природе «победитель» обретает признание вне зависимости от ответа на вопрос: *чего* победитель?

Людям *зачем-то* нужны победители?

.....

Начался подъем, и внимание переключилось на контроль за «расходом горючего». Выбежав наверх, мы не остановились и с той же нагрузкой пробежали еще полкилометра, разбрызгивая лужи или чавкая по разъезженной колее.

— Ничего! — сказал Борька, зная, что я тоже «оценил» эту пробежку.

Почувствовав по слегка «не такому» тону, что он подустал, я предложил снова спуститься в овраг и «взять» еще одну горку. Инициатива переходила ко мне, и он прекрасно понимал это. Но честолюбие не позволило ему отказаться, и мы побежали вниз.

Я вернулся к прерванным мыслям. Если мои рассуждения правильны, то и наши футболисты, эти «маленькие победители», — в чем-то тоже нужны?

Но тогда оказываются необходимы для чего-то также урки-уголовники и — идем дальше — фашисты?

«Боевые ребята», способные убивать в концлагерях или, чтобы доказать свое превосходство, загонять в землю плохо обученного или летающего «не на том» самолете, но такого же мальчишку-летчика, — они нужны уже потому, что *хотят* этого?

И действительно имеют на это право? Как те молоденькие елочки-зверьки в нашем лесу? Природа не знает жалости к слабым, иначе она не будет прекрасна?

Прекрасное и жестокое — связаны между собой?

Но, с другой стороны, я не хочу быть в таком, как их, стаде. Даже если оно «боевое». А они, вернемся снова, *хотят* и уже потому, как следует из рассуждений, выражающих мои настроения, имеют на это право?

Ну и, наконец, если я *не хочу*, то, значит, тоже *имею право*?

.....

Густые заросли мелкого ивняка в изгибах речки около Малино были уже далеко позади и показались постройки Крюкова. Пора было поворачивать назад.

Дорога завела нас в глухой и мрачный лиственный-хвойный лес, смыкавший где-то высоко кроны своих деревьев. Мы бежали мимо застывших в полутьме стволов-великанов с мертвыми черными сучьями внизу, со странным ощущением живого существа, случайно очутившегося в царстве теней и зловещего безмолвия.

Я прибавил и еще раз прибавил скорости, и мы теперь «рвали» вперед, навстречу неизвестности, напряженно вглядываясь в черноту. Казалось, от того, успеем ли мы выбежать из леса, зависит — схватит нас или нет *кто-то*, прячущийся сзади и дышащий тяжело, стучащий копытами по корневищам...

Наконец показался просвет, и мы, как к надежде, как к счастью, собрав остатки несуществующих больше сил, ворвались в последний поворот и, пролетев сквозь частое мелколесье опушки, попали вдруг на лесную поляну.

Одна — совсем одиначенька, всеми покинутая и позабытая, на ней росла раскидистая желтая сосна. Светило солнце. Пахло травами.

Можно было заканчивать бег, но я, загадав на Людку и «взяв на прицел» раскинувшую ветви заблудившуюся сосну, снова пошел на ускорение. Борька, не понимавший источника моей вулканической силы, не выдержал и сдался:

— Хватит...

Мы перешли на тихий-тихий бег, почти на шаг, когда даже без сил легко «идешь» в гору, и свернули в направлении Черного озера. «Людка, ты — моя», — подумал я.

Речка Горетовка

На озере стлался туман, и вечернее солнце мягко золотило болотистую местность. Чахлые березки на дальнем берегу одиноко выделялись среди тростниковых зарослей и кустарника. Протяжно кричала птица.

Мы умылись и посидели немного около темной воды. Все же в болоте есть какая-то тайна. И грусть.

Придя в лагерь, мы зашли на кухню и попросили чайник кипятка. Усевшись на краю леса под сосной, мы смотрели на разгоравшийся закат и долго пили из кружек свой солдатский чай. Спешить уже никуда не хотелось.

Я отнес пустой чайник на кухню и, когда поворачивал за угол, услышал негромкий голос, позвавший меня. Обернувшись, я увидел Людку. Она протянула большой ломоть черного хлеба с сыром. Я кивнул, разломил хлеб и тут же съел свою половину.

Она стояла придвинувшись ко мне и молчала. Ее глаза, почти что черные в сгущавшихся сумерках и какие-то строгие, смотрели, казалось, куда-то *в меня*. Губы ее приоткрылись, и она на какое-то время словно перестала дышать. Я замер. Она тихонько поцеловала меня, повернулась и быстро ушла.

— Бери, от повара! — Я протягивал Борьке бутерброд.

— Прямо или через секретаря? — Его глаза смеялись.

— Разумеется, прямо. Просто он стесняется зайти.

* * *

*Валентина, звезда, мечтанье,
Как поют твои соловьи...*

Александр Блок

Мы бредем по странному сухому болоту со скошенным жестким рогозником и со следами копыт, с вывороченными этими копытами комьями засохшей грязи. И я отчего-то говорю только что пришедшую мысль:

— Знаешь, Борька, я, наверно, женюсь.

И сразу после этих слов что-то словно изменилось в мире. Мы еще идем по болоту. Борька молчит и продолжает все так же шагать, старательно выбирая место, куда поставить ногу. Я — тоже. Но думаю уже о том, что все стало каким-то удивительно

ясным: вот это — грязь, а это — рогозник. И говорю:

— Мне пришла, наверное, ужасно банальная мысль: когда люди женятся, то потом появляются дети. И для своих детей мы будем теми самыми святыми людьми — отцом и матерью, — о которых думаешь, что иначе — то есть чтобы они не были бы твоими родителями — такого не могло бы и быть. Ведь не мог же иначе я появиться на свет? Представь, что мы бы сейчас не шли с тобой вместе. Разве это возможно? А если бы *они* не поженились, то были бы другие дети. Но это был бы, разумеется, уже не я. Такие мысли никогда к тебе не приходили?

— Пожалуй, мне и в самом деле кажется, что я так думал... Только это было давным-давно.

Мы уже дошли до края болота, в которое зачем-то забрались, и за тем бугорком будет дорога в лагерь.

Как страшно увидеть *ее* теперь! И даже как-то не хочется, словно я боюсь чего-то...

Но и интересно: она же еще ничего не знает. А я — уже знаю.

— Все так неожиданно, — говорит задумчиво Борька. — Давай, нарвем ей цветы.

— Но ведь я еще не сказал ей об этом. Это пока — ты сам понимаешь...

Свернув с дороги, мы пошли по заросшему клевером полю. Я чувствовал, что хочу сказать что-то еще и что для этого мне нужен друг. Но Борька опередил меня:

— Она ведь москвичка?

— Мне кажется — да.

— А я, ты знаешь, тоже чуть не женился, — сказал он. — Это было в прошлое лето, когда я ездил к себе домой.

Прошел целый год, и он только теперь говорит мне об этом? Почему, однако, даже через целый год он об этом еще говорит?

— Ты жалеешь?

Он не ответил.

— Знаешь, Вовка, ты слишком часто все упрощаешь и слишком многое идеализируешь в этом мире, — сказал он немного позже. — Ты видишь только прямую дорогу, и я иногда тебе очень завидую. Но тебе от этого будет в жизни плохо. Все равно будет плохо, — повторил он с какой-то непонятной и

неприятной уверенностью, — даже если ты добьешься чего-то.

Что на это можно было ответить? Я не знал. К тому же хотелось продолжить начатую и еще не законченную мысль.

— Извини, я хочу досказать. Тебе, наверное, странно, что я неожиданно заговорил о детях. Я и сам о них никогда не думал. Но вот сейчас подумал почему-то именно о них. Как будто, решив жениться, мы делаем шаг во что-то неведомое. Но в очень важное. Разве есть такие, кто никогда не думал о смерти? Узнав *об этом* однажды в детстве, кричать от ужаса в подушку оттого, что впервые понял, что ты — умрешь. Что будет Земля и будут звезды. Но не будет тебя. Как когда-то, как мы учили на уроках истории, был Древний Египет, и там были тоже люди. Которые так же боялись смерти. А теперь никого из них нет. И точно так же когда-нибудь не будет и нас. Но будут — дети. *Мои* дети. От *нее*. Именно от *нее*, которая умрет тоже. И знаешь, я впервые почувствовал сейчас, что разговор на эту тему не страшит, как раньше, и не отталкивает меня. Я словно даже согласен с неизбежным. Значит ли это, что мы как-то сразу становимся взрослыми? Мне почему-то кажется, что — да. Ибо теперь, как это представляется, мне можно будет строить свою дальнейшую жизнь, не уклоняясь от мыслей о неизбежном. И может, даже наоборот — не забывая об этом. Что позволит многое поставить на свое место. И мне уже даже *хочется* этого.

И в самом деле, разве плохо — просто любить? И не думать сейчас ни о чем другом. И пусть потом будет борьба и не все будет просто. Но сегодня, когда пришло мое счастье, я проживу эту часть моей жизни так, чтобы узнать в ней самое лучшее. А дальше по крайней мере рядом будет *она*.

Правда, как это мне еще ни разу не подумалось об этом: я же буду *раздевать* ее!

А ведь есть люди, которым *это* узнать не дано.

Зачем-то я снова взглянул на Борьку. И вдруг увидел, что щеки его словно запали, а нос заострился и удлинился. Глаза недобро сверкнули. И спрятались.

Я засмеялся и, желая немного его растормошить и передать ему хоть что-то от моего необыкновенного настроения, рассказал, на кого он, как мне показалось, похож.

Он тоже засмеялся в ответ, но это вышло как-то невесело. Очень скоро наше молчание стало каким-то тягостным, и мы повернули в лагерь.

Вечером я пошел на танцы. Людки еще не было. Я остановился немного в стороне, отступив от тесноты стоявших неумех, и стал ждать. Как всегда, одна половина танцевала, а другая, не менее многочисленная, стояла и смотрела на них. Видимо, так было и так будет всегда — одни танцуют, а другие смотрят.

Танцуют те, кто не думает, что они не умеют. Не танцуют те, кто так не думает. Есть, правда, еще такие, кто знает, что не умеет, но танцует. Но их немного — как королей или президентов. А большинство или не думает, или не танцует.

Уже стемнело, и включили прожектор. Лес сразу отодвинулся, исчез. Осталась только ярко освещенная площадка, по которой, как в аквариуме, медленно плавали золотые рыбки и худые, но расторопные ерши. Иногда попадались карась или белуга. А в тихой заводи высматривала новую добычу и курила сигареты известная всем щука. Музыка играла танго.

Ко мне подошел Артамон.

— Она уехала. Из-за тебя, — сказал он, когда начался новый танец и все смешалось в расхватывании безразлично пошевеливающих плавниками, но не уплывающих никуда рыбок.

Я не понял:

— Ты о чем?

— Разве ты не знаешь, что она выходит замуж?

— Людка?

Еще не веря его словам, этой невероятной истории, я открыто назвал ее. Еще была какая-то слабая надежда, что я неправильно понял или тут что-то напутано. И что сейчас все выяснится. Непременно выяснится...

— Да.

Я смотрю на него и уже понимаю, что это — правда.

Но такого не может быть... А если... И почему *для меня*?

Это, наверно, сон... Вот они, эти же самые знакомые ребята и девчонки, танцуют и ничего с ними не произошло... Я ведь

вижу, что все — как было. Вот они — рыбки, и вот — щука. А вот — Артамон.

Ну зачем он здесь? Его не надо... Рогозник... Давай, нарвем ей цветы... Надо взять себя в руки.

Я посмотрел на Артамона:

— Ты его знаешь?

— Это Димка-баскетболист. Он был здесь на первой смене, а к нам, на вторую, приезжал на открытие. И был потом пару дней.

В памяти отчетливо всплыло: мойка, гора еще не вымытой грязной посуды и застывший в стойке «раззява» Артамон; стройная фигурка, удаляющаяся в темноту; кто-то поворачивает два раза ключ в двери остаповского домика.

Но как же я не понял все это? Ведь понял я Артамона... Или мне *не хотелось* тогда понимать? Неясно только, почему у этого Димки-невидимки оказался остаповский ключ?

— И еще его друг, Валерий, тогда, на баскетбольной площадке, заехал тебе как следует по носу.

Я снова перестал его понимать.

— А потом вы остались вдвоем. Ты сорвал ей несколько ромашек. Извини, что я это видел.

«Тогда, когда я и сам еще ничего точно не знал, другие, выходит, уже все понимали?..»

— А может, еще и Остап вас видел вдвоем?

«Остап нас видел. Но при чем здесь Остап? Впрочем, не все ли теперь равно?»

Мы помолчали. Я сумел найти в себе силы поблагодарить его взглядом и пошел...

Когда я снова пришел в себя, то увидел, что ноги сами занесли меня к старому пню недалеко от озера, где мы разыскивали дорогу муравьев.

В кромешной темноте пень обозначился каким-то холодным отталкивающим свечением. Словно у него были глаза. Несколько глаз. Я коснулся его, а потом опустился на землю и обнял его обросшее мохом, но все еще крепкое корневище.

Наверное, я пролежал так довольно долго, потому что,

когда снова поднялся, взошедший за лесом месяц был уже высоко. Кругом было черно, и только озеро сверкало пятнами серебряной воды в разрывах слабо колышущегося тумана...

Я подошел к нему и стал раздеваться. Заплыв на середину, перевернулся и посмотрел наверх.

Маленькое желтое светило висело высоко в вышине, разливая вокруг блуждающий свет. Тусклые в застывшем свете-киселе звезды Большой Медведицы, которые — первые — показала мне мать.

Далекое детство, снежные сугробы, ледяное небо. Пробирающий до костей сорокоградусный мороз, но я еще посмотрю... И еще... Еще чуть-чуть и конец... Все! Скорее домой!

Что-то, казалось, давно знакомое, но позабытое пришло и как будто требовало от меня чего-то. Как если бы я должен был сделать то, что не сделать было невозможно. Перестав работать, я медленно погрузился в воду.

Внизу было темно, но мне не было страшно. Коснувшись дна, я мгновение задержался и затем резко выпрямился и вынырнул на поверхность. Стараясь по возможности не шуметь — понимая почему-то, что это сейчас недопустимо, — поплыл туда, где начиналось заросшее камышами затаившееся болото.

Месяц скрылся за облаками. Болото накрылось мглой. Я плыл среди белых лилий и синих звезд.

Художник Ирина Крымова (1995 год, Дубна)

МОЖЕТ, ЗАВТРА НАС НЕ БУДЕТ...

В конце первой декады августа вторая смена закончилась и началась третья, «спортивная». Жизнь в лагере шла своим чередом: каждое утро радист будил обитателей палаток мелодией «мальчика», который еще молодой, после чего начиналась зарядка.

Теплое время уже окончилось, и мы после разминки не ходили купаться на озеро. Через два часа после завтрака, если не было дождя, начиналась тренировка. Каждый третий день был «разгрузочным», когда мы играли в баскетбол или футбол.

Двадцатого августа началась лагерная спартакиада, в которую входили комбинированная эстафета и турниры по баскетболу и по футболу. В эстафете я греб в лодке по пруду. Когда-то я занимался спортивной греблей и потому понимал, как управляться с лодкой. И знал, что на двухсотметровой дистанции в ней можно выиграть секунд десять—пятнадцать, которые можно было столь же легко растерять на следующем этапе — пятидесятиметровом заплыве с эстафетной палкой в руке. Где все и решалось.

Но лодка была штукой коварной: тот, кто прыгал в нее после бега по берегу, должен был именно прыгать и точно посередине, чтобы не завалиться набок.

А еще важнее было ни в коем случае не пытаться отталкивать ее корму от берега. Последнее, казалось бы, дает преимущество, так как лодка при этом быстрее набирает скорость. Однако берег у пруда круто уходил под воду, и потому тот, кто отталкивал лодку, сделав всего один шаг, сразу же оказывался в глубокой воде и повисал, как грузило, на ее корме. Что и случилось с баскетболистами, первыми прибежавшими к своей лодке.

Длинный Валерий, который «заехал» когда-то мне по носу на баскетбольной площадке, видимо, тоже хотел помочь своему гребцу и через две секунды оказался подобно мочалке вытянутым за кормой.

Наученный строго-настрого «только прыгать», пришедший

за ним наш лыжник выполнил все, что ему было сказано, и мне можно было теперь грести. Но прежде я зачерпнул веслом полведра воды и плюхнул ее в разинутый от изумления рот.

В эстафете мы победили, а боровшиеся с нами basketболисты неожиданно для всех заняли последнее место после того, как «этот длинный болван» упал с лодки, а потом еще и начал тонуть. Пришлось спасать.

В прошедшем затем без особых приключений basketбольном турнире нам, как и надеялись, досталось второе место. И стало ясно, что для того, чтобы стать победителями турнира, мы должны были в оставшейся у нас последней игре «не очень плохо» — без разгромного счета — сыграть в футбол с футболистами. Начиная с этой игры я и вернулся к жизни.

«Хорошо, что *это все* когда-нибудь кончится». Эта невеселая мысль, как ни странно, помогает выжить в, казалось бы, самых, что ни на есть тяжелых личных трагедиях. Наверное, есть и другие, более достойные мысли. Но меня тогда спасла именно эта.

Все это время я как бы не жил, а только *ждал*, и время действительно делало свое дело. Перед игрой с футболистами я пошел в лес. Что-то тянуло меня к зарослям папоротника, но, увидев их, я повернул и пошел к опушке. Сейчас — только футбол.

Футбол — это та же жизнь. С той лишь разницей, что *время* в нем заключено всего лишь в двух таймах игры. Но все законы, которые управляют в жизни, здесь — те же самые, ограниченные, правда, тем, что на поле не бывает любви, а есть только — борьба.

Однако в борьбе, если в жизни есть вообще какой-то смысл — а он для одних есть, но для других его нет (и тогда уже, как сказал один знаменитый француз, «это надолго»), — главным является не «радость борьбы», как полагают немцы, а — *победа*.

Борьбу можно спланировать, но победа достается сильному духом. И потому в предстоящей игре с футболистами, которые, как и немцы перед войной, были тоже сильны подготовкой и так же уверены в своем превосходстве, можно было бы — имея целью не допустить разгрома — попробовать показать им расставивший все по своим местам 1941 год.

Уверенные в победе и невозмутимые, как римские легионеры,

футболисты сразу пошли в атаку. Перед ними был не то, чтобы противник, а так, «нечто промежуточное», на которое просто надо было потратить какое-то количество их личного времени. И не больше того.

Они шли в атаку в лоб, через центр, легко и небрежно обыграв наших двух игроков. Это был если не самый простой, то самый короткий путь к нашим воротам. И бороться здесь с ними их же оружием было практически бесполезно.

Но и оружие — оно тоже бывает разное.

Мне досталось играть свободным защитником. Увидев, как Даня, выдвинутый на место центрального нападающего, сыграл в короткий пас со своим напарником с длинным приплюснутым носом, оставив за своей спиной нашего глубоко задумавшегося игрока, который уже не видел ни Дани, ни мяча, и вышел к нашей защитной линии, — я отошел назад, нарочно отпустив слишком далеко вперед своего центрального защитника, и приготовился к рывку вперед.

Даня заметил мою «ошибку» и неожиданно несильным, но точным, хорошо отработанным ударом послал мяч мимо защитника вперед к штрафной, на свободное пространство. А сбоку в прорыв уже набегал второй форвард. Но он не успел: перед самым его утиным носом я срезал мяч на край поля.

Они опять пошли в атаку. На этот раз я слишком подтянулся к защитнику и приготовился к рывку назад, надеясь на свою скорость. Они немедленно навесили на штрафную, но я снова оказался первым и откатил мяч своему вратарю.

Это были пока примитивы, работающие на отсутствии знаний о тебе у опытного противника, и всю игру было на них не продержаться. Однако главное, на что в них можно было рассчитывать, мы достигали: как и тогда, летом—осенью сорок первого, «они» только проникли в пространство. Но не разгромили, а лишь обнаружили ускользающий от них повсюду «дух».

Сейчас им придется перестраиваться. Вот только что предпримут они теперь? Момент был критический: в борьбу включался интеллект против интеллекта.

Но прежде чем начать сражение по всему фронту, как это делается против уважаемого противника после первых маленьких

неудач, с тем чтобы провести разведку боем общей силы неприятеля, Даня просто взял мяч и пошел один на наши ворота.

Так семнадцатилетний верзила-двоечник с холодным лицом местного тирана играет обычно с дворовой шпаной. То же было и здесь: красавчик Даня, прищуривший глаза — такой ушедший в себя «профессор», — как-то неожиданно, только показывая, что хочет отдать пас, прошел всех, и я остался с ним один на один.

Сделав короткий резкий удар вправо, он сам пошел влево и по-кошачьему ловко обошел меня. Сзади оставался один вратарь. И перед ним был Даня. А мяч был у меня.

Вратарь глядел на Даню, а Даня — на вратаря. Мышка была — вот она, но у кота-джентльмена куда-то подевались нож и вилка.

Всякий нападающий имеет свой излюбленный прием, который применяет почти всегда, если уверен, что у противника не приготовлен контрприем. Даня уже применил дважды и очень неплохо короткий точный удар вперед и немного в сторону, на который, играя загорелым до черноты телом, он ловил защитников, и я имел поэтому право рассчитывать на его повторение. И забрал мяч из «пустого» места. А потом катнул его вперед и выбил к своим, бродившим, как понурые козы, нападающим.

Мимо не торопясь, с равнодушным видом прошел Даня. Теперь он должен снова пойти против меня один на один. Не сразу, но должен. Это становилось делом престижа — его, но не его команды. И ему надо будет в этом «помочь».

Даня, однако, не был похож на тупого зверя. Он отошел назад и говорил что-то вполголоса своим слегка попритихшим товарищам. Сейчас, возможно, будет предпринят тот настоящий штурм, где нам без потерь, по-видимому, не обойтись. А потом он попробует раздавить меня.

В нашей команде я был капитаном и как капитан крикнул всем, чтобы немного оттянулись назад.

И штурм начался.

Первая эшелонированная атака с использованием всех их «боевых сил» была произведена настолько быстро, что мы едва ли успели вообще понять, что происходило на нашей половине

поля. Прошедший по краю игрок отдал мяч немного назад, в середину, а ждавший уже этот пас полузащитник, не задерживая, послал его снова вперед, по центру, создавая угрозу лобового прорыва.

Центральный защитник и я бросились закрывать увиденную разыгрывающим брешь, но мяч, отправленный по-стрельцовски мягким выверенным ударом пяткой назад, уже катился обратно, в сторону центра поля, на свободное пространство.

Но свободным оно было только от нас. И вбежавший в это расчищенное от защиты место игрок-тяжеловес пушечным ударом направил мяч в направлении наших ворот. Но не попал.

Еще через полминуты я уже валялся на земле, приняв на себя такой же удар, только нанесенный с более близкого расстояния, и не мог разобрать — ни где сейчас мяч, ни куда они перебросят на этот раз свою «тяжелую пушку». Если так пойдет, то — совсем немного, и от нас ничего не останется...

Наше спасение было в одном: контратаковать их в штыки, взяв каждого из них в жесткий прессинг, в расчете на свою беговую выносливость. И на готовность к отчаянному сопротивлению.

Как капитан я должен был отдать этот приказ. И я его отдал.

В прямом штыковом бою говорить о каких-то продуманных «интеллектуальных» схемах не приходится. Здесь важно другое. Для нападающих — это «огонь атаки», который мгновенно бросает тело туда, где *видны* неуверенность или случайно сложившаяся ошибка защиты. Для защищающейся же стороны главной является «воля». Ни при каких обстоятельствах, даже когда уже кажется, что поражение неминуемо, защита не должна, не имеет ни малейшего права уступать и сдаваться.

И «воля» осаживает «огонь».

Но все же еще остается мастерство. А оно у атакующих нас футболистов было заметно выше. В этом штурме они забили нам («пушка») первый гол, а затем, после длинного красивого навеса, — еще один. И на этом игра постепенно успокоилась.

Даня после этого попробовал несколько раз пройти «сквозь» меня, но это ему «не позволили». В борьбе, однако, ничто не начинается и не заканчивается тем, что бывает видно со стороны. Победа приходит раньше, чем забивается гол, через ее (победы)

ощущение, ее витающий над полем дух. А после забитых голов (или даже одного гола) в какой-то момент приходит понимание, что «игра сделана». После чего ее надо только довести.

Этот «дух победы» создается *настроенностью* на победу, еще до игры. И поддерживается поведением во время игры. Как и в бою. И как в бою, так и в игре витающий над полем дух *видит все*, и в атаке, когда «огонь» нападающих оказывается по-гвардейски безрассудно-смелым, он «опутывает» ноги защитников и заставляет их спотыкаться в самый ответственный момент. Или же, наоборот, «заливает огонь водой», когда противостоящая нападению воля оказывается героической.

А главное — дух не умирает. И продолжает делать свое дело, когда солдат свое уже сделал. Даже когда погиб.

Этот дух и стреножил Даню, после чего он в игре против меня начал делать ошибку за ошибкой. Он показывал мне «уход» в одну или другую стороны, а я *все видел* и не верил ему, и выцарапывал у него в действительности неподвижно лежащий мяч. Он замирал, а я уже *знал*, что сейчас он попробует провести мяч между ног, «в очко». Тут достаточно было перенести тяжесть тела на одну ногу (что нельзя делать, когда ждешь обводку), освободив другую для мгновенного перекрытия «очка».

Он ничего не понимал, а когда наши нападающие в толчее после подачи углового еще и закатили в их ворота ответный гол, то вообще отошел назад — предпочтя не рисковать победой в потухшей игре с каким-то неправильным противником, который давно уже должен был бы сложить оружие. Но было уже поздно.

Направленный к этому времени против него дух его уже не отпустил. Он *заставил* его грубить, и после одного из таких инцидентов, случившегося в их штрафной, судья решительно назначил пенальти в их ворота.

Это уже могло превратиться в сенсацию. Бить поручили мне.

Я взял коричневый шероховатый мяч и поставил его на одиннадцатиметровую отметку. Потом посмотрел на вратаря. Сейчас только он мог спасти свою команду от унижения. Игроки и зрители замерли в ожидании.

В этом поединке между бьющим пенальти и вратарем есть

что-то несправедливое, даже жестокое. Потому что гол владеющим техникой удара игроком забивается почти всегда, а причина, по которой судья назначил это «высшее наказание», носит нередко чисто формальный характер. Симпатии зрителей в таких случаях склоняются в сторону вратаря.

Вратарь стоял, опустив свободно руки в перчатках и глядя куда-то в сторону. Похоже, он даже не собирался занимать стойку. Вся его поза выражала пренебрежение к происходящему, как будто речь шла не более чем о затянувшейся разминке.

Великолепный малый! Еще до удара он выигрывал поединок.

И он его не просто выигрывал, а выигрывал *между прочим*. Чтобы потом, после неудачно пробитого пенальти, спокойно выбить мяч в поле и встать в ту же «неизменную» позу. Заранее победителя.

А неумело пробить должен был — я.

Это не кто-то, а именно я должен был пробить неумело! А потом *всю жизнь* вспоминать, как проиграл этому наглому парню. И кусать в бессилии локти от того, что когда-то упустил эту единственную возможность...

Ну что ж — «погоди сука!..» Вот оно, это мгновение, которое, если его упустить, будет потом вспоминаться всю мою жизнь. И вот этот «заранее победитель», который желает мне унижения. Стоит *еще* передо мной.

Так постой же, гаденыш, еще... Секунда, вторая, третья...

Гори, гори! Пошеве-ли-ись... Я резко поднялся на носки — пошел! Сейчас я отчетливо видел все — и мяч, и куда надо бить.

Разбежавшись, я размахнулся с прицелом налево и, чуть-чуть задержав удар и дав ему дернуться в эту сторону, силой всех своих восьмидесяти килограммов хлестанул расслабленным в последнем шаге мыском в том, до его начавшегося прыжка еще ни ему, ни мне не известном направлении, которое говорило с этого момента, что наши взгляды на направление его прыжка как бы несколько не совпадают...

Этот исполненный им над самой землей прыжок-бросок был, пожалуй, даже красив. Но он мог его и не делать. Мяч, прочертив по дуге, пудовой бомбой ударил в верхнюю перекладину и влетел в сетку. Ворота загудели от тяжелого удара.

Чуть не промазал... Мне на мгновение стало плохо.

Какое же счастье, что в последние секунды перед ударом мне вспомнилось про это — «суку»... С манной кашей. А то ведь мог бы и проиграть — я же все хорошо понимал. И знал, что счастье слегка отравлено. Но другие, правда, этого не знали.

Теперь полагалось повернуться и пойти на свою половину поля. Зрители что-то кричали. Кто-то подбежал и дружески крепко хлопнул меня по плечу, кто-то пожал на ходу руку.

Понемногу стало доходить: это — победа! Для нас это была победа. Пусть где-то и не настоящая, может, даже случайная, но мы «их» сегодня — остановили. Как в декабре сорок первого, когда нам, считается, тоже повезло — с морозом. Однако победа есть победа, а все остальное — это было теперь от лукавого.

— Долго же они упирались, — сказал кто-то из зрителей, когда мы покидали поле. Я оглянулся: это был Жора, наш лыжник, мальчик тихий и незаметный, который однажды, во время зарядки, пытался не очень удачно пожонглировать, быть может, тем самым мячом, который судья уносил сейчас с поля.

И в это время один из запасных футболистов, тоже одетый в спортивную форму, но не игравший, а сидевший тут же, вместе со зрителями, на единственной скамейке около угла поля, неожиданно, развернувшись, «двинул» Жору по уху.

Поскольку драки как таковой в общем-то не было, этот эпизод сначала остался незамеченным. Да и успех как-то сглаживал все обиды. Но когда пришли в лагерь, то после чьих-то запальчивых слов вызвал острые разговоры.

Живший в соседней палатке представитель комитета комсомола института, услышав шум, ввязался в эту разборку и предложил позвать футболиста. Тот пришел, посвистывая песенку, и, небрежно остановившись на входе палатки — руки на веревках-растяжках, нога за ногу, — сказал на предложение объясниться, что Жоре досталось, видимо, «по ошибке».

— Пардон, — сказал он, оглядев нас холодным взглядом круглых совиных глаз, щелкнул пальцами и ушел. Такой крепенький толстячок-боровичок. Мы чувствовали себя как оплеванные.

История эта получила известность. Не знаю, кто подал идею, но только вечером весь лагерь отказался идти на ужин. Пошли

одни футболисты.

Чувствуя, что «масса» пытается противопоставить себя им, они бросили новый вызов: покончив со своим ужином, перешли на наши столы и стали на глазах у всех есть по второму разу. По очереди подходя к раздаточной, где маячили белый колпак и нос картошкой, они что-то там «принимали» и с хохотом возвращались в зал.

Решено было ночью избить их.

Я не ходил больше на танцы и вечером, перед отбоем, пошел искупаться. Вода была холодная, но я все же разделся и вошел в нее. Отчего-то хотелось узнать: будет ли и на этот раз так же нестрашно проплыть в темноте к болоту?

Оказалось, что — страшно. Но я заставил себя и поплыл.

Полный всколыхнувшихся ощущений, горьких и светлых одновременно, я возвращался в лагерь. Около танцплощадки меня остановил повар.

— Эй, Ворона, — позвал он меня и взял за рукав. — Я тебя давно жду. Ты, говорят, музыку пишешь. Песни, значит...

Он как-то неловко засмеялся-гоготнул. Меня передернуло.

«Чего он хочет?» — Не зная, что отвечать, я смотрел на него.

Но он что-то долго молчал, пристально глядя в глаза и так и не выпуская рукав. Видимо, думал — как ее пишут или куда, кроме как к печке, можно еще приносить дрова. Никуда и никак.

— Отпусти рукав.

— Ты мне напишешь музыку? — Он приблизил ко мне свое лицо. — Знакомая у меня в санатории, понимаешь? Образованная такая, в очках.

Теперь он уже спросил-гоготнул. И почесал у себя за ухом.

Напишу, конечно. Вот только одно не очень понятно: почему он сам лезет мне в лапы? Неужели это все еще — дух?..

Я задумался, кажется, слишком надолго. Он покраснел и дышал как-то часто, с сипящим звуком — у меня в нем все вызывало отталкивающее раздражение, — но ни разу не опустил наглых белесых глаз.

— Дарить что ли будешь?

— Ну да. Я тебя не забуду. — Он оживился. И почесался.

— Понятно... — У меня уже была готова «идея».

— Я знал, что ты парень что надо. И все понимаешь. — Его глаза забегали и скосились, видимо, от удовольствия. — Я и бумагу тебе припас.

Он передал мне лист разлинованной нотной бумаги, сложенный пополам. Распрямив его, я начал записывать:

*Пой, ямщик, вопрекор этой ночи,
Хочешь, сам я тебе подпою...*

— Такие стихи подойдут?

— Это твои? — уже по-приятельски, но все равно как-то «нос набок», опять гоготнул он. Видимо, без этого не умел.

— Нет, это Есенин.

— А, Сергей. А она догадается?

— Думаю, что догадается.

— Тогда скажу ей об этом сам. А музыка будет моя. Тебе, и правда, не жалко? — Я уже ждал, и он гоготнул.

Что-то гоготало в нем как бы само. Наверное, скушал живого гуся. Мне было не жалко.

Я поставил слева скрипичный ключ и развесил на нотной линейке бемоли, а затем начал набрасывать нотные знаки: до, ми-бемоль, соль, ля-бемоль, соль, фа; соль (низкая), си-бикар, ре, ля-бемоль, соль, фа, ми-бемоль; до, ми-бемоль, соль, до (высокое)...

Мелодия была проста и прекрасна, и мне было несложно справиться со своей работой. Он с интересом следил за мной.

— Держи! — Я протянул ему «его» дважды выдающееся произведение. — Да не забудь перед ней про долгий и томный взгляд.

— Ну спасибочки!

Он и впрямь был доволен собой. Еще бы: в этой сытой налаженной жизни он имел, как, наверно, считал, — все, что надо. Вот только «образованной» у него еще не было.

— Я тебя не забуду! — повторил он.

Я «безразлично» пожал плечами: да ладно...

После отбоя бесшумные тени окружили палатку футболистов. Вышли человек сорок, от всех секций, кроме самбистов. Эти стали долго рассуждать о правильности выбранного пути, и их посему послали к чертям.

«Уж не от трусости ли записываются в самбо?» — подумалось мне. Уже в самом названии этого вида борьбы — самооборона без оружия — было для меня что-то отталкивающее. Объяснить этого я не мог, но однажды, посетив их занятие, которое вел сам Харлампиев, и поучившись на нем падать — с этого начиналось самбистское «образование», — я больше ходить туда не захотел.

Возможно, каждому — свое. Но только в реальной борьбе, как мне это виделось, главным является *настроение* и рожденный им дух. Как в атаке, так и в обороне. А не заранее отработанные приемы. Наконец, можно, зная куда идешь, иметь простое оружие — во-первых, крепкую обувь на волчьих ногах, а во-вторых, например, молоток с продетой сквозь дырку в рукоятке петель — эту самую настоящую палицу. И не ходить — в лесу ли, или по жизни, что почти что одно и то же, — с «гордо поднятой головой», если знаешь, что ты не из «избранных», а — волк-одиночка. Но, может, в самбисты как раз и идут те, которые — не из «не избранных»?

Есть у них и в самом деле просматриваемые общие черты — эти их коренастые фигуры и уверенная походка вразвалочку. Что-то они мне напоминали... Какие-то бурки, какой-то хлыст, чья-то медленная походка вразвалочку... Откуда все это? Я где-то мог это видеть уже? Или же это, и правда, было, но не со мной?

Возможно, это было с отцом? И это он и *видел* все это, попав в 1938-м на «сталинскую» стройку в Комсомольске-на-Амуре?

Когда нам *кажется* что-то, то это где-то уже должно было быть? Или же это только *будет* еще? Как бы узнать про все это...

Раздался негромкий свист, и я перерезал свою угловую веревку. Палатка осела, но все еще продолжала стоять: держали центральные столбы. Кто-то тихо скомандовал, и мы с силой потянули наш конец. Столбы, наклонившись, медленно повалились

набок, увлекая брезент.

Ни одного голоса, ни одного движения изнутри. Нас предупредили, что футболисты, догадываясь, что против них что-то готовится, притащили в палатку железные арматурные прутья. Поэтому их и «накрыли», и теперь прутьями можно было воспользоваться, только выбираясь наружу поодиночке. Что было сложнее, к тому же еще надо было найти правильное решение: что высовывать вперед — «страшный» прут или голову-кочан, которой можно было что-то увидеть? Или же сидеть до утра под брезентом, на котором в ночи пляшут черти. С кольями и дубинками.

Кто-то включил фонарик. «Надо погасить» — успела прийти последняя мысль.

— Артамонов! — раздался голос начальника лагеря.

Облава! Опервый...

Тотчас в лесу словно пронесся ветер, и мы, прикрывая от веток глаза, мгновенно растворились в елочках и зарослях бузины. И исчезли, ныряя под задние стенки своих палаток.

Тишина. Все спят. Только у футболистов какое-то движение.

— Артамон! — тихонько позвали из тишины.

Но его с нами не было.

* * *

На следующий день было объявлено общелагерное собрание. Судили Артамона.

Перед началом ко мне подошел повар и, взяв за рукав, стал вполголоса рассказывать про состоявшееся свидание, торопясь и заглывая — он это делал, дергая свою голову с картошкой посередине, — слова:

— А когда я вытащил из кармана ноты и говорю ей: от меня к вам, она, ты знаешь, прямо опупела. Нет, Ворона, правда, жалко, что ты не видел. Надо было взять тебя. Ты бы сидел в кустах...

— Рассказать анекдот про грузина? Он никак не мог понять: почему «квас» пишется вместе, а «к вам» — отдельно? — Мне было неприятно его соседство на глазах у всего лагеря, и я через смех пытался высвободить рукав. «Подожди-ка ты до завтра!»

— Концерт! — сказал он уже просто так и отпустил рукав

моей куртки, видя, что я не поддерживаю почему-то разговор про такую «классную» тему, как любовь. — Дурак этот Артамон, связался с футболистами. Остап ему покажет!

— А что? — Я задал вопрос, как мог, безразличным тоном.

— Да так. Тебе это знать не обязательно, — подмигнул он мне. В глазах его промелькнула искорка злобы. Если ко мне, то вроде бы еще рано...

Он прошел вперед и сел на специально принесенный для него стул, который услужливо держала одна из работавших на кухне местных козочек. Я отошел к своим, сидевшим на задней скамейке «театра» под открытым небом.

Начальник лагеря попросил тишины и начал собрание.

— Вчера мы были свидетелями хулиганского поступка Артамонова, пойманного с перочинным ножом, которым он обрезал веревки одной из палаток. Мало того, что он нарушал режим, но это, с позволения сказать, «мероприятие» могло закончиться куда хуже. Гораздо хуже! — он подчеркнул последние слова. — Представьте, что обозленные ребята выйдут, чтобы схватить хулигана, а он — с ножом...

«А чем же еще перерезать? Или перегрызть зубами?»

— Это неправда! Они были первыми, когда ударили меня и еще сказали потом, что — по ошибке!.. Я про футболистов! — маленький Жора, красный от волнения, вскочил в первом ряду. — И вообще их никто не любит. Я, это было у пруда, хотел поиграть их мячом...

По собранию прокатился смешок. Жору усадили, пообещав потом разобраться, за что его били по ошибке. И заметили, что все подобные случаи надо выносить на общественные собрания. Как это сделали футболисты.

Жора вскочил снова, но сидевшие сзади девчонки дернули его за куртку, и он провалился-исчез в людской массе, опять рассмешив собравшихся.

Остап сказал еще что-то правильное и закончил свое выступление выражением уверенности, что собрание разберет этот поступок и осудит хулиганские действия.

Слово дали представителю комитета комсомола. Это был в общем хороший, но не всегда понятный нам парень — «не из

нашего города». Держался со всеми он подчеркнуто приветливо, даже расспрашивал (а не только спрашивал, как это принято у «них») — как дела? — но почему-то в общении с ним, аккуратным и подтянутым, чувствовалась необходимость всегда, независимо ни от чего, тоже быть таким же бодрым и приветливым. Это был его стиль, известный еще со школы («Дядя Степа утром рано быстро вскакивал с дивана...»), но что-то в этом стиле «бодрого и веселого» было выше моего понимания.

Вот и сейчас он поднялся, встал перед собравшимися, помолчал, показывая паузой и глазами, что он всех нас очень любит и уважает, и хорошо все понимает, и затем сказал какую-то незапоминающуюся речь, закончив ее предложением всем нам жить дружно и не ссориться между собой.

— Ведь делить вам, в сущности, нечего, — сказал он, протянув к нам ладонью вверх руку. — Помиритесь, и все образуется.

Вслед за ним поднялся повар. «Этому-то чего?» — с удивлением подумал я.

— Я тут выступаю от обслуживающего персонала, — сообщил он последнюю новость. — Мы все возмущены поступком хулигана Артамонова, нарушавшего покой и порядок во время сна. Да еще с перочинным ножом. Мы это, значит, возмущены. И считаем... Да, мы это так все считаем, — в его голосе, к моему удивлению, появился необходимый для данного места «металл», — что он, хулиган Артамонов, заслуживает справедливого наказания. Как мы обсуждали этот вопрос с начальником лагеря Остапом Петровичем, так мы... То мы... В общем, и мы согласны, чтобы исключить Артамонова из лагеря. Да, и чтоб не забыть сообщить в институт, — спохватившись добавил он, опустившись было на свой привилегированный стул, но вскочив торопливо снова после того, как сидевшие тихо и аккуратно в чистых белых халатиках, прямо и неподвижно, ручки на коленях — ну точь-в-точь как статуэтки египетских кошечек — сотрудницы «обслуживающего персонала», дружно явившиеся на чужое собрание, вдруг задвигались и стали дергать его и что-то лихорадочно нашептывать.

— И вообще, — повара, похоже, понесло, — в этом поступке, может, есть что-то еще. Может, даже...

В передних рядах вдруг раздался девчачий визг, заглушивший речь повара, и затем несколько рук вытолкали оттуда Жору.

— Уйди, дурак! — моя знакомая «конопуха» с одной растрепанной косой колотила его по спине.

Повар, еще не досказавший до конца свою прокурорскую речь, хлопал глазами.

— Уходи же, дурак! — громко повторил кто-то, обращаясь откуда-то из темноты, очевидно, к Жоре. Кто-то засмеялся, но тут же осекся.

Предложения об исключении Артамона из лагеря, которое было бы высказано Остапом, однако, не было. Видимо, повар все это время продумывал порученное ему «выступление от народа» и немного поспешил, пропустив мимо ушей начальственную речь. Но еще опасней было последнее, «инициативное» предложение из кухни — передать дело в институт.

Остап, словно налитый свинцом, сидел не шелохнувшись. Можно было представить, о чем он сейчас думает, глядя на повара. Находившийся рядом с Остапом на сцене деревянной площадки-театра, где развертывался весь этот «героический» спектакль с попавшим в плен незадачливым «врагом народа», представитель комитета комсомола начал хмурить брови, похоже, тоже начиная что-то соображать. Молчание затягивалось.

Сбоку, длинный как жердь, стоял «подсудимый Артамонов», опустив голову с рыжеватым чубом и держа руку за руку. Кажется, он совсем не собирался оправдываться. Я поднялся.

— Я хочу заявить, что тоже участвовал в этом «деле», — сказал я Остапу.

В наступившей тотчас тишине собравшиеся все как один повернули головы к нашему последнему ряду. Но вокруг уже поднялись мои товарищи, тоже не желавшие прятаться за Артамона.

Собрание было быстро закрыто «для выяснения новых обстоятельств», и мы разошлись по своим палаткам. Из присутствовавших на нем таким исходом больше всех мог быть доволен комсорг, который лишний раз убедился в мудрости философии никогда не падающей духом власти: «все образуется».

Пришедший последним в палатку Артамон не отходил от двери-занавески и что-то высматривал через щелочку снаружи.

— Готовсь! — Он поднял правую руку. — Все вместе. Во весь голос. Не бойся. Будем «грустить».

Как стало известно из разразившегося затем скандала, после нашего ухода работники питания, задержавшись еще на некоторое время в «театре», продолжили обсуждение непонятно почему куда-то «не туда» повернувшего собрания. О чем они там говорили, надо честно признать, осталось неизвестным, но только когда они, наконец, поднялись и с опечаленными лицами начали расходиться по своим тараканьим норам, Артамон опустил свою руку.

— Э-эх, ... твою мать!

Натренированный им потихоньку «на случай» за целый месяц лагерной жизни теперь уже «мужской хор», с надрывом, громко, как из стоящего криво на заросшей мохом крыше радиорубки алюминиевого репродуктора, похожего на склонившую в зеленой траве головку-цветок лесную фиалку, выражая искреннее сочувствие несчастным пострадавшим, выдохнул эти самые грустные — они же молитвенные и спасающие — слова на свете.

Возмущению услышавшего этот плач приставленного к супам из свиной тушенки кухонного персонала, кажется, не было предела. Тут же кто-то побежал к начальнику, и началось выяснение: из какой палатки они были облиты «этой гнусной брашью»? Но ни в одной из палаток никто не признавался. В нашей тоже.

Однако поскольку «это» слышали все, а значит, кто-то в этом все-таки был замешан, то и было объявлено, что ругавшиеся — трусы. Заявляя об этом, начальник лагеря, выстроивший всех на «линейку», почему-то смотрел на Артамона.

«Ну признайся, Артамонов, — говорила вся его грузноватая фигура. — И я тебя выгоню из лагеря».

Зато все будет честно.

Но на Остапа, как написано в одной известной книжке, только глядели чистые голубые глаза.

— Ребята, я поймал его! Пошли бить! — В палатку влетел запыхавшийся Жора.

Кого это ты, мальчик-с-пальчик, можешь поймать?

Но он лишь таинственно махал рукой, сияя улыбкой до ушей. Мы нехотя пошли за ним.

Действительно, из леса неслись вопли и звуки отчаянного стука по дереву, как если бы кто-то очнулся под крышкой гроба.

Тропинка, на которую тащил нас Жора, подпрыгивая от нетерпения, вела в лес, в сторону сортира, и я уже все понимал. Жора выследил «там» своего обидчика с совиными глазами и запер чем-то дверь. Это «чем-то» мы скоро увидели — упертую в дверь крепкую жердину, срезанную им в лесу.

Мы подходили к «клетке с г... м и совами», как обозвал ее наш «птицелов», и звуки прекратились: видимо, пленница-сова увидела в щель свою надвигающуюся гибель.

Но тут у нас за спиной раздался знакомый начальственный голос, торжественно объявивший, что «это опять они».

— Пардон! — Артамон услужливо открыл клетку и отступил, перегородив тропинку жердиной. Вышедшая из сортира «сова» по-орлиному гордо прошла мимо. И упала. Остап орал.

После обеда тренер сказал нам, что двое футболистов, включая «сову», по приказанию Остапа тайно покинули лагерь.

— А жаль, что вы их так и не отлупили, — добавил он. — Вас можно понять, но не надо было всем об этом рассказывать.

В палатке, узнав о новости, приуныли.

— А может, догоним? — Борька, посмотрев на часы, подал заставившую нас встать мысль. — Вот только по какой дороге они пошли?

Через несколько минут два небольших отряда, по четыре человека в каждом, незаметно выскользнули из лагеря и направились бегом в двух направлениях. Я пошел с теми, кто решил проверить дорогу на электричку.

Сначала попытка казалась почти безнадежной. Мы выбежали в поле, и впереди на целый километр не было видно ни души. Они могли уйти слишком далеко или пойти другой дорогой, на автобус или же через лес. Мы продолжали бежать.

Миновали Средниково, разогнав по пути раскудахтавшихся кур, и, когда поворачивали на спуск к мосту, увидели впереди две фигурки с чемоданчиками. Это были они.

Теперь спешить было незачем, и мы перешли на спокойный

бег. Сзади просигналил грузовик, и мы отошли в сторону, уступая дорогу. Обернувшись на шум мотора, они увидели нас и все поняли. Неожиданно, побросав чемоданчики в кузов проезжавшей мимо машины, они запрыгнули в нее на ходу сами.

Это было ловко придумано, но это была их ошибка. Мы увеличили скорость вдвое и, пока грузовик перебирался по бревенчатому мосту и затем, тяжело гудя, медленно поднимался в гору, легко обошли его и первыми выбежали на ровную дорогу. Остановились у обочины и стали ждать.

Машина выбралась наконец наверх, и шофер начал переключать скорость. Я помахал ему рукой. Машина остановилась.

«Зайцы» не ожидали такого оборота и теперь испуганно и злобно глядели из-за борта.

— Слезай!

Они попрыгали, держа в руках свои чемоданчики. И тут вдруг стало понятно, что сейчас произойдет. Но изменить что-либо в предстоящей отвратительной «казни» было уже невозможно.

Парень попробовал было защищаться, попытавшись первым нанести удар ногой. Но он, по-видимому, не относился к тем, кто бьет и с лета, и из любого положения. И пока он «решительно» размахивался, два удара швырнули его сначала в одну, а потом в другую стороны. Он выронил чемоданчик и в это время получил еще один удар — по круглому глазу, сваливший его на землю.

Его боевой товарищ, размером разве что с певчую канарейку, второй участник не совсем удавшегося побега, стоял рядом растерянный и бледный и так и не решился вступить за командира.

Мы оставили их и, свернув с дороги, спустились к речке, чтобы остынуть и смыть в ее холодной воде чужую кровь.

* * *

Утром, поднявшись задолго до подъема и еще до рассвета, я тихо оделся и вышел. Сегодня был день отъезда, и я пошел попрощаться к Черному озеру.

Уже приближалась осень, и повсюду были ее первые признаки: гонимые ветром пожелтевшие листья на застывшей воде и промозглая сырость опустившегося тумана. То появляясь, то

исчезая вновь в невидимых облаках, в небе, как символ одиночества и тоски, висела яркая утренняя звезда.

Мысли перенесли меня к тому далекому дню, когда я свободный и такой счастливый шел по дороге в лагерь, а впереди была близкая, но еще не известная лагерная жизнь.

И вот она уже позади.

Как все-таки то, что происходит с нами, потом оказывается и сложнее, но и как-то *неинтереснее* того, о чем мы мечтаем.

Серый тусклый рассвет незаметно погасил таинственную и мрачную картину ночи, и вот уже солнечный луч, прорвавшись сквозь облака, залил все вокруг холодным золотом света. Желтое скошенное поле на том берегу и мелкая рябь на черной воде, заросли колышущегося под ветром тростника на краю болота...

Я старался всмотреться в эту дикую красоту и, прикоснувшись, запомнить *навечно* холодную свежесть озерной воды.

Почему-то мне вспомнился тот неяркий сиреневый цветок на длинной ножке, который тогда, по дороге в лагерь, я не стал срывать. Интересно, он тоже знает об этом?

Я тихонько погладил веточку... И вдруг *что-то* словно напомнило мне, что я живу, что время идет. Что я все равно — люблю...

Вернувшись в палатку, я лег не раздеваясь. Чувство тоски, нахлынувшее на озере, казалось, способно раздавить. Я понимал, что спасти меня может только *время*. И вот оно идет, идет... Но иногда не хочется жить.

Я достал коричневую клеенчатую тетрадь и попытался уйти в ней в тот иной мир, где все «надуманно», но где — придумывая — я находил в это время единственное спасение:

*Может, завтра нас не будет,
Может, кто-нибудь другой
Позовет и все забудет,
Будет петь тебе одной.*

*Пой струна, звени гитара,
Про надежду и любовь
Расскажи мне в песне старой,
Уведи меня тоской*

*За звездою голубою,
В лунном свете над водой
Нас свяжи одной судьбою.
Нет надежды? Никакой?*

.....
*Нет печали, нет разлуки,
Нет начала и конца.
Расчертив огнем, звезда
Протянула в небе руки —*

*Никуда. Одна вода
От нее засеребрилась.
Снова тьма. И снова мгла.
И тоска волной разлилась,*

*Заблудилась, набежала,
Расплескалась в камышах.
Взмах крыла. Чья тень пропала?
Месяц вышел в облаках.*

*Он всю ночь в тумане бродит
Безнадежно желтым светом.
Что он ищет? Не находит?
Даль светла. Но нет рассвета.*

*Ни тоски, ни тайной муки,
Ни надежды, ни креста.
Гаснет пламя, стынут руки,
Тихо катится слеза.*

Все было ясно и горько. Я прекрасно видел совершенную ошибку — там, у озера, когда мы разыскивали дорогу муравьев, — которая оборвала *неизвестное* теперь уже продолжение моей жизни. Но может, это и есть моя настоящая судьба?

Ведь я же *не спешил* с решением и не чувствую растерянности неудачника. А если так, то — мне можно надеяться на что-то *еще* лучшее? И все действительно правильно: мне просто-напросто еще рано жениться?

Наверное, именно так. Но в этом правильном решении было чего-то необыкновенно жаль.

Вошел дежурный преподаватель и объявил подъем.

— Это что, в честь закрытия нас не будят «а-я-мальчиком»? Или, может, началась война? — спросили его.

— Не потому, — усмехнулся он. — Просто вчера радисту раскололи пластинки. Сразу все. Ядром, — добавил он. И ушел.

Артамон тотчас полез под раскладушку.

— А ведь правда, братцы, ядра-то нет.

Мы повскакивали и пошли смотреть домик радиста. Нет, окно было целое, видимо, «те» сумели проникнуть внутрь. На пороге сидел радист, отвернувшись и глядя в сторону леса.

— Разбили? — участливо обратились к нему.

— Ядро я не отдам! — вдруг со злостью заявил он.

— А мы соберем собрание.

Он не отвечал, храня достоинство человека, призванного защищать на доверенном ему посту общественную собственность (оказавшуюся разбитой). И по его суровому и просветленному взгляду можно было увидеть и понять, что в скромности и смирении он исполнит до конца свой гражданский долг и, не жалея жизни, отомстит врагам (когда их поймают).

Через полчаса к нему пришли снова:

— Меняем ядро на репродуктор.

Он прямо-таки задохнулся от бешенства, остановив на нас свой горящий взгляд. Мы ему улыбнулись.

Однако сейчас и козе с рогами вместе с комсоргом могло быть понятно, что ему надо сдаваться. А значит, и всем, кто был хотя и пониже комсорга, но, разумеется, выше козы (с рогами), — тоже.

С поднятой высоко головой, как капитан на мостике не спустившего военного флага погружающегося в пучину, погибающего корабля, он все же открыл пискнувшую дверь и выкатил ногой восьмикилограммовое «пушечное» ядро. Так же молча ему показали пальцем на крышу. Репродуктор был на своем месте.

После завтрака, разобрав порыжевшие от времени, солнца и дождей наши армейские палатки, мы покидали лагерь.

Мне передали записку от повара. Прочитав нацарапанные на оберточной бумаге замысловатые в изложении теперь уже

бывшего друга-повара, похоже, побывавшего на втором свидании с «опупевшей» дамой, известные народные выражения, хорошо понятные каждому интеллигентному человеку даже в написании дирижера (композитор не получился) над компотом и котлетами, я спросил: а где он? Ему бы очень подошел сейчас «задумчивый и томный взгляд».

Но мне ответили, что он уехал на машине и сегодня, судя по всему, уже не вернется.

«И к лучшему!» — подумалось мне.

К тому же, еще раскрашивая носы, мне удалось подметить, что судьба не любит повторяться более чем дважды.

А маэстро-повар, похоже, уже израсходовал предназначенный им их общей судьбой-кашицей второй — после «совы» — запас (на долгий и печальный взгляд).

Иначе бы дух непременно проколол ему колесо.

Впрочем, не только злости, но даже самого простого интереса к нему почему-то не было.

Что же получается? Мы деремся с мелкими сошками, а надо, как нас учили всегда, — сражаться с большими?

В этом и заключается смысл человеческой жизни?

— «Взгрустнем», что ли? — предложил Артамон на прощание.

Мы присели по старому обычаю и, выждав время и «прочувствовав момент», вздохнули хором, с расстановками:

— Эх,!

Выйдя из лагеря, мы свернули на дорогу, по которой бегали на тренировках. Когда дошли до оврага, я остановился и посмотрел вокруг. Церквушка. Старый вяз во дворе. Речка внизу. Я понимал, что уже не вернусь сюда никогда.

1971 год

Эпилог

РЯБИНА КРАСНАЯ

Январь 1995 года. Перед поездкой автора в ЦЕРН (Женева), где им будет предложен метод «сжатия времени».

Прошло без малого сорок лет. Изю всех тех, с кем мы встречались в спортивном лагере, в дальнейшем жизнь свела меня только с одним — баскетболистом Валерием. «Этим длинным болваном», который в эстафете упал с лодки. И стал тонуть.

В 1970-х годах, занимаясь проблемой распознавания изображений в задачах физики высоких энергий, авиации и других, я пришел к выводам о существовании *числовых характеристик красоты* и *чисел управления*, отображающих ориентиры «истинного пути» (предопределяющих победы для одних и трудности для других, излишне полагающихся на силу ума). И использовал это для снижения затрат на создание программного обеспечения (на порядок и больше).

На этом пути мной было затронуто проявление «русского духа» с его загадочными уходами в мир *настроений*, ведущими Россию, когда в этом «таинственном» мире присутствовало возвышенное и красивое, по дорогам побед. И показаны особенности создания этим духом во 2-й мировой войне русского боевого оружия — танка Т-34 с его могучей длинноствольной пушкой, пробивавшей броню немецких танков с недоступного для них расстояния, и другого (оружия).

Но полученные выводы вступали в противоречие с «философией» нашего заидеологизированного общества, ибо поднимали на обсуждение запрещенный тогда вопрос о существовании в Природе *управляющего начала*. А потому мне («талантливому инженеру») позволялось использовать это только в решении собственных частных задач.

Тогда мы с Валерием и создали научную лабораторию, которая просуществовала на деньги заказчиков — от авиации и разработчиков космических систем — до начала 1990-х годов,

когда науку в России стали просто разрушать. Правда, уже безо всякой идеологии.

Столкнувшись с этими житейскими трудностями, Валерий-Весы, способный все здраво взвесить и оценить, сумел перестроиться и, умудрившись пройти в действительные члены какой-то загадочной новой академии, стал проректором одного известного университета.

Наверное, я не очень ошибусь, если предположу, что бывшие наши лагерные противники — футболисты сегодня руководят страной. Ибо власть получают те, кто ее очень хочет. А повар работает директором захудалого ресторана или же мелким мафиози, и у него, как и прежде, есть «все, что надо». Радист, скорее всего, застрял в каком-нибудь телеателе. И ему по ночам снятся пушечные ядра.

Написав в 1971 году по свежим еще следам основу этой повести, я поехал на Черное озеро. А еще через двадцать лет, когда нам было предложено при поддержке Президиума Академии наук СССР разменять (частично) науку на бизнес, построил недалеко от него свой дом. Как потом оказалось — рядом с главным «футболистом» страны.

Бизнес был не сложнее науки, и я, не успев еще разобраться в происходящем, замахнулся на строительство в этом прекраснейшем месте Подмосковья даже не на дом, а на целую «научную деревню».

Но пришли «новые русские», и мои идеи, реализованные на этом этапе в досках и брусьях, «уплыли» под дулами пистолетов на соседние «стройки века». Заинтересовавшись происхождением мызной архитектуры которых, русский человек из близкого уже XXI века сможет догадаться, что в наше время наука была все же несколько возвышеннее, чем сменивший ее бизнес. И что у владельцев коттеджей-мыз с узенькими пирамидками на месте обычной крыши — по замечанию Вольтера, жившего в Фернее во Франции или перелетавшего в Женеву, когда счастье изменяло, — «это» было «надолго».

И я не стал горевать. А вычислив первого, наградил его черной меткой «четвертого члена» бригады и улетел за птицей-счастьем в Женеву. На озеро со светлой, прозрачной водой.

Журавль летит высоко

Счастье может быть разным. Но я, как и написано на роду всем Овнам, как шел, опустив на врага боевые рога, так и иду все в одном и том же — где рядом хохот, проволока и собаки — «безумном и бессмысленном» направлении. И совсем недавно, перед поездкой в научный ядерный центр в Женеве, услышав по радио песню «Конфеты, бараночки...», взял свою семиструнную гитару и из разных песен сложил новую, использовав для вошедших в нее есенинских слов придуманную еще в студенческие времена мелодию:

Эх вы, сани! А кони, кони! (Есенин)
Видно, черт вас на землю принес.
В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Бараночки, медовы прянички, (Автор)
По снегу саночки летят, летят.
Конфеты, фантики, мелькают бантики,
А санки катятся, их не догнать.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи, (Есенин)
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Бараночки, медовы прянички,
По снегу саночки летят, летят.
Конфеты, фантики, мелькают бантики,
А санки катятся, их не догнать.

Но и все же душа не остыла, (Есенин)
Так приятны ей снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

Бараночки, медовы прянички,
По снегу саночки летят, летят.
Конфеты, фантики, мелькают бантики,
А санки катятся, их не догнать.

Стаканчики граненые (Б. Прозоровский)
Упали со стола, (из репертуара Петра Лещенко)
Упали и разбились,
Разбилась жизнь моя.

Баранки, бараночки, медовые прянички,
Летящие саночки — мне их не догнать.
Рябина красная, судьба несчастная,
Куда ты катишься, мне не понять.

Сочинив последнюю строчку, я подошел к окну. За окном текла Волга. А я уезжал. И мне вспомнился Артамон, а следом пришли те «самые грустные» слова на свете — для повтора окончания песни.

На это совпадение во времени можно было бы не обращать внимания, если бы совсем недавно, и опять же по радио, я не услышал, что Пушкин заметил: «Бывают странные совпадения...»

Однако, как скептически высказался Валерий, сумевший поймать высоко летящего журавля, — в жизни можно найти все, что тебе угодно. И искусственно нанизать на нить.

Можно, конечно. Но можно и — потянуть за ниточку? И чуточку приоткрыть скрипучую дверь.

А в щелочку, как известно, пролезть может только то, что очень хочет. И, накушавшись любопытства, обратно вылезти уже не может.

Авторская мелодия для есенинских слов:

Эх вы, сани! А кони, кони!

Фа, ми бемоль, ре бемоль, до, си бемоль (нижнее), ля бемоль (верхнее), соль бемоль, фа, си бемоль.

Видно, черт вас на землю принес.

Си бемоль, до, ре бемоль, до, си бемоль, си бемоль (верхнее), до (верхнее), си бемоль (верхнее), фа.

В заливчатском степном разгоне

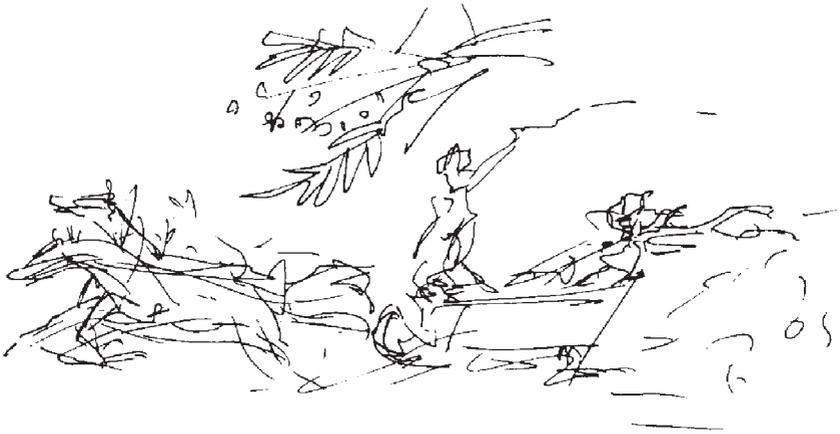
Ля бекар (верхнее), си бемоль (верхнее), до (верхнее), си бемоль (верхнее), соль бемоль, ми бемоль, до (нижнее), соль бемоль, фа,

Колокольчик хохочет до слез.

Фа, фа, ми бекар, до (нижнее), до (нижнее), ми бемоль, ре бемоль, фа (нижнее), си бемоль.

1995 год

.....

Числовые характеристики красоты и числа управления

(Из книги, изданной в 1996 году. На пути к методу сжатия времени.)

В процессе начатых два десятка лет назад [в 1970-х годах] исследований я пришел к мысли о том, что при создании экспериментальных установок (трековых камер, бортовых самописцев и других) человек на последнем этапе работ, связанном с доводкой установки, что занимает 2/3 затрат времени, руководствуется не анализом эффективности ее дальнейшего применения (как об этом обычно думают), а исключительно *эстетическим* восприятием на интуитивном уровне законченности выполняемых работ. Когда он (разработчик), ставя последнюю точку, обычно говорит: «Ну что ж, как будто все выглядит (кажется) уже неплохо...». Именно «выглядит» или «кажется». И именно «неплохо» – то есть как бы «уже красиво». При этом что-то всегда остается недоделанным. [Что окажется ловушкой для «самых умных».]

В частности, на изображениях ядерных событий с трековой камеры, с которыми мы работали, «недоделанной» информации (из-за неустранимых помех и слабой контрастности отдельных треков – следов ядерных частиц) оказалось около 30 %. А внутри этих 30 % можно было выделить 5–10 % как «очень сложную» часть. [И так это будет устойчиво всегда и везде.]

Наличие до 10 % очень сложного на снимках с трековых камер и привело к появлению в 1968 году (в США) системы «человек–компьютер». Но никто до меня не задал еще одного вопроса: а правильно ли проводить границу разделения функций человека и компьютера там, где все это делают, – на переходе к последней, очень сложной, части информации? Нет ли в этой комбинации чисел, описывающих состояние *нравящегося* человеку сочетания различных степеней простого и сложного [включая среднее между ними – его типично около 20 %], другой – более эффективной – границы разделения?

[Оказалось, что такая граница есть. Если не переходить границу между простой информацией и средней сложности, оставляя для обработки человеку не 10 %, а все 30 %, то затраты на разработку программы распознавания снижаются сразу *на два порядка!* Так я пришел к таким понятиям как «числовые характеристики красоты» и связанные с возрастанием сложности на два порядка «числа управления». Управления победами для одних и трудностями для других, излишне полагающихся на силу ума. Эти коварные ловушки для заносчивого интеллекта: пылающая чужим светом в действительности холодная планета и едва различимый истинный свет далекой звезды...]

Эти результаты были получены в июне 1973 года. А в декабре я написал:

«Сейчас, когда пишутся эти строки, на улице, за окном, зима. Декабрь. И когда еще будет весна?..

Солнце в декабре появляется редко, но в эти редкие дни небо бывает удивительно голубым, и по нему – стремительные – несутся белые облака.

Кто я и что я? Во всем ли я прав? Этого я до конца не знаю.

Но когда я вижу это низкое солнце или же голубое небо, то я знаю, что так же прямо могу смотреть и в *другие* глаза...»

Куда идет развитие Вселенной?

КАФЕ «ЛА КЛЕМАН»

Женева, 27 марта 2004 года

Кафе «La Clemence»* на старой площади Женевы Бург-де-Фур открыто уже в половине восьмого утра. И ходить в него надо именно в это время: тогда оно заполнено не скучающими туристами, этими манекенами человеческой жизни, а живыми людьми.

Вчера, в день моего рождения — 27 марта, — я пришел в него в начале девятого. Это небольшое помещение, разделенное стойкой бара на левую половину с четырьмя маленькими круглыми столиками и правую — с семью. Два столика в глубине правой половины отделены деревянным барьерчиком, создавая “отдельную комнату”. Из этой комнаты легче наблюдать: ты в ней как бы спрятался, и на тебя в ней никто не смотрит. Видеть из нее, правда, можно только свою половину кафе.

В баре всегда работают двое, это или мальчики, или девочки. В этот раз работали две девочки-конфетки, молоденькие, не сказать что красивые, тоненькие, в джинсах и белых кофточках в обтяжку. Одна стоит на кассе и исполняет приготовление заказов, у нее вид капризной недотроги. Другая бегает между столиками, подавая заказы и убирая посуду. У этой темные волосы заколоты в хвостик нехитрой прищепкой и карие глаза. Я заказал кофе и намазанный вишневым конфитюром (вареньем) хлеб.

За соседним столиком в “моей” комнате две юные женевочки, у одной нос сбоку проколот бусинкой, уткнулись в “девчачий” разговор. Я им не нужен, они мне тоже. К тому же рассматривать ближних соседей неправильно.

Из пяти столиков по ту сторону от барьерчика заняты четыре.

* La Clemence» — так, женским именем назывался главный колокол собора St.-Pierre. Около трехсот лет назад колокол упал и разбился.

Три стола были не интересны: влюбленная парочка, одинаковая во всем мире, и два скучных типа, каждый за своим отдельным столиком, пьют кофе и читают утренние газеты. Один лет под сорок, в очках, с уже поседевшим, слегка смятым бобриком волос, другой не старше тридцати, неопрятный, с распущенными вьющимися волосами-космами. Одеты все в темное и неброское. Никаких пиджаков, у всех — куртки.

Но вот у входа! За столиком сидела дива лет двадцати трех, высокая, со взбитыми распущенными до локтей каштановыми волосами, в серого цвета свитере с широким откидным воротом, в прекрасно сшитых и расклешенных слегка, темных брюках модного “тряпичного” вида и в примитивных, с виду грубых черных ботинках на подошве-протекторе. Сзади на подоконнике лежала огромная мотоциклетная каска-шлем.

Дива лениво листала журнал, не выпрямляя правую вздыбленную половину, что наводило на мысль, что она его вовсе и не читает, и курила тонкую сигарету, изящно держа ее длинными пальцами левой руки. Перед журналом на круглом столике расположились: стеклянная пепельница, связка ключей с красным брелком, пачка сигарет с зажигалкой и мобильный телефон. Один раз она куда-то позвонила. Растянула ворот, спустив свитер на целую ладонь, и обнажила прекрасные плечи. Можно было сойти с ума: вот это ведьма! Почесала голову. Потом еще...

К моим двум женовочкам пришел молодой парень. Огромный, хорошо сложенный, он снял куртку и залез с трудом на круглый же стульчик в тесноте между нашими столиками.

Мне позвонила по мобильному телефону Людмила и сказала, что обслуживающий в Дубне мою машину механик предлагает в мое отсутствие пройти техосмотр. Мне не хотелось говорить по-русски в кафе, привлекая к себе внимание, и я отвечал односложно: да или нет, сказал, что сейчас перезвоню. Расплатился с кареглазой барменшей и стал выбираться из-за столика, большой, в темной куртке и с французской, в клеточку, кепкой в руке, напоминающий в чем-то Жана Габена в фильме “Отверженные”. Молодой парень, пришедший к двум женовочкам и сидевший ко мне спиной, повернулся и приветливо улыбнулся: «Ова, месье!».

Проходя мимо дивы-ведьмы, я смотрел вниз. На полу у ее ног лежал длинный матерчатый, с рисунком в крупную клетку ящик-футляр, в котором могли быть либо скрипка, либо ружье.

Куда идет развитие Вселенной?

Из кафе я поехал на своем «мерседесе», которому через год будет уже четверть века, в парк над рекой Арвой, где она сливается с Роной.

Это место я считал своим еще с 1969 года, когда первый раз попал в Женеву во время научной командировки на полгода в ЦЕРН. Здесь 1 января 1970 года я отметил начало нового десятилетия, в котором через три года мне предстояло открыть метод сжатия времени. Предчувствовал ли я это? Конкретно — нет. Но тот день и покрытую изморозью поникшую зеленую траву на большой наклонной поляне почему-то хорошо помню.

Встреча Нового Года прошла для нас, представителей советской науки в ЦЕРНе — тогда нас было всего 15 человек, — в Миссии СССР при ООН. Делалось это не добровольно, а «по рекомендации». Пришли все.

Нам был отведен дальний стол в зале у самого входа. Сели. К нам подошел какой-то невзрачный мужичек и спросил: «Физики?». Мы ответили утвердительно.

«Половина из вас должна перейти за другой стол», — сказал он. После этого за наш стол сели семь женщин, как потом оказалось, все незамужние и взявшие обязательство не выходить замуж во время работы в Женеве...

А два года назад относительно настоящего времени, то есть 2004 года, я почему-то снова вернулся к стихам «Баранки, бараночки...». И было сочинено как бы их завершение:

*Светлый месяц растаял в тумане,
В ясном небе заря занялась,
Тройкой коней запряженных в сани
Прозвенела судьба, пронеслась...*

Тогда, в 2002 году, я еще не знал, что в ЦЕРНе только что была завершена работа по переносу в полном объеме комплекса

AIS-систем, подход к созданию которых был заимствован из американского проекта «Аполлон».

Но в 1986 году, когда в ЦЕРНе разворачивали эти работы после ознакомления с американскими разработками, для ЦЕРНа одна из систем раскрыта не была. Это была система контроля за выполненной стоимостью — в ЦЕРНе она будет названа EVM (Earned Value Manager).

О системе EVM как об очень эффективном средстве управления выполнением сложных проектов в ЦЕРНе стало известно только тогда, когда, в свою очередь, американцам «слили» наш русский метод сжатия времени. А толчком послужила обнаруженная в 2000 году потеря около 600 миллионов долларов при изготовлении магнитов для Большого адронного коллайдера. Тогда EVM была разработана и внедрена с применением метода сжатия времени всего за год.

Мне об этом станет известно лишь в 2004 году. Таким образом получилось, что уже к 2002 году задача создания для ЦЕРНа полноценного комплекса AIS-систем была завершена. Тем самым была выполнена в полном объеме и моя задача по внедрению моего метода в ЦЕРНе. Не оттого ли и появились последние строки стиха? Узнать об этом не дано.

* * *

Когда на нас нисходит поэтическое настроение, то не означает ли это, что с нами этим способом «разговаривает» *что-то над нами*? Отмечая как прошедшее — пример с системой EVM, так и будущее — здесь я говорю про странное настроение от воспоминаний о покрытой изморозью поникшей траве на поляне в парке над Арвой?

Все такие — поэтические — настроения *не случайны*? Но что тогда означает только что написанная зарисовка про кафе на площади Бург-де-Фур? Мне можно ждать чего-то?

А ведь я и в самом деле жду...

Месяц с небольшим назад, в феврале этого 2004 года, я по рекомендации моего друга профессора-философа Владимира Ивановича Аршинова как-то вдруг выкроил время и поехал в один магазин на улице Покровка с философским уклоном. И попал

там на презентацию книги Иегуды Берга «Сила Каббалы». Постоял, послушал и что-то сказал в самом конце.

«Останьтесь, пожалуйста», — предложил мне ведущий презентацию. — И купите книгу». Предложил мне придти на открытие через несколько дней центра по изучению этого древнего учения. Как выяснилось из книги, ему от 4000 до 5000 лет. То есть оно появилось примерно за 1000 лет до пророка Моисея, создавшего Пятикнижие Ветхого Завета.

Из прочтения книги, представляющей ортодоксальное (древнее) направление в кабалистике — а есть еще научное направление, начало которому положено во II веке н.э., — в мой арсенал «правил» по управлению сжатием времени вошли две важнейшие информационные идеи.

Первая, которую я привожу здесь в моей интерпретации: **не верить ни единому слову**. Это самое восхитительное из всего, что мне известно. Только моя интерпретация поиска Бога-Красоты в православии может быть сравнена с этим: **не делать ничего, что можно не делать**.

Вторая заключалась в утверждении, что за всю историю человечества было задано лишь два вопроса: **почему и как?**

Почему так устроен наш мир? — И дан ответ: потому что таким его устроил Единый надо всем Бог. Из этого ответа родились Ветхий Завет, Новый Завет и Коран.

Как устроен наш мир задал вопрос грек Пифагор в VI веке до н.э. Так появились наука и философия.

Прочтя об этом в книге «Сила Каббалы», я тотчас издал новый вариант своей книги «Время и Красота» (2004 год), где сообщил, что в написанной мной и изданной в 1997 году книге «Москва — старинный город» (2-е издание) мной были названы *по какому-то снизошедшему на меня настроению* не два, а три фундаментальных вопроса: *почему* так устроен мир, *как* он устроен и *куда* идет развитие Вселенной?

Получалось, что я наряду с оставшимся неизвестным жрецом в Древнем Египте (по другой версии — в Вавилоне), как об этом сказано в книге «Сила Каббалы», и Пифагором задал еще один — третий — фундаментальный вопрос?

Предположить такое было даже страшно. Вместе с тем

я отчетливо помню о том снизошедшем на меня каком-то легком настроении, когда в апреле 1997 года писался этот текст из десятка строк — про *почему, как и куда*. Те, кто читал мою книгу «Москва...», тоже отмечали это место.

К тому же с выходом моей книги в свет на меня начались растущие гонения в научной среде. Всё, как положено...

Через неделю я представил мою «модернизированную» книгу «Время и Красота» на презентации центра изучения Каббалы. И сделал заявление о том, что мной развито это учение. Чем поверг ведущего, иммигрировавшего из СССР в Америку еще в 1983 году русского еврея Бориса Ш., если не в прострацию, то — не знаю во что. После чего он, имея американский паспорт, приехал со мной в марте 2004 года в ЦЕРН, и ему подтвердили, что связанный с ответом на вопрос *куда идет развитие Вселенной* (что позволило нам создать антропокосмическую модель Вселенной, с Богом и человеком) метод сжатия времени работает на практике.

Чтобы не сойти с ума, Борис попросил меня помочь ему совершить иудейский обряд *миква*.

Обряд *миква* заключается в 10-кратном погружении в воду, так, чтобы вода была сверху и снизу. Я отвез его на берег Роны, и он разделся догола.

«Что вы делаете? — смутился я. — Ведь в десяти шагах по дороге ездят автомобили. Вас голого все видят».

«Вы, Владимир, не знаете нашего обряда миква. Кроме вас меня сейчас не видит никто».

Потом он нырнул десять раз в ледяную воду, заверив, что и это сейчас совершенно не опасно. Оделся. Мы зашли в придорожный ресторанчик, и он выпил какое-то гнусное американское виски — сказал, что это напоминает ему его первые тяжелые годы иммиграции в Америку.

На следующий день он улетел в Лос-Анжелес.

Через месяц он вернулся в Россию, и я узнал от него, что в Америке меня с моими «претензиями» на дальнейшее развитие «святого учения» признавать отказываются. Разговор был по телефону. Встречаться со мной он не захотел.

Портрет автора

Художник — Владимир Маслов (1997)

Летом 1997 года мой друг кимрский художник Петр Савельевич Гусев познакомил меня с непохожим ни на кого и самым интересным художником Верхней Волги Владимиром Владимировичем Масловым. Художник и его жена Наталья Алексеевна живут в Белом Городке — рабочем поселке на берегу Волги, примерно в сорока километрах ниже по течению от города Дубны, в котором расположен наш Объединенный институт ядерных исследований, и в двадцати — от Кимр.

Простой деревенский дом поселкового типа, прямо на берегу реки. Дорожка, ведущая к калитке через заросли сирени. Есть вода и газ — и это все от достижений современной цивилизации.

«Как вам нравятся мои картины?» — сразу приступил к выяснению наших отношений Маслов. «Вы — гений», — ответил я. «Ты слышишь, Наташа? Умного человека сразу видно, — отреагировал на мою критику художник. — Я тоже вижу вас, Владимир. Мне непременно хочется написать ваш портрет. Я изображу на нем не вас, а ваш дух. Вот увидите, это будет необыкновенный портрет». Я приехал к нему в середине декабря, в солнечный морозный день, и пока пил чай, болтая о том о сём с Натальей Алексеевной, кстати, пишущей и печатающейся в провинциальных журналах (есть такие журналы, яркие и живые), ставшая биографом мужа-художника, — мой портрет был готов. Выставленный в мае следующего, 1998 года в Большом театре, когда его художественным руководителем был знаменитый в наше время болеро Владимир Васильев, тоже художник и поклонник таланта В.В. Маслова, он (портрет) был затем преподнесен мне в качестве подарка. На самом деле я не такой. Но ведь и В.В. писал не меня. 1997-й год был третьим годом триумфального применения в ЦЕРНе разработанного автором метода сжатия времени, которому посвящена эта книга. В этом же году вышло 2-е издание книги автора «Москва — старинный город», где был задан вопрос: *куда* идет развитие Вселенной? И дан ответ — по пути поисков *красоты*. И дано его обоснование: направлением развития к Красоте (слово Красота с большой буквы появилось в более поздних книгах автора) управляет *русский дух*. Как оказалось, такие высказывания автора были восприняты как «несвоевременные», что привело к смешному — отстранению автора от руководства научными работами. Но на защиту автора встали помощник генерального директора ЦЕРН Николас Кульберг (напомню — он из старинного русского рода Голенищевых-Кутузовых) и вице-директор ОИЯИ Алексей Сисакян (сын одного из основателей отечественной космонавтики академика Нораира Мартиросовича Сисакяна). Что, однако, еще не означало — признание научно-философских идей автора. Так, уже в 2008 году академик А.Н. Сисакян, утверждая наш проект «АIS-технологии и международное сотрудничество», представленный в Президиум РАН, дал «совет»: если я захочу рассказать о своей философии, то надо дожидаться сумерек, задернуть шторы, зажечь свечу, налить и — шепотом...

В это же время, в марте 2004 года, когда на меня нашло поэтическое настроение и я описал под его влиянием поход в кафе на площади Бург-де-Фур, в адрес дирекции ЦЕРНа был подан донос. Обвинение состояло в том, что мы с Николасом Кульбергом создали фонд, в который должны были сбрасывать из зарплат понемногу все, кого мы устраивали на работу в ЦЕРН. Нам это позволяло решать множество разных проблем, связанных с пребыванием русских специалистов за границей. Но не всем из сидевших за компьютером это нравилось. Все остальное считалось ими ерундой.

Меня вызвал для объяснения Джон Фергюсон, начальник нашего IT-отдела, и после объяснения с моей стороны предложил мне стать его другом. Спросил: «Что я хочу?».

Я предложил создать совместно научно-образовательный центр по подготовке элитных кадров по AIS-технологиям. И мы сегодня близки здесь к успеху. Одним из шагов на этом пути стала защита Джоном докторской диссертации в Московском инженерно-физическом институте.

А все началось со снизошедшего в 2004 году настроения.

Случайности и судьба

5 июля 2015 года. Воскресенье. Возвращаясь к событиям 2004 года, приведенным выше, зададим такой вопрос: что было бы, если бы я не пошел в тот февральский день в магазин на улице Покровке, и что было бы, если бы не было доноса на меня в марте? А также — что было бы, если бы последствия по ним пошли по другим сценариям?

По первому вопросу:

- в моем арсенале не появилось бы самой аристократической мысли — о свободе духа: не верить ни единому слову;

- я бы не узнал, что задал, похоже, третий фундаментальный вопрос в пространстве иудео-христианско-исламской культуры с Единым Богом: куда идет развитие Вселенной? И тогда не ответил бы — к Красоте;

- наконец, если бы меня пригласили (и я бы принял это предложение) раствориться в ортодоксально-каббалистической

среде в американском Лос-Анжелесе, то вместо этой книги с ее *духом свободы* наверняка появился бы очередной профессорский трактат на какую-то заданную кем-то тему.

По второму вопросу:

- Джон Фергюсон (ЦЕРН) не стал бы моим другом, без чего он не стал бы российским доктором технических наук, защитив диссертацию в 2008 году в МИФИ;

- мы бы не смогли поднять такую уникальную тему, как создание географически распределенного международного университета на основе сотрудничества ОИЯИ и ЦЕРН;

- я бы не получил организованного Джоном целого ряда писем поддержки моей деятельности в ЦЕРНе, включая письмо от руководителя проекта «Большой адронный коллайдер» доктора Лина Эванса (Lyn Evans) и от генерального директора ЦЕРНа профессора Рольфа-Дитера Хойера (R.-D. Heuer) соответственно в 2008 и 2012 годах; а без этого мой метод сжатия времени в 10 и более раз мог бы никогда не дойти до руководства в России — сейчас я жду здесь ответ.

В связи с этим возникает сумасшедший вопрос — о роли случайных примитивов: неужели через подобное может измениться развитие целой цивилизации? Что там было еще?

Быть может, самым интересным в наших исследованиях проявления эффекта нелинейности времени и связанного с этим эффектом метода сжатия времени является создание антропокосмической модели Вселенной. Что было бы едва ли возможно, если бы мы с Николасом Кульбергом не стали сотрудничать с Институтом философии РАН в Москве. Это важнейшее событие в моей жизни случилось в 1999 году, и так же по воле случая. То есть как бы без меня.

Но у него была своя предыстория. В 1997 году мы с Николасом провели в Женеве первый семинар-школу по информационным технологиям для российской молодежи. На школе выступил с лекцией соавтор созданной в ЦЕРНе в 1989 году «мировой паутины» World Wide Web Роберт Кайо (Robert Cailliau). Мы с ним познакомились и подружились. Даже пытались решить совместно задачу — можно ли дух поселить в Интернете? Опусти здесь эту интереснейшую тему, описанную в других моих

книгах, а расскажу о том, ранее не описанном, что относится к данной книге.

В октябре 1999 года я организовал приезд Роберта Кайо в Московский университет, чтобы сделать его, мировую знаменитость, профессором. Тут же к этой теме прилипли разные «человечки», которыми кишит наша жизнь, и эта моя инициатива оказалась загубленной. Но на этой волне Роберта пригласили выступить перед представителями правительства Москвы. Там что-то не склеилось. Правда, было предложено переговорить кое с кем в Кремле. Для этого в конце ноября в Москву прилетел в качестве официального представителя от дирекции ЦЕРНа Николас Кульберг.

Но в Кремле в это время начался какой-то коррупционный скандал, и нам в качестве компенсации было предложено познакомиться с директором Института философии РАН академиком Вячеславом Семёновичем Стёпиным.

И здесь произошло случайное смешное.

У Стёпина сломалась служебная машина, и ко мне обратились с просьбой — приехать в Москву из Дубны на моей «субару», чтобы довести его с квартиры на Ленинском проспекте в ИФ РАН на Волхонке. Это была какая-то глупость: у организатора встречи была своя машина в Москве, да и не было проблемы взять такси. Но *что-то* заставило меня выполнить эту нелепую просьбу. Как окажется — к лучшему.

Мы с Николасом приехали к дому Стёпина. Вышел высокий худощавый мужчина в подчеркнуто консервативном длинном пальто, сразу видно — академик. Мы вышли ему навстречу, поздоровались (не представляясь — как-то сразу почувствовалась дистанция, когда «лезть вперед» не полагается). Сели, Стёпин рядом со мной, Николас сзади, поехали.

Разговор странный — о выпавшем первом снеге, о чем-то еще столь же бессмысленном для переговоров о сотрудничестве, ради чего мы встречаемся. Когда приехали, Стёпин вышел, а я пообещал придти к нему через несколько минут, когда запаркую машину в переулке.

«А вам не надо», — сказал Вячеслав Семёнович и ушел. Я потерял дар речи. А потом взорвался: !

«Слушайте, Владимир, — сказал более опытный Николас, — надо все же прийти к нему. А там посмотрим. Возможно, он из-за нашей одежды (у него была скромная куртка и шапочка на голове) не понял, что мы и есть его гости».

Когда секретарша открыла дверь в роскошный кабинет Вячеслава Семёновича и пригласила нас войти, он, встречая нас тут же у порога, чуть не упал. Начались извинения, перешедшие в смех, чай и коньяк. Во время этой, ставшей тотчас дружественной атмосферы, я предложил В.С. мою книгу «Москва — старинный город» (1997), где мной уже был задан вопрос: куда идет развитие Вселенной?

Через два месяца, в феврале 2000 года, Николас Кульберг снова появился со мной в кабинете Стёпина и привез ему приглашение в ЦЕРН. (Он приедет в мае, чтобы спросить Джеймса Пурвиса: правда ли, что русский метод сжатия времени в 10 раз — работает? И получит ответ: да, работает.)

Тогда же мне будет сказано, что моя книга прочитана и что я очень интересен. Более того, он уже ссылаясь на меня в своих выступлениях, рассказывая об оригинальном взгляде на русское боевое оружие во 2-й мировой войне.

Но про вопрос «куда» не было сказано ни слова. Это так и останется «за бортом»: на самом деле В.С. только слегка просмотрел мою книгу, задержавшись на разделе с интригующим названием (о мистике русского оружия победы), а я для него так и останусь «не философом».

При том что мне его философские идеи (а я читаю его книги) видятся только как предшественники того, что создано мной при участии другого профессора-философа из ИФ РАН — Владимира Ивановича Аршинова, которому В.С. поручил в январе 2001 года сотрудничать со мной.

И снова я задаю вопрос: а если бы я отказался от того, чтобы обслужить доставку В.С. Стёпина от его квартиры до ИФ РАН, для чего пришлось перегонять мою машину на расстояние в 130 километров? Почему я, всегда такой неуступчивый в вопросах чести, согласился?

Я что-то предчувствовал? По воспоминаниям — да.

Однако это не было чем-то конкретным — здесь я говорю о создании позже с В.И. Аршиновым антропокосмической модели Вселенной. Что наводит меня сейчас на размышления на еще одну, совсем интересную для меня, тему.

А именно: может ли человек в науке (также в философии и других своих творениях) сделать свою жизнь ориентированной на ожидание *случайностей*? Надеюсь и веря в то, что на этом пути он не только будет успешен в жизни, но даже достигнет чего-то большего, чем если бы он все планировал и упорно добивался бы намеченного его разумом?

Не этим ли и различаются русские и немцы? Причем я, как русский, за подход с ориентации на роль случайностей. Однако это не значит, что я что-то говорю против немцев.

Это две взаимно дополняющие культуры, что нашло отражение в нашей антропокосмической модели Вселенной. Русская культура — загадочная и потому более интересная.

Загадка русской культуры

Загадочность русской культуры и связанная с ней загадка русской души основаны на двух только ей (по сочетанию) принадлежащих отличительных особенностей в мировой культуре:

- устремленность к Красоте;
- русский космизм.

Этим наша культура не исчерпывается. Есть еще «дух русского коллективизма» — соборность.

Космизм и соборность разделяют нас на два лагеря.

Запад, начитавшийся книг Достоевского, воспринимает нас только как носителей соборности. А русский космизм и составляет загадку русской души.

Чтобы разобраться во всем этом, надо понимать суть православия, которому 1500 лет, и знать основные вехи в нашей 1000-летней русской истории.

Но на самом деле этого тоже мало. Нельзя нашу историю оторвать от событий в мировой истории хотя бы за последние 5000 лет. Где прослеживаются проявления закономерностей, приводящих к выводу о том, что человек — это лишь «инструмент» в руках *живых* таинственных вселенских сил.

Этот вывод, который требует пояснения — возможно, оно будет приведено в этой книге (пока пишущий этот текст не знает, какой у нее будет объем), — однако, позволяет сделать главное заявление в научно-философской системе по обоснованию природы управления сжатием времени.

А именно — о том, что процесс творчества разделен между человеком и *чем-то над ним*. Причем человек в этом процессе является не главным.

Дадим некоторые пояснения.

1. **Устремленность к Красоте.** В основе православной культуры, сложившейся в IV—V веках, лежит «отрицательный» (апофатический — *по-греч.*) подход к поискам Бога: надо отбросить все, что Богом являться не может.

Тогда останется как самое главное таинственная Красота. Здесь говорится не о слове *красота*, а именно о Красоте с большой буквы, как о ней говорил Платон. Что это такое, не является ли это Мировым Духом (Георг Гегель) в женской ипостаси понятия о Боге (культура иудаизма) или же человечество сможет проникнуть в эту тайну со временем еще глубже, ответить я не могу. Однако человеку дано стремиться к поискам *красоты* в процессе творчества. Причем исключительно в русской православной культуре такие поиски обладают особым качеством — космизма. Что означает именно устремленность к *красоте* во вселенском понятии. Это сложно объяснить не принадлежащим к русской культуре, но самое простое пояснение дать можно: во всех других культурах мы находим только устремленность к *красивому*.

В переносе этих «гуманитарных» достижений человеческого интеллекта («апофатического» поиска Бога) в научные разработки, когда мы на пути применения метода сжатия времени предлагаем *в начале* создавать в кратчайшие сроки пригодное к применению (эксплуатации) «ядро» разрабатываемой системы на основе поиска *красоты*, это получило такую трактовку: *не делать ничего, что можно не делать*.

2. **Русский космизм.** Из того, что здесь называется арсеналом «правил» на пути применения метода сжатия времени, самым

важным при поиске *красоты* (в космическом восприятии) является «правило»: *не верить ни единому слову*.

Только ты, личность-бог, и Бог. И никого между вами. Это имеет название *синергия* («совместное с Ним делание»).

Этому «правилу» от 4000 до 5000 лет. Оно является «краеугольным камнем» в учении Каббала, из которого вышли монотеистические культуры иудаизма, христианства и ислама.

Искать и находить *красоту* при выполнении научных разработок аналитическим путем невозможно (на чем горят немцы и другие представители протестантской культуры), она — нисходит. В виде настроения. При этом требуется абсолютная чистота восприятия нисходящего настроения.

А поскольку наши накопленные человечеством знания все время где-то да грешат, то и требуется «не верить ни единому слову».

Так, примером здесь может служить наука кибернетика. По определению (Норберт Винер, 1940-е годы) это наука об управлении и связях в технике и живых организмах. Однако никто не знает — что такое живой организм. Так как же можно было соединить в одной науке несоединимое? И на этом додуматься до «искусственного интеллекта», что погубило карьеры тысяч молодых жизней в XX столетии.

Это на этом понимании нелепости, заложенной Винером в его «науку», автор этой книги создал 2 (включая лучшую в мире) из всего 7 созданных в мире сканирующих систем для прецизионной обработки фотоизображений. При том что в ~ 200 научных лабораториях в мире не смогли создать ни одной системы, следуя за идеей создания искусственного интеллекта. (Об этом в других книгах автора в Интернете.)

3. И последнее — *русская православная соборность*. Это коллективизм на основе любви к человеку. Очень хорошая сторона в культуре русского народа, позволявшая не раз побеждать в нашей очень нелегкой истории. И — надеяться, как это исключительно важно в настоящее время.

Но истинная (чисто русское слово, у немцев и англичан есть только про «правду») красота русской культуры заключена все же в устремленности к Красоте и в космизме.

При создании антропокосмической модели Вселенной, объясняющей природу проявления эффекта нелинейности времени и основанного на нем метода сжатия времени, мы ввели всего одно новое понятие (в отличие от других философов, создававших свои теории*) – о том, что Красота обладает «массой» (m). До нас этого не говорил никто.

* За время, прошедшее после Пифагора, ни одна теоретическая модель устройства Вселенной не была применена на практике. Мы стали первыми, идя не от теории к практике, а наоборот – от практики (создания метода сжатия времени) к антропокосмической модели Вселенной (с управляемым свыше человеком).

Ближе всего к нашей антропокосмической модели Вселенной находится модель, предложенная немецким философом Георгом Гегелем. Но он, говоря о Мировом Духе как о начале и конечной цели всего сущего во Вселенной, а о человеке – как об исполнителе его «воли», не подметил того, что Природа включает не только мужское начало (на чем построена его философия), но также женское начало. Отсюда его высказывание про «хитрость мирового разума».

Тему русского космизма в нашем смысле космического одиночества, как имеющего место пути свободы духа в русской культуре, отстаивал историк Василий Осипович Ключевский в споре с Ф.М. Достоевским, который видел в русском человеке только соборность (коллективизм).

Слова «русский космизм» в философию ввел Константин Эдуардович Циолковский. Главное в его идее – вселенское назначение человека. Но мне он с его рациональным умом видится как бы русским немцем.

Академик Борис Викторович Раушенбах, сподвижник С.П. Королёва, утверждал про существование логического (человек) и внелогического (вне человека) разума. Считаю главным – так же, как и мы, – в процессе творчества внелогический разум. При этом на лекциях в Московском физико-техническом институте называл себя атеистом.

В наше время XXI века академик Вячеслав Семёнович Стёпин в своих философских трудах говорит о культуре как о надбиологической (вне человека) развивающейся программе управления человеческой деятельностью (включая творчество). Но на опыт религий и его использование ссылаться не решается, тем самым только приоткрыв дверь.

Русская женщина из XIII века*
(к следующей главе)

* Этот и рисунок преподобного Сергия Радонежского (стр. 169) были выполнены художником Петром Савельевичем Гусевым, как это видится, при «уходе» куда-то моей души во время сверхнапряжения (прихватив напряжением и душу Петра), связанного с открытием по предложению из ЦЕРНа руководимого мной Научного центра исследований и разработок информационных систем. Предложение это поступило в августе 1999 года, а открыт он был только 14 июня 2000 года. То есть не за 30 дней после прихода предложения, а через 300. Все было непросто. Почему? Не потому ли, что мной был задан вопрос: *«Куда идет развитие Вселенной?»*. И предложен такой ответ: *«Развитие Вселенной идет в сторону к обладающей «массой» таинственной Красоте»*. Подобное профессора и академики в науке не прощают?..

Часть II

Москва — старинный город

Исход русских во Владимирскую Русь

До XII века на территории Восточной Европы, там где сегодня расположена западная часть России, были два больших государственных славянских центра — Киевская Русь и Великий Новгород. Русской народности, как мы сегодня воспринимаем себя, не было.

Она сложилась вследствие принятия христианства в X веке, исхода руссов из Киева во Владимирские земли в XII веке, открытия в XIII веке связи между Италией и Персией после 4-го Крестового похода (путь по Днепру и Волге), монголо-татарского ига в XIII—XV веках, поисками раздела между соборностью и космизмом в XVI—XVIII веках (царь Иван Грозный, патриарх Никон, император Петр Великий). После чего последовал XIX век — Золотой век русской культуры, признанный третьим «чудом» в истории человечества наряду со взлетом Эллинской культуры в V веке до н.э. и Эпохой Возрождения в Европе в XIV—XVI веках. Время превращения России в могучий СССР в XX веке с его страданиями народа и выдающимися победами еще требует осмысления. Но то, что сегодня мы стоим на пороге нового возрождения России и русской культуры, у автора книги не вызывает сомнения.

Этому посвящена данная книга. Я затрону некоторые ключевые моменты в русской истории.

X—XIII века. Принятие, шаг за шагом, культуры православия в Киевской Руси (начало этого видится с похода выдающегося Вещего Олега на Константинополь в 907 году) привело к замене трех главных Богов языческой Руси, — Сварога (сварганившего мир), Перуна — жестокого Бога войны и Святовита — Бога любви и красоты, на Святую Троицу в христианской культуре. При этом особое влияние оказала замена Перуна на мягкого Иисуса Христа. Это внесло элемент духа свободы (вдохнуло дух творчества) в военную среду, что усилило войско киевских руссов.

(Не могу не привести здесь отрывок из заключенного договора Вещего Олега с греками в 907 году, в редакции Карамзина, показывающий изумительно высокий уровень проявления интеллекта тех, кто его создавал, как характеристику того времени — перехода к христианской культуре:

«... Когда Русин, служащий Царю Христианскому, умрет в Греции, не распорядив своего наследства, и родных с ним не будет, то прислать его имение в Русь к милым близким, а когда сделает распоряжение, то отдать имение наследнику, означенному в духовной».)

И мы видим громкие победы киевлян над врагами в X веке и начале XI, закрепленные официальным крещением в 988 году.

Последняя победа была в 1036 году над хазарами. Врагов больше нет, остались только разбойничьи шайки (вспомним былинку про Соловья-разбойника). В этих условиях интеллект уходит из армии. Наступает взлет культуры в Киевской Руси в последние полтора десятилетия правления великого киевского князя Ярослава Мудрого. Особо отметим «Слово о Законе и Благодати» Илариона. В этом произведении разбирается то, что мы сегодня используем для описания «правил» управления временем «благодатью» (нисходящим настроением).

Но после смерти Ярослава Мудрого (1054) словно из-под земли появляются новые враги — половцы. И начинают громить не имеющую сильной армии и к тому же раздробленную (что характерно для взлета интеллекта) Киевскую Русь.

Самым страшным в этих погромах было унижение чести, когда отряд вооруженных воинов-тюрок приходил в малые населенные пункты и выгонял на ночь мужиков на сеновал.

Но в начале XII века в Киеве появляется выдающийся князь Владимир Мономах, правящий с 1113 по 1125 годы. Половцы при нем притихли, но он знает, что его не очень далекий сын Юрий (в истории — Юрий Долгорукий) линию на подавление половцев выдержать не сможет. И он завещает ему увести из Киевской Руси на север, под защиту лесов и болот, в основанный им город его имени Владимир (1108 год) тех, кому дорога честь.

Этот исход киевских руссов в земли, на которых уже стоял с 1010 года Ярославль и которые станут Владимирской Русью, состоялся при Юрии Долгоруком и его сыне Андрее Боголюбском. В 1156 году для защиты уходивших от тех, кто, крайне раздраженные этим, остался до самого конца защищать Киев, была поставлена деревянная крепость — городок Москва на Боровицком холме над Москвой-рекой.

Этому городку, который окажется после 4-го Крестового похода (1202—1204 годы), когда крестоносцами был взят Константинополь и тем открыт путь в Черное море, местом перевала товаров на торговом пути между Венецией (позже — папской Генуей) и сказочно богатой Персией, со временем предстояло стать столицей нового государства — России и центром русской культуры с ее сохраненными в связи с уходом из Киева честью и свободой (что не делимо).

Именно это стало основой для взлета *особой* русской культуры с ее устремленностью к поисками *красоты*. Что, однако, предполагает всегда задержку во времени по отношению к рождению новых идей — это одно из наших наблюдений исключительной важности. Россия (она ей станет в XV веке) всегда отстает на очередном витке развития цивилизации и культуры, но потом вдруг выходит вперед.

Для нас здесь видится проявление первого «правила» — *не спешить*. Ибо *красота*, управляющая сжатием времени, а с этим — ведущая к победам, создается *вне нас*. При этом требуется дополнительное время после первого рождения той или иной новой идеи — для чего Бог и создал Запад, с его энергией, как появлением мужского начала в Природе. В свою очередь (здесь говорится об энергии), рождаемой из «массы» женской по ее природе Красоты. Что и положено в основу нашей антропокосмической модели Вселенной.

Но вернемся к русской истории. Владимирская Русь в отличие от всеми забытой с этого времени Киевской Руси, разгромленной в 1169 году пришедшим из владимирских земель русским войском, процветает: врагов нет, интеллект уходит из армии. И тут же (это подметил первым философ Бертран Рассел) снова та же напасть — как из-под земли появляются монголо-татары и завоевывают Владимирские земли. Дальше не пошли (за исключением нескольких проб) — по моей версии потому, что вся *красота* оказалась сосредоточенной здесь. А не в покинутом Киеве и не в грамотном Великом Новгороде, чей талант был направлен на торговлю.

Святой князь Александр Невский

Владимирская Русь процветает. А тут еще венецианские купцы, начиная с 1204 года, стали обогащать ее, платя налог-мыт от провозимых через Москву с Мытищами, где шел перевал с одной реки на другую, товаров. Но настал 1237 год, когда Владимир и все его окружение, в том числе и Москва, были захвачены пришедшим на эти земли войском хана Батыея. Владимирская Русь, покорившись, стала выплачивать 10-процентный «выход» от всех своих доходов. Ханы стали также выдавать ярлык русским князьям на управление великим Владимирским княжеством.

Здесь в нашем рассказе появляется имя новгородского князя Александра Невского. Приняв как свершившееся подчинение Руси монголо-татарам, он сумел найти подход к хану Батыею, выступая как защитник одновременно русских и — они же — ордынских земель. Одерживаются победы на Неве над шведами (1240 год) и на льду Чудского озера над немецкими рыцарями (1242 год). Незадолго до смерти в 1156 году хан Батый дает князю Александру право собирать «выход» с русских земель.

Что это давало? А давало это возможность утаивать от ханов часть собираемого мыта, причем, похоже, достаточно большую. А еще важно было то, что об этом в орде не было ничего известно. Что позволяло проводить тайную политику, как экономическую, так и дипломатическую (в основе которой всегда присутствует коррупция) и даже военную.

Об этом наши историки не говорят до сих пор. Но что всем известно, так это загадочное богатство маленькой, устроившейся на Боровицком холме и вокруг него Москвы.

Напротив холма, за рекой, где сейчас улицы Большая и Малая Ордынки, Большая татарская и Толмачёвский переулок, жили ордынцы, которые приходили всегда с этого направления — из южных степей. На этом направлении в 1282 году Даниил Александрович строит церковь и устраивает посад (откуда деньги?), что его сын Иван Данилович Калита (калита — мешок с деньгами) превращает в крепость — Даниловский монастырь. А старший брат Ивана Калиты князь Юрий Московский начинает борьбу за власть (за ярлык на великое Владимирское княжение) с тверскими князьями, используя грязные методы лжи и подкупа

(опять же «соря» деньгами) окружения хана Узбека. Тогда же к Москве прикупаются новые земли — Можайск, Коломна...

Откуда этот «мешок с деньгами»? Наше объяснение — от смотревшего в будущее через терпение (аналог *не спешить*) великого духом князя Александра Невского. Кажется даже, он ползал на коленях перед ханом Батыем, за что можно презирать. Но такова подчас цена за поиск *красоты* на пути к будущей победе.

Опустим рассказ об известном времени борьбы Москвы с Тверью за власть над Владимирской Русью, в которой погибли четыре тверских князя. И в которой, начиная с правления Ивана Калиты (после 1327 года, разгрома Москвой восстания в Твери), Москва стала обладать до конца монголо-татарского ига ярлыком на Владимирское княжение. Пропустим еще двух московских князей и пойдем дальше.

Перейдем ко времени княжения Дмитрия Донского, родившегося в 1350 году и одержавшего великую победу над войском Золотоордынского хана Мамай на Куликовом поле в 1380 году. Это время связано с появлением в русской жизни двух выдающихся духовных служителей — митрополита Алексия I и преподобного Сергия Радонежского.

Преподобный Сергий Радонежский

Через преподобного Сергия Радонежского в культуру русской жизни вошли «осветление души» и взлет космизма.

Первое было связано с призывом к созерцанию Святой Троицы (молитвой перед ее иконой), что вело человека к установлению невидимой прямой связи с Космосом. Это стало тогда, когда была нужна победа над игом, призывом к соборности, объединению народных сил через любовь.

А Святая Троица, — в отличие от образа Иисуса Христа («Не мир я вам принес, но меч», откуда появились как следствие — «Сильные духом молодые звери» и «Всякая истина крива!» у немцев, и прочее), главного «центра» поклонения в христианском мире на Западе, — включает разделение существующих во Вселенной управляющих нами сил на движущих нашей мыслью (мужское начало) и управляющих их направлением к Красоте (проявление женского начала).

1380 год. Преподобный Сергей Радонежский
и московский князь Дмитрий Иванович перед сражением
на Куликовом поле

Красота — это страшная сила, и в русской культуре она привела своим только присутствием в Святой Троице к поклонению в молитвах Богоматери. Женскому началу.

Второе — мы переходим к обсуждению взлета космизма — связано с отказом Сергия от власти: он не захотел принять предложение стать митрополитом. А остался простым монахом — чистым и свободным, что ведет к расцвету таланта.

При его огромном влиянии в народе, чувствующем всегда своим сердцем в тяжелые времена «что есть истина», это стало тем примером, следование духу которого породило великих художников — Андрея Рублева и других и привело к строительству в ближайшие десятилетия трех десятков красивцев-монастырей — Саввино-Сторожевского на реке Сторожке под Звенигородом и других. А также вселило дух свободы в сердца воинов, шедших на битву на Куликовом поле, сделав их сильнее — подобно воинам от Святослава, воспитанного матерью — первой женщиной-христианкой на Руси княгиней Ольгой, до Ярослава Мудрого, громивших хазар. Одним из проявлений этого была засада в лесу сторожевого полка, ударившего в решающий момент битвы. Что стало приведшим к победе красивым решением для того времени, когда победы на поле боя добывались в основном количественным превосходством.

Дух победы на Куликовом поле

В 1957 году в возрасте 19 лет я впервые попал в овраг между городом Сходня и поселком Подрезково, в котором протекает речка Сходня. Нас, спортсменов-лыжников, привезли туда на тренировку — бегать по склонам оврага.

В тот день выпал первый снег. На по-волчьи сильных ногах мы кружились по склонам оврага до самых сумерек, когда в окнах деревянных домов на окраине Сходни стали зажигаться огни. И вдруг мое сердце защемило так, что я понял: мне отсюда не уйти никогда. И через четыре десятка лет, в течение которых дважды снимал там комнату в частных домах, однажды, в 1996 году, я увидел всё... Это было место сбора налога-мыта с провозимых из Италии товаров по пути в Персию, с тайным выходом из речки Сходня через поселок Подрезково в сторону другой речки — Клязьмы, ведущей на восток в сторону реки Ока и затем — Волги.

Это здесь, в Подрезково, собирали деньги, утаиваемые от выплаты в Золотую Орду 10-процентного «выхода», чтобы на них собрать войско для битвы на Куликовом поле.

В своих исследованиях русской истории я чем-то похож на немца Генриха Шлимана, открывшего по наитию место гомеровского города Трои. Меня тоже словно *что-то вело...*

* * *

Вот результаты этих более чем странных исследований, где мне шаг за шагом, и всегда случайно, открывались все новые и новые страницы в течение более полувека.

Повторим нашу гипотезу о том, что с именем князя Александра Невского, получившего от хана Батые право сбора 10-процентного «выхода» от всех доходов Владимирской Руси для передачи его в Орду, связано накопление Москвой тайного богатства. В течение столетия был получен опыт применения этого «экономического оружия» (как его назвали бы сегодня) в борьбе за освобождение от ига.

Но все это было, по-видимому, скорее похоже на игры. Перелом, позволивший поднять оружие на Куликовом поле, наступил с появлением в Москве крымского грека Ховря.

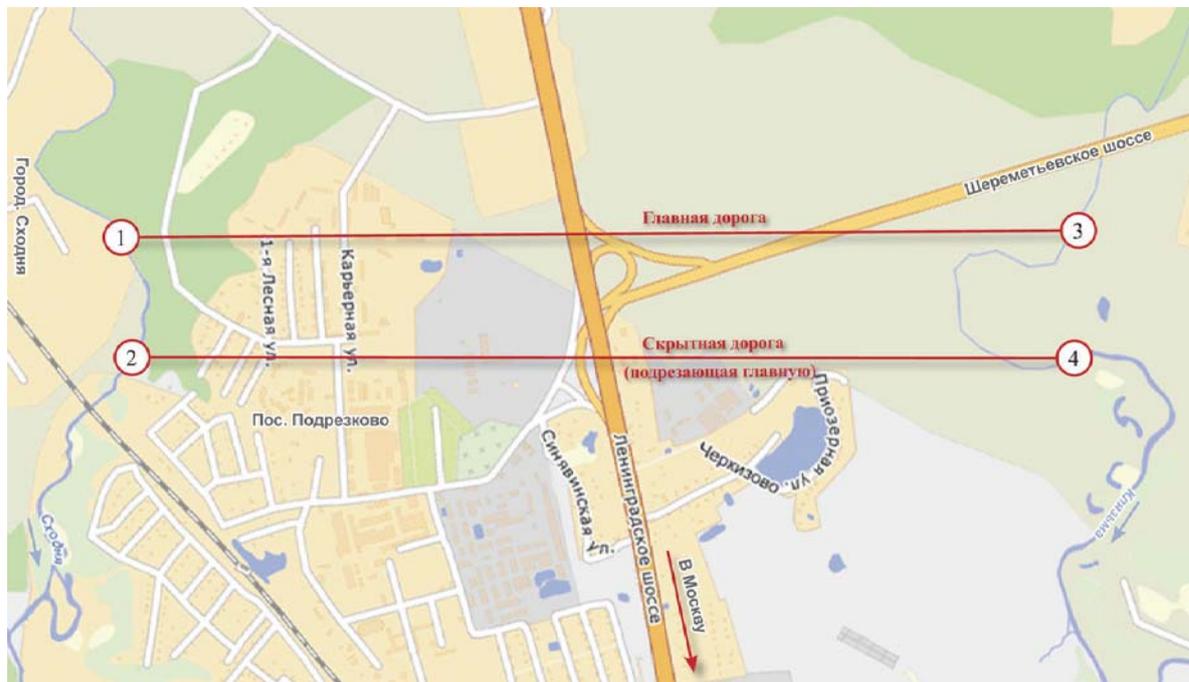
Это произошло в молодые годы московского князя Дмитрия Ивановича (будущего Дмитрия Донского). С появления в окружении князя Дмитрия ловкого в торговых и денежных делах купца-грека Ховри было произведено кардинальное изменение сбора с утаиванием части мыта с провозимых из Италии в Персию товаров.

Если посмотреть на современную карту Московской области, то найдем странное совпадение названий мест на пути из Мытищ на берегу реки Яузы в сторону к речке Клязьме и на пути от Москвы к городу Сходня (и дальше – к Клязьме).

В первом месте есть поселки Подрезово и Ховрино, а во втором — Подрезково и тоже Ховрино. Но путь от Мытищ к речке Клязьме нам известен как изначальный путь перевала товаров из Италии. А потом появился вынесенный дальше, за 20 километров от Москвы, второй вариант пути перевала. По совпадению названий мы сделаем вывод о том, что автором этих экспериментов был Ховря. Зачем? — Это просто.

Река Сходня между городом того же названия (находится слева) и поселком Подрезково. Справа находится невидимый отсюда ручей — место тайного выхода в сторону Подрезкова (фото Юрия Бабича, 2004 год)

Карта местности между реками Сходня и Клязьма. Две линии отражают схематично главную и скрытную дороги (соответственно между точками 1—3 и 2—4)

В районе Мытищ был сделан пробный ход, позволивший проверить идею с утаиванием с помощью объездной (подрезающей главную) дороги и с устройством чего-то вроде постоянного двора на полпути (Ховрино), где можно было задержать посланного для проверки в сторону Клязьмы контролера-ордынца. Угостить его там, а в это время гонец-молодец поскачет в пункт проверки для того, чтобы предупредить и, при необходимости, замести следы.

А перенос этой системы на направление Москва—Сходня был всего лишь созданием более эффективной системы по утаиванию части мыта. По-видимому, оказавшейся весьма эффективной. Даже красивой.

После победы на Куликовом поле прошло еще сто лет прежде чем иго было сброшено окончательно в 1480 году. Тогда, при царе Иване III, сбор мыта был возвращен в более удобные для этого Мытищи. Потомки Ховри так и прижились при царском дворе, один из них стал казначеем. После чего они стали боярами Головиными. В Москве на пути в город Сходню есть два района — Ховрино и Головинский.

* * *

— Хочешь, я покажу тебе, где живет дух победы на Куликовом поле? — спросил я Роберта Кайо (Robert Cailliau), когда у нас оставалось два часа резервного времени перед вылетом его самолета из аэропорта Шереметьево в Женеву.

Роберт Кайо — соавтор созданной в 1989 году в ЦЕРНе Тимом Бернерс-Ли (Tim Berners-Lee) «мировой паутины» — Интернет-системы World Wide Web (WWW). С Робертом меня познакомил Николас Кульберг, помощник генерального директора ЦЕРНа. Осенью 1999 года я организовал приезд Роберта в Москву, имея целью — предложить в МГУ им. М.В. Ломоносова сделать его профессором на пути обсуждавшейся уже в то время у нас с Николасом идеи создания международного географически распределенного научно-образовательного центра с участием в нем ведущих специалистов ЦЕРНа.

С МГУ ничего не вышло (грустная история с «рейдерством»), оставив память только в виде нашей с Кульбергом публикации

в форме ротапринта МГУ «Иррациональное управляющее начало в научных исследованиях и разработках». Где мы затронули тему, позже названную динамическим сжатием времени. Но наша инициатива неожиданно получила развитие в другом направлении. Об этом рассказ.

На вопрос про дух победы на Куликовом поле Роберт ответил согласием, и я повез его на моей японке «субару» в город Сходня. По дороге рассказал ему про систему сбора налога-мыта в Сходне—Подрезково, позволившую победить в Куликовской битве, и предложил ему провести эксперимент с живущим там, в овраге, и в наше время «духом».

— И где же дух? — спросил Роберт, когда мы прошли по неказистой привокзальной площади Сходни (сейчас ее нет, там все застроено в кавказском стиле), купили ему домой наши сувениры — водку и соленую рыбу и стали смотреть на часы: сколько у нас есть еще времени?

Времени было пока что достаточно, и я приступил к эксперименту.

Мы поехали вдоль железной дороги к Т-образному перекрестку. Направо был город Зеленоград, наша «силиконовая долина», налево — усадьба Средниково, связанная с именем поэта Лермонтова.

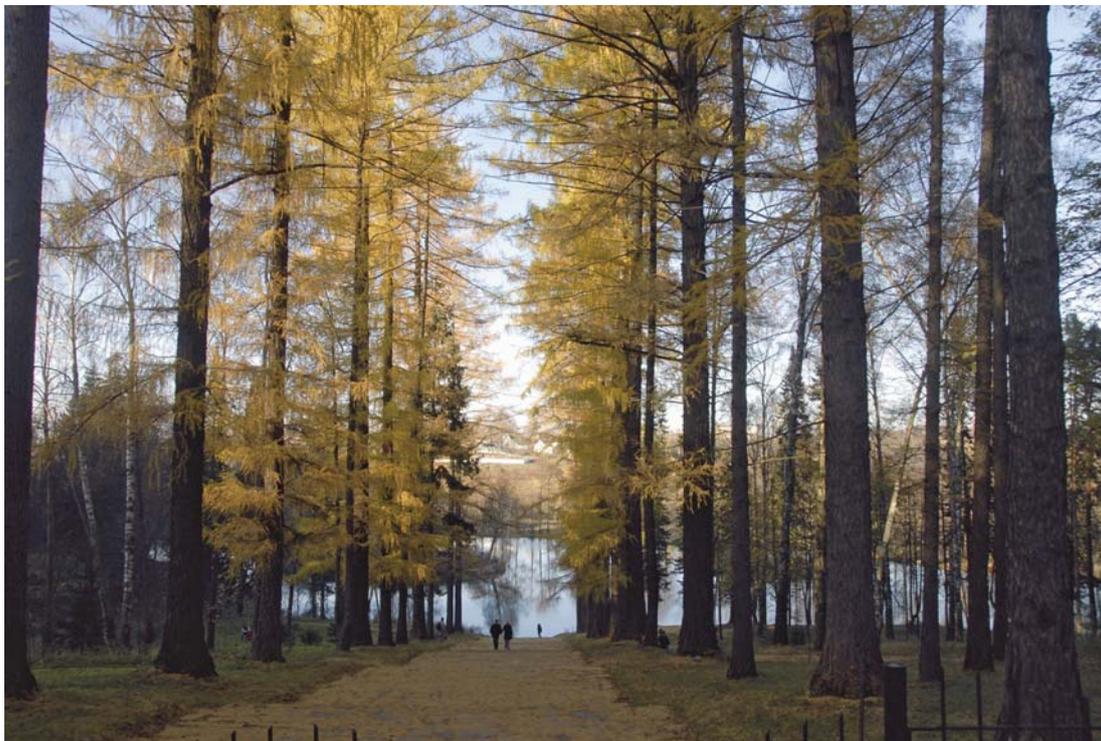
— Дух не показывается, — сказал я ему. — Он проявляется в виде нисходящих на нас настроений. Сейчас ты сделаешь выбор — куда мы поедем, в Зеленоград или к Лермонтову в Средниково. Но на самом деле этот выбор сделаешь не ты, а снизошедший на тебя дух. Он нисходит не всегда и не на всех, но ты человек не простой и мой рассказ был тоже не простой. Мы сейчас «видны». И потому твой выбор, возможно, будет иметь еще и продолжение. Что это будет — мы не знаем.

— К Лермонтову, — без колебаний сказал Роберт.

Мы приехали к усадьбе, расположенной в 4-х километрах от железной дороги Москва-Петербург на холме над речкой Горетовкой с ледяной даже летом водой. Я не был здесь несколько лет и с удивлением увидел, что за это время кто-то отреставрировал усадьбу, обнес ее забором из железных прутьев и закрыл ворота. За воротами был охранник.

Усадьба конца XVIII века «Середниково» — в настоящее время Национальный Лермонтовский центр (фото Льва Шерстенникова, 2011 год)

Усадьба «Середниково». Спуск к озеру и речке Горетовке

Мы пошли вдоль забора и пришли к широкой каменной пандусной лестнице, спускавшейся уступами к озеру, заполненному водой из Горетовки. Остановились и постояли каждый сам по себе, окруженные могучими деревьями и запахами поздней осени.

— Я не хотел бы отсюда уезжать, — неожиданно сказал Роберт

Мы вернулись к железным воротам, чтобы посмотреть сквозь кованные прутья на усадьбу. С той стороны подошла женщина, открыла ворота и сказала:

— Входите!

— Почему? — спросил я.

— Я не знаю, — ответила она.

Нас познакомили с другой женщиной, архитектором, занимавшейся реставрацией усадьбы. Узнав, кто такой Роберт, она сказала, что мне надо обязательно познакомиться с арендатором усадьбы, тоже Лермонтовым Михаилом Юрьевичем, президентом созданного на основе усадьбы Национального Лермонтовского центра. Дала его телефон.

Через месяц, это был конец ноября того 1999 года, к нам из Женевы прилетел Николас Кульберг. Я позвонил Лермонтову, и мы встретились.

А в сентябре следующего, 2000-го года мы с Робертом Кайо (с которым в это время обсуждали тему: можно ли дух поселить в Интернете?) и Николасом Кульбергом провели семинар в Середникове, на котором я познакомился с ректором Московского инженерно-физического института профессором Борисом Николаевичем Оныкий. Так началось наше сотрудничество с МИФИ.

И сегодня мы вместе планируем создать International Research IT Universities Centre, основанный на сотрудничестве ОИЯИ и ЦЕРН при участии МИФИ (НИЯУ «МИФИ»), а Кульберг и Лермонтов выступают лидерами научно-философского клуба «Женева», предназначенного для внедрения метода сжатия времени.

Вел ли нас на этом пути дух победы на Куликовом поле? Так хотелось бы, чтобы это было именно так. Но в это можно разве

что только верить. Наш подход гарантий не дает. Он не детерминистский, а — недетерминистский.

Однако вернемся к русской истории.

Две тысячи лет культуры христианства

Христианство было рождено в I веке н.э. Во II—III веках в нем сложилось представление о Святой Троице — Боге Отце, Боге Сыне и Святом Духе. И принято на состоявшемся в 335 году в Никее первом Вселенском соборе положение (символ веры) о том, что от Бога Отца исходит Святой Дух.

В IV—V веках в христианстве появилось новое направление — православие (Псевдо-Дионисий и другие), основой которого стал апофатический («отрицательный») подход к поискам доказательств существования Божественного управляющего Начала во Вселенной («Божественного Мрака»).

По этому подходу, надо отбросить все, что Богом являться не может. Тогда останутся только необъяснимые слова-понятия — такие как совесть, любовь, настроение, красота. Мы выделяет как главное — красоту и возводим до Красоты.

Ни одно из других названных слов нельзя оторвать от человека, а Красота (Господство в православии) — отрывается. На этом построена наша гипотеза об устройстве Вселенной, в которой человеку отведено место «инструмента» по наращиванию «массы» Красоты как смысла его существования. Для чего ему даны — совесть, любовь и настроения. С помощью которых его душа (в нашей модели человек обладает душой) может погружаться в разлитую во Вселенной — возможно, это «темная материя» — Красоту в поисках *красоты* решений в процессе своей деятельности.

Возможно, это сложные рассуждения. Но без них будет сложно объяснить возникший в 589 году на Толедском соборе спор о «филиокве» (*filioque*) — исходе или не исходе Святого Духа не только от Бога Отца, но также — от Бога Сына. Этот спор, жаркий в VIII веке, приведет в XI веке (1054) к открытому разделению христианского мира на католический с Римом и православный с Константинополем.

В католическом мире признается исход Святого Духа от Бога Сына, причем в виде энергии (как проявление мужского начала),

а в православии — не признается (здесь душа погружается в таинственный «Мрак» Красоты в процессе частных поисков *красоты*).

Приравнивание в католичестве Бога Сына к Богу Отцу (по исходу Святого Духа) сделало Римского папу как представителя на Земле Бога Сына непререкаемым авторитетом, в XIX веке даже был принят трактат о непогрешимости пап. Его слово стало законом. А в православии глава — патриарх оказался по причине «приниженности» Бога Сына только мудрым советником для своих верующих. В результате дух свободы в католичестве оказался подавлен, а в православии — нет. Чем православие и окажется привлекательнее. Но не во всем и не навсегда. Ибо и там, и там были противоречия.

Этими противоречиями оказались: в мужском по духу католичестве — отсутствие требуемой для поиска новых идей (как проявление энергии) той самой свободы, которая оказалась представленной в православии. А в православии, наоборот, — недостаток несвободы как инструмента давления на подчинение *красоте* (женскому началу).

«Исправление» этих противоречий связано с XVI—XVII веками, когда в Западной Европе возникло протестантское движение, главным в котором стал отказ от подчинения Римскому папе, а в представляющей Восточную Европу России пришло время царя Ивана IV Грозного и патриарха Никона. Там и там «коррекция» стоила много крови.

Начиная с XVII века мы ведем отсчет Нового времени, когда стали активно развиваться науки. И это при том, что в пространстве протестантской культуры (северные немцы, англичане, меньше — гугеноты во Франции, а также раскрепощенный север Италии) все же придерживаются самоограничения в свободе духа личным (а не идущим от пап) толкованием слов Библии.

Иная картина в России. Здесь подавление свободы духа, связанное с опричниной Ивана Грозного и церковными реформами Никона, привело к усилению монолитности общества, а это, в свою очередь, позволило усилить военную мощь государства. И оно вышло к берегам Тихого океана.

Но проявленное сопротивление со стороны тех, кого называют старообрядцами (у них нет патриарха, что освобождает дух

и ведет человека-личность к творчеству), наиболее ярким представителем которых стал протопоп Аввакум, сделало русскую культуру уникальной.

Только здесь может быть принят (пусть неявно) древний постулат о свободе духа: *не верить ни единому слову*.

И тогда и только тогда ищется и находится *красота* при выполнении научных разработок по принципу: *не делать ничего, что можно не делать*. Когда остается *красота*.

Для этого гармоничного соединения противоположного в русской жизни требовалось случиться тому, что случилось.

Император Петр Великий и Россия

Его любят и его ругают. Любят в простом народе, ругают борцы за народное счастье — демократы. Одни сердцем, другие — умом. В нашем изложении взглядов на прошедшее время и на то, что мы ждем в будущем — а его мы связываем с обращением человечества к духовности (наш прагматичный путь — это широкое внедрение метода сжатия времени), — связывается с ориентацией на жизнь простого народа.

В юности его другом стал швейцарец Франц Лефорт (в Женеве около русской церкви есть улица имени адмирала Франца ле Форты — приближенного царя Петра Великого). При его участии было «прорублено окно в Европу» — о чем знают или, по крайней мере, наслышаны все. Повзрослев, Петр начинает заниматься тем, чем занимались все другие главы государств в Европе (и не только), — войнами.

Самым ярким в этом начале стало поражение русской армии под Нарвой в 1700 году от армии шведского короля Карла XII. Это было даже не поражение, а разгром.

И это при том, что русская армия с ее выдающимися Семеновским и Преображенским гвардейскими полками была уже организована по типу европейских армий.

Однако тогда ей чего-то не хватало. Чего? Именно на этот вопрос мы попробуем дать ответ.

А заключается он в том, что в русской культуре есть нечто, без привлечения которого победы невозможны. Но и наоборот — при привлечении этого победить Россию нельзя.

Этим «нечто» являются — ничем не ограниченный дух свободы и устремленность к поискам красоты. Что во времена Петра было представлено в старообрядческой среде.

После поражения от шведов Петру рассказали, что у него на Севере есть представленный старообрядцами-беспоповцами (где каждый человек — сам священник, что высвобождает дух), загнанными туда патриархом Никоном и его последователями, очень талантливый русский народ.

И Петр с Александром Меншиковым едет к ним, *свободным духом* старообрядцам Андрею и Семену Денисовым из рода князей Мышецких. После чего у нас создаются заводы в Петрозаводске и Туле. Как результат, в 1709 году, когда Карл XII снова пошел со своей армией в Россию, в сражении под Полтавой у него было 20 пушек, а у Петра — 120. Сила шведов была в штыковой атаке пехоты, но эта атака «нарвалась» на выдвинутые как острие копья редуты из большей части этих 120 пушек. И была расстреляна.

Битва на этом не закончилась. Но последовавшее за первой атакой поражение шведов оказалось таким, что страна не смогла его пережить и, потрясенная, стала играть уже только второстепенные роли в Европе.

Учитывая полученный опыт, Петр Великий приостанавливает, а в 1721 году отменяет существование в Русской православной церкви сана патриарха. Впрочем, отношение Петра к старообрядцам было неровным. Это объяснимо: лидера «играют» его приближенные. А они все вместе не бывают истинными непродажными талантами.

То же повторилось и с императрицей Екатериной II, которая хотела примирить старообрядцев с обществом. Это ей удалось только отчасти, однако постепенно дух свободы проникал все больше в русскую жизнь. И после победы над Наполеоном в 1812 году и прихода русской армии в Париж, когда враги России всюду попритихли, наступило время Золотого века в русской культуре.

Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Чехов, Чайковский, художники (среди них «мои» Василий Polenov с его «Московским двориком» и Исаак Левитан с грандиозной «Над вечным покоем»). И много других.

А потом пришли Сергей Есенин, Александр Блок, поэт революции Владимир Маяковский и другие таланты.

И на этой волне «как из-под земли» (подобно половцам и монголо-татарам в нашей истории) появились ленинцы-большевики. Подтверждая подмеченное: дух свободы ведет сначала к военным победам, затем к расцвету культуры и, после этого, к падению его носителя-государства. Но было ли несчастьем для России ее коммунистическое время?

Изложенное выше как бы смотрит на мир изнутри России. Переходя в заключение ко времени XX и начала XXI веков, мне представляется возможным посмотреть на все происходившее в это время в России в контексте событий, связанных с ней в том глобальном мире, в котором прошла моя довольно большая жизнь. Где самой яркой линией стало мое участие в сотрудничестве с 1969 года с ЦЕРНом в Женеве. Я прожил в ней в общей сложности семь лет.

И мне представляется, что на своем примере я мог бы продемонстрировать место России с высоты охвата Европы и Америки. Сделать это с целью утверждения о том, что предназначением России с нашей русской культурой (с выделением в ней устремленного к поискам *красоты* космизма) является — управление временем во Вселенной.

Так появляется следующий ниже текст.

От танка Т-34 до Большого адронного коллайдера

В книге Гитлера «Майн кампф» («Моя борьба») изложена идея: опираться на поиск в народе талантливых людей и поддерживать их всей мощью государства. Эту идею после начала милитаризации Германии в 1934 году подхватил Сталин и провел в 1935 году первый смотр русского боевого оружия, во время которого выделил 76-мм дивизионную пушку: легкая и мощная. Это шло в ущерб точности стрельбы, но не в главном — в ближнем бою.

Это было сделано просто так, без расчетов. По-русски — как *красивая* идея. К тому же в конструкцию ствола пушки ее создатель Василий Гаврилович Грабин тайно заложил уже тогда двойной запас дорогого легированного металла, что позволяло

простым рассверливанием перевести пушку на еще более мощный калибр — 85-мм снарядов для зенитных орудий.

На этом подходе была создана пушка для танка Т-34 и установлена на нем *подпольно* (вопреки решению военных) в конце июля 1941 года, то есть через месяц после начала Великой Отечественной войны. Появившийся на полях сражений Т-34 просто-напросто расстреливал немецкие танки Т-III и Т-IV с их слабыми «пушечками» с недоступного для них расстояния. А в декабре 1941 года с помощью примерно 670 танков Т-34 и так же подпольно выпущенной в количестве 1000 штук дивизионной 76-мм пушки (будущей ЗИС-3) были остановлены немецкие танки генералов Германа Гота, шедшие по Волоколамскому шоссе, и Эриха Гёпнера — на Пятницком и Ленинградском шоссе. Сталин узнал об этой пушке только 3 января 1942 года и сказал Грабину: «Она спасла Россию!».

А когда к Курской битве (лето 1943 года) немцы сделали мощные танки Т-V «Пантера» и Т-VI «Тигр», то калибр наших пушек был переведен простым рассверливанием их стволов и казенной части на калибр 85 мм. Что свело на нет создание «пантер», а «тигры» и без этого были слишком дорогими и их, правда, страшных было сделано не очень много. (Неудачу с «пантерами» признал «сам» Гудериан.)

Пушки Грабина составили 80 % наших артиллерийских систем в Великой Отечественной войне. Но после смерти Сталина (1953 год) он попал в тяжелое положение из-за конфликта с министром вооружений, отвечавшим также за развитие космической отрасли, Дмитрием Федоровичем Устиновым (тоже артиллеристом по образованию).

Конструкторское бюро Грабина переводят во время войны в Подлипки (сейчас – город Королёв). А потом Устинов подчиняет его Сергею Павловичу Королёву, и в 1959 году Королёв закрывает деятельность Грабина. В том же году (случайное совпадение?) создается группа подготовки космонавтов (Юрий Гагарин, Герман Титов и другие), а 12 апреля 1961 года совершается самый большой успех советской науки в XX веке – полет в космос Гагарина.

В этой истории много не до конца ясного. Так, я лишь теперь

узнал о Михаиле Клавдиевиче Тихонравове, авторе связки ракет в «пучок» и инициаторе запуска в космос простого первого спутника и человека. И не так давно стало известно, что еще в марте 1961 года Президент Соединенных Штатов Джон Кеннеди отклонил предложение о разворачивании программы полета астронавтов на Луну. А уже через две недели после полета Юрия Гагарина сам вернулся к этой идее. И в мае выделил 25 миллиардов долларов на ее реализацию, получившую название программы «Аполлон».

Перед американской наукой и промышленностью была поставлена задача — высадить астронавтов на Луну еще до конца 1960-х годов. Но к 1964 году стало ясно, что выполнить эту задачу в заданные сроки не удастся. И тогда, как стало об этом известно из опубликованного недавно, для поддержки программы «Аполлон» был переведен из ВВС генерал-лейтенант Сэмюэль Филипс, специалист в области создания административных информационных систем. Пришедшие вместе с ним сорок офицеров-программистов создали и внедрили комплекс таких систем, применение которого обеспечило успех с состоявшимся в июле 1969 года полетом американских астронавтов на Луну.

Разработка административных информационных систем, как обеспечивающая при их применении успех при решении высокотехнологичных задач, была сделана закрытой. «Расколоть» американцев удалось только в середине 1980-х годов, когда в ЦЕРНе стали обсуждать идею создания Большого адронного коллайдера. Работы по применению этих технологий были начаты в ЦЕРНе в 1986 году. Но в 1993 году стало ясно, что задача по созданию интегрированного комплекса таких систем (они получили в ЦЕРНе название AIS-систем) не получается.

Тогда администрации ЦЕРНа было предложено применить русский метод сжатия времени.

Идея метода сжатия времени в 10 и более раз, обкатанная мной в 1970 — 1980-х годах на задачах физики высоких энергий и авиации при создании двух сканирующих систем — АЭЛТ-1 (1973 год) и АЭЛТ-2/160 (1980 год), была обсуждена с помощником генерального директора ЦЕРН, ответственным за сотрудничество с Россией и Восточной Европой Николасом

Кульбергом. Результатом стало подписание документа о сотрудничестве между ЦЕРНом и ОИЯИ по направлению AIS-технологий. А в 1995 году программист Джеймс Пурвис (James Purvis) освоил русский метод сжатия времени, и тогда же была успешно создана «по чистому листу бумаги» первая система — контроля финансов. Над созданием этой системы до этого работали четыре года и планировали работать еще два. А она была создана всего за два месяца!

На этой «волне» при ведущем участии Джеймса Пурвиса как разработчика конкретных AIS-систем в ЦЕРНе был создан не имеющий равных в мире интегрированный комплекс AIS-систем, применение которого сделало «прозрачными» работы по построению Большого адронного коллайдера (1996—2009 годы, затраты свыше 5 миллиардов долларов).

В 1999 году Николас Кульберг и автор этой книги организовали сотрудничество с Институтом философии РАН (Москва) в лице его директора академика Вячеслава Семеновича Стёпина и профессора Владимира Ивановича Аршинова. Оба философа неоднократно посещали ЦЕРН (для встреч с Джеймсом Пурвисом и также внесшим вклад в развитие метода сжатия времени русским программистом Ростиславом Титовым). Как один из результатов этого сотрудничества стало появление книги: Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Джеймс Пурвис (James Purvis), Владимир Шкунденков. «Антропокосмическая модель Вселенной». — М.: 2008. — 260 с. (В Интернете.)

Другим результатом сотрудничества с ЦЕРНом стало перенесение разработок AIS-систем в ОИЯИ. Эту задачу мы решаем в сотрудничестве ОИЯИ с университетом НИЯУ «МИФИ» (Москва), Институтом философии РАН (Москва), где создан центр по исследованию проблем конвергенции естественно-научного и социогуманитарного знания (по исследованию метода сжатия времени), и при участии ведущих специалистов ЦЕРНа.

* * *

На этих примерах можно проследить роль, которая выпадала на долю русских, связанную со временем и красотой.

P.S. Разрозненное случайное из наблюдений автора

1. В IV—V веках в христианском мире закладывается основа православия. И в IV же веке в культуре иудаизма запрещается его дальнейшее творческое развитие. С этого времени молодых иудеев учат исключительно знаниям («Закону»), заключенным в Талмуде. Но не развитию творческого мышления на пути к поискам нового неизвестного.

Так иудаизм становится мощным инструментом власти на знаниях, призванным господствовать (см. православную модель Вселенной) над большей частью человечества, чтобы эффективно внедрять найденное *до них* космическими одиночками-первопроходцами — теми, кто призван либо генерировать новые идеи (мужское начало в христианстве, представленное Западом), либо управлять этим поиском в направлении к Красоте (женское начало, где особая роль у русской культуры).

2. В XIII веке в исламском мире, в котором до этого рождались гении, запрещается дальнейшее развитие Корана, основа которого была дана пророком Мухаммадом (около 570—632). Обратившись однажды под *случайным* настроением к текстам Корана в переводе И. Крачковского, стремившегося *сохранить в точности* слова Мухаммада, я *почему-то* знал, что ищу: сочетание мужского и коллективистского начал. И на *случайной* странице в суре «Женщины» прочел: «Если кто заступится хорошим заступничеством, тому будет доля от Него [Аллаха], а кто заступится дурным заступничеством, тому будет тоже доля от Него». А за две страницы до этого обнаружил: «О вы, которые уверовали! Соблюдайте осторожность и выступайте отрядами или выступайте все».

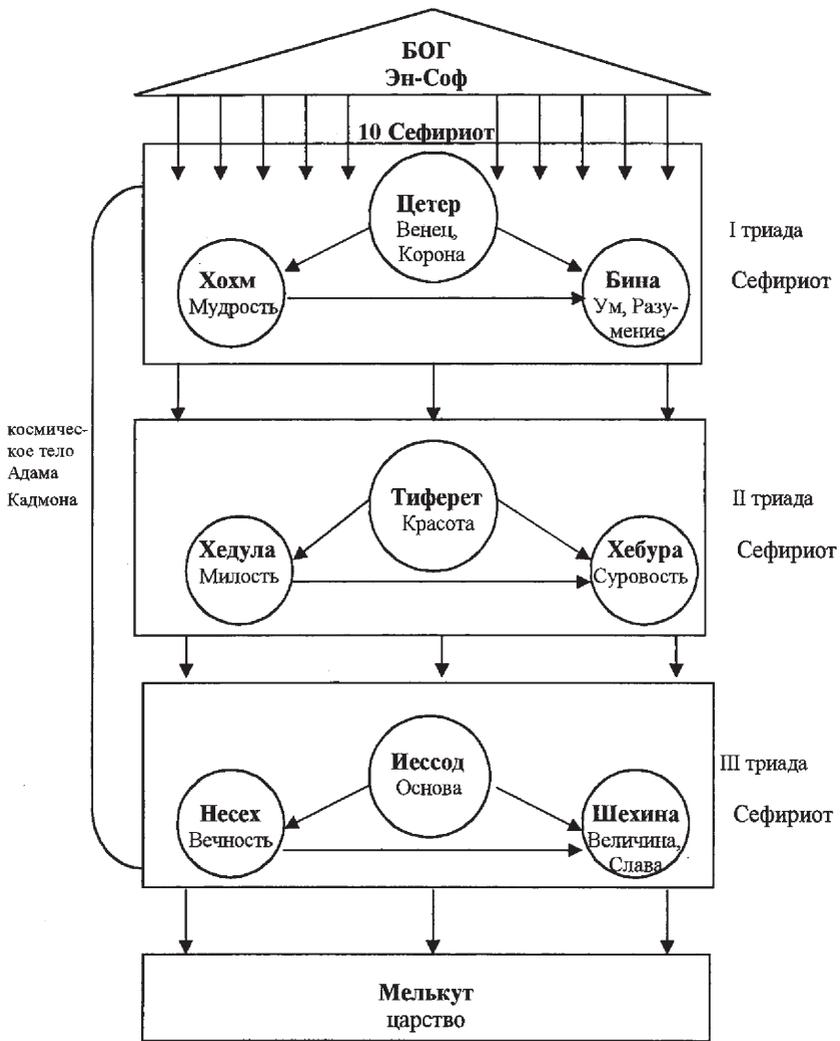
Вот оно! Главное — *движение* (проявление мужского начала), и не важно *куда* (за ответ на это — через поиски *красоты* — во Вселенной отвечает женское начало, загнанное в текстах Корана в дальний угол). И при том — «выступайте *отрядами*». И никакого там «милосердия», как это находим в каббалистической модели Вселенной (см. во второй триаде в этой модели — культуры иудаизма) в отношении талантов.

О чём это говорит? Не означает ли это, что в то время Природа/Бог, как мне это видится, создавала инструмент для воздействия *страданием* на начавшийся складываться в XII веке современный Русский мир с его уникальной женской по природе культурой, устремленной к поискам *красоты*? Находить которую, похоже, без страданий невозможно? Потому и пришли во Владимирскую Русь монголо-татары, будущие исламисты, которых привел сюда в 1237 году могучий хан Батый?

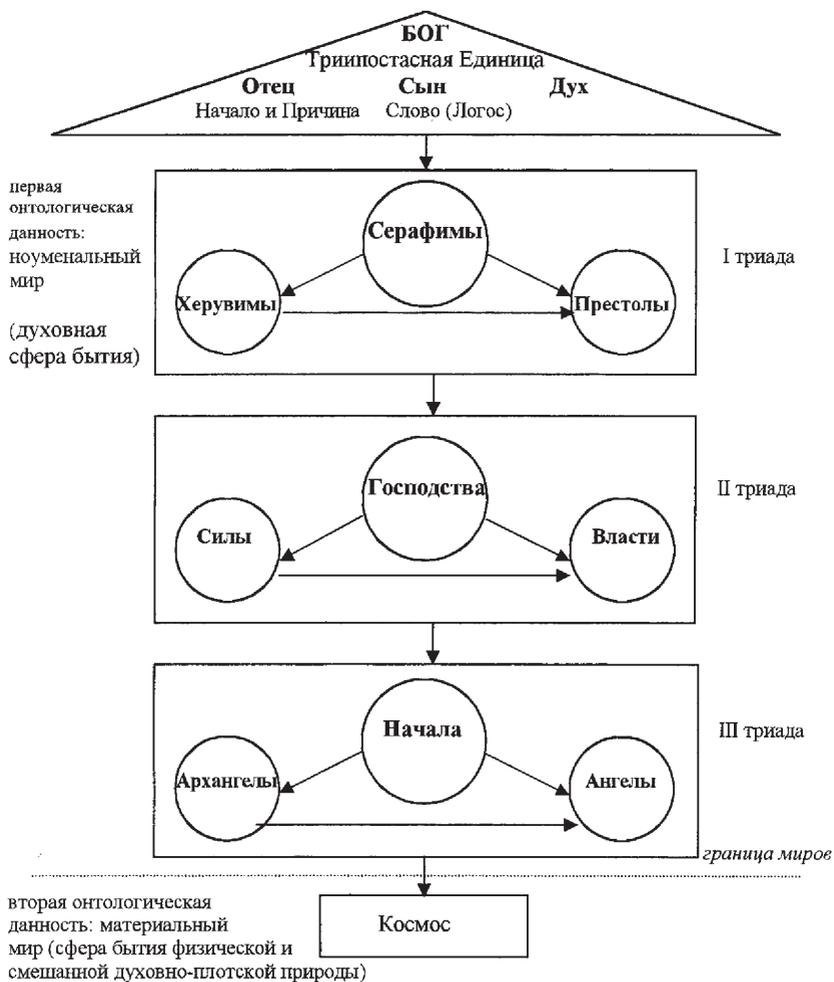
3. Без страданий *красоты* не бывает? Не потому ли был безжалостным Петр Великий, построивший на костях самый прекрасный город в мире? И не страдания ли для русского народа были заложены в революции 1917 года, чтобы гением Сталина *увидеть* это и открыть жестокостью взлёт талантов? Без чего было бы не создать оружия смерти, побед и красоты?..

Часть III

**Антропокосмическая модель
Вселенной**

Структура Каббалистического Универсума

Схематика Универсума по Псевдо-Дионисию

Приведенные выше две схемы Универсума (Вселенной), каббалистическая (древняя ортодоксальная) и православная (Псевдо-Дионисий Ареопагит, V век), в основе совпадают.

Наша антропокосмическая модель Вселенной является развитием заложенного в эти схемы с сохранением главного — их структуры, представленной тремя триадами.

Основным различием между представленными двумя схемами Вселенной является присутствие в православной модели Святой Троицы — как развития более ранней каббалистической схемы. Антропокосмическая модель Вселенной исходит из православной схемы.

При этом, однако, исключительно важным оказалось сопоставление обеих схем при переводе заложенного в них теософского толкования на язык в терминах науки, как путь создания «гуманитарной технологии» управления сжатием времени в научных разработках. Рассмотрим нашу модель.

Первая триада — это то, где «блуждают» первопроходцы. Она начинается в православной модели со слова «Серафимы», что в переводе означает *пламенеющие*. Это можно трактовать как рождение новых идей энергией, нисходящей на человека от Бога Сына (напомним про филиокве в пространстве Западного христианства). Здесь все люди равны.

Эти идеи превращаются в знания (Престолы — в православии, Ум, Разумение — в каббалистической схеме).

Вторая триада начинается со слов «Красота» (кабб.) и «Господства» (прав.). Это исключительной важности место в обеих схемах. Мы его трактуем как «фильтр красоты», отбирающий из накопленных знаний (первая триада) только *красивое*, с превращением отобранного в *господствующее* «начало» над управлением жизнями человечества.

Для этого во второй триаде представлены такие слова как «Суровость» (кабб.) и «Власти» (прав.). Для усиления этой позиции во второй триаде слева представлены «Силы» (прав.) и относящаяся к «избранным» «Милость» (кабб.).

Главенствующая роль во второй триаде принадлежит культуре иудаизма — считающейся избранной от Бога.

Далее идет третья триада, где «расположена» основная часть человечества. На нее спускаются сверху те «Начала» (прав.) как «Основа» (кабб.) масштабного преобразования Вселенной (для чего по нашей модели и создано человечество) в сторону наращивания «массы» Красоты — это то, что мы вносим в наше понимание устройства Вселенной. На приведенных схемах Универсума эти конечные пункты обозначены словами «Царство» (кабб.) и «Космос» (прав.).

Внизу в третьей триаде в роли исполнителей «Основ» («Начал») обозначены представители мужского начала («Ангелы» и «Величина, Слава») и женского («Архангелы» и «Вечность») — из кого в основе и состоит человечество.

В этом описании схем каббалистического и православного представления об Универсуме (Вселенной) сознательно не было рассмотрено левое нижнее крыло первой триады. Оно содержит слова «Херувимы» (прав.) — в переводе «Мудрость» (кабб.). То есть полное совпадение. Это то место в процессе творчества человека при рождении нового слова, в котором ищется *красота* — как участие женского начала.

Именно здесь работает наш метод управления сжатием времени — как инструмент, созданный и развиваемый нами в русской православной культуре. Его задача — уже на этапе рождения новых первопреходческих идей направлять их к Красоте. Для этого требуется реализовать два отдельных этапа — рождения слова и затем управления через поиски красоты для уже рожденного. Разнесенные территориально, как, например, Германия и Россия, эти два этапа, как правило, разнесены и во времени. Их соединение происходит либо через войны, либо (как у нас) — через сотрудничество.

О назначении человека во Вселенной

А зачем все это? В чем смысл человеческой жизни? Ответ находим в культуре православия: смысл жизни лежит вне жизни. В нашей *работающей на практике* модели Вселенной говорится *о наращивании с участием человека «массы» Бога/Красоты.*

Метод сжатия времени

(Материалы из книги: Владимир Шкунденков.
«Человек и Вселенная». — М., 2010. — 60 с.)

В основе метода сжатия времени, позволяющего на практике сокращать затраты времени при выполнении сложных научных разработок (не только научных, метод применим везде) в 10 и более раз лежит требование создания в кратчайшие сроки (ориентация на затраты в 1 % времени) и ввода в эксплуатацию «ядра» создаваемой системы. С последующим наращиванием этого «ядра» в процессе эксплуатации, с учетом получаемого опыта эксплуатации и проверкой результатов на каждом шаге.

Все выглядит как бы очень просто. Но есть одна сложность, от которой зависит конечный уровень достижений как в вопросе сокращения затрат времени, так и в *качестве* выполненной разработки. А именно: «ядро» должно создаваться как *красивое*.

... Но вернемся к методу сжатия времени, согласно которому «ядро» создаваемой системы должно быть *красивым*. Именно это является «камнем преткновения» для [Западных] носителей мужского духа: при создании «красивого ядра» мы применяем «отрицательный» принцип поиска *красивых* решений, сформулированный первыми православными богословами в IV—V веках (главный — Псевдо-Дионисий Ареопагит): при поиске доказательств существования Бога надо отбросить все, что Богом являться не может.

Интерпретируя этот подход к выполнению научных разработок с поисками красоты, мы предлагаем *не делать ничего, что можно не делать*.

Но вот «что можно не делать» — надо искать на пути синергии («совместного с Ним делания»), что уже доступно (и дело отнюдь не в интеллекте) не каждому.

Вот эти «правила»:

- *не спешить* (поговорка «Утро вечера мудренее»), *молча и в сосредоточенности* «держа вожжи» надежды и веры (православный исихазм, сложившийся в XIV веке трудами греческих монахов на Афоне Григория Паламы и других), перекрывая временем (стоицизмом во времени) немецкую, в общем случае — протестантскую, «власть воли»;

- обязательно *начать что-то делать* («Под лежащий камень вода не течет»); а вслед за этим (первая неудача не имеет значения, неудач может быть несколько) искать *красоту*, применяя для погружения в нее острый, как бритва, аристократический прием, найденный жрецами Египта или Вавилона еще за тысячу лет до появления Пятикнижия израильского пророка Моисея (ставшего основой Ветхого Завета): *не верить ни единому слову*;

- *увидеть* «что можно не делать» при создании пригодного к применению «ядра» и потом уже обсчитывать его, а не пытаться, как, например, немцы, просчитывать «все» варианты в поисках «лучшего» (оно же — истинное, считал немец Лейбниц; но он ошибался);

- *атаковать* (принять к исполнению) «сошедшую» — как нисходит поэзия — идею, уловив в какой-то момент времени («время разбрасывать камни») «то самое» слегка волнуящее настроение и положившись *тогда и только тогда* на него, когда знаний еще не хватает и приходится полагаться на русское авось, отражающее одну из сторон «загадки» русской души. Которая (душа), как это, надеюсь, понятно, должна быть *чистой и светлой*.

Здесь будет к месту сказать о преподобном Сергии Радонежском, который призывал русских людей в преддверии победы на Куликовом поле в 1380 году, ставшей прологом к освобождению Русской земли от монголо-татарского ига, к «осветлению души».

* * *

Для применения этих знаний, однако, недостаточно только *чистоты души*, являющейся (здесь предлагается положиться на авось в том, что душа все-таки существует) каналом связи для нисходящих на нас настроений.

Есть еще нечто, что делает «непригодным материалом» более 99 % ученых — от простых научных работников до академиков. Это — незнание заповеди, являющейся установочной (мы говорим об опыте православной культуры) в вопросе о смысле жизни, что должно считаться основой перехода от детерминистского [классического] к *антропокосмическому* (основанному на синергии — «совместном с Ним делании») недетерминистскому подходу к науке: *служить неземному*.

Красоте? Которая, возможно, даже выше Самого Бога?..

Философский словарь автора

1. Подпольный человек – главный человек в русской жизни. – Федор Достоевский (в записной книжке). XIX век.
2. Россией управлять несложно. Но совершенно бесполезно. – Ответ Александра II на вопрос: не сложно ли управлять Россией? XIX век.
3. В глубоком знанье жизни нет. – А.С. Пушкин. XIX век.
4. Кто хочет погибнуть, погибнет. – М.Ю. Лермонтов. XIX век. «Герой нашего времени».
5. Хитрость мирового разума. – Георг Гегель. XIX век.
6. Всякая истина крива! – Фридрих Ницше. XIX век.
7. Женщины, коровы, англичане, демократы... – Он же.
8. Большинство неправо. – Надпись на стене в Афинах. V век до н.э.
9. Не верить ни единому слову. – Ортодоксальная Каббала. III тысячелетие до н.э. (В интерпретации автора.)
10. Не делать ничего, что можно не делать. – Псевдо-Дионисий Ареопагит. V век. (В интерпретации автора.)
11. Смысл жизни лежит вне жизни. – Главная установка православия. (Сложилось в IV–V веках.)
12. Когда будет, тогда пусть и будет. – Монах-старец Амвросий в Оптиной Пустыне. XIX век.
13. Умеренному деланию цены несть (нет). – Он же.
14. Всё приходит к тому, кто умеет ждать. – Л.Н. Толстой. XIX–XX века.
15. И еще признаюсь Тебе, Господи, что я доселе не могу понять, что такое время?.. Душа моя горит желанием раскрыть эту тайну! – Блаженный Августин. V век.
16. Среди неизвестного в окружающей нас Природе самым неизвестным является время, ибо никто не знает, что такое время и как им управлять. – Аристотель. IV век до н.э.
17. Наконец он достиг дна. В ту же минуту снизу постучали. – Станислав Ежи Лец. XX век. (В интерпретации автора.)

Часть IV

ФОТОРЕПОРТАЖ

**(На пути к созданию международного
университета)**

Список избранной литературы в Интернете:

1. Владимир Аршинов, Николас Кульберг (Nicolas Koulberg), Джеймс Пурвис (James Purvis), Владимир Шкунденков. Антропокосмическая модель Вселенной. — М., 2008. — 260 с.

Антропокосмическая означает, что творчество человека происходит в «диалоге» с космосом. («Утро вечера мудренее».)

2. Владимир Шкунденков. Одиночество и пепел. — М., 2009. — 252 с.

В книге приведены исследованные на научной основе изображения «параллельного мира». Первые результаты получены с применением мониторной сканирующей системы АЭЛТ-2/160 (2000 год). Они показали, что Вселенная — живая. На признании во Вселенной надбиологического (вне человека) разума, причем главного в процессе творчества человека, и построен наш подход к управлению сжатием времени. Это признают философы-теоретики (академик РАН В.С. Стёпин), но в среде физиков-рационалистов, где был рожден метод сжатия времени, это только пробивает дорогу. Применение метода сжатия времени доступно лишь «избранным». В реальной жизни «избранный» — это один из 200—400. Поэтому только 10 % проектов (где есть идущий интуитивно в поисках *красоты* «избранный» лидер и 20—40 обычного персонала) выполняются успешно, 50 % — тяжело, а 40 % — провалы. Но можно готовить «избранных» лидеров из числа «50-процентных тяжелых», обучая подходу с управлением сжатием времени.

3. Владимир Шкунденков. Человек и Вселенная. — М., 2010. — 60 с.

В книге приведена заочная дискуссия с лауреатом Нобелевской премии за 1977 год Ильей Романовичем Пригожиным (1917—2003), высказавшим идеи формирования во Вселенной порядка из хаоса, близкие к подходу по управлению сжатием времени (год его создания Владимиром Шкунденковым — 1973). Однако в теории Пригожина отсутствует человек, и сегодня эта теория уходит в прошлое.

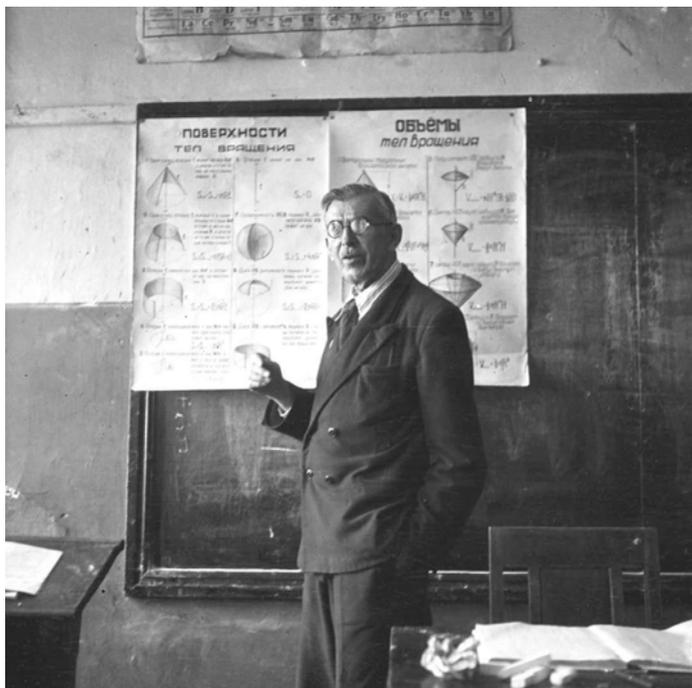
4. Владимир Шкунденков. Предложение о создании CERN — JINR Research University (о создании Международного исследовательского университета на основе сотрудничества Европейской организации ядерных исследований, Женева, и Объединенного института ядерных исследований, Дубна). — М., 2013. — 112 с.

Автор в 10 классе в школе, у доски на уроке математики.
На пути к золотой медали. Город Уфа, 1955 год

(Фото одноклассника Льва Шерстенникова)

В 1945 году по окончании Великой Отечественной войны Сталин восстановил золотые и серебряные медали для окончивших с отличием среднюю школу. Но вручали медали только в сентябре. В том году автор пошел в первый класс. Нас, первоклассников, пригласили на торжество с вручением медалей. В тот день я принял первый в жизни обет — молчать в течение всех 10 лет учебы о том, что *хочу* получить золотую медаль. И я промолчал все годы. И получил ее. Хотя учился очень неровно. Но в 9-м классе на весеннем балу с девочками из соседней школы влюбился в красавицу-татарку, которая «шла» на золотую медаль. И тоже добился ее, став отличником в 10 классе и пересдав экстерном две «четверки» по конституции и географии за 7-й и 9-й классы. История со взятым в возрасте 7 лет обетом молчания — *странная*.

Учитель математики Яков Иванович. О нем шепотом говорили, что он — бывший белогвардейский офицер

Наша 11-я мужская средняя школа Уфы была знаменитой тем, что была основана еще в 1828 году. Во второй половине XIX века в ней учился художник Михаил Нестеров, чьи картины представлены в Третьяковской галерее в Москве. И в мое время, пока не прошла реформа 1954 года, смешавшая мальчиков и девочек, уровень подготовки был самым что ни на есть высоким. Так, из 33 человек в нашем классе 31 поступили в высшие учебные заведения. Большинство пошло в Уфимский авиационный институт, образованный из Московского авиационного во время войны. Попасты на учебу в эту школу было очень сложно. Но обо мне, когда мы с мамой приехали жить в Уфу осенью 1949 года, переговорила с директором моя тетья — директор не менее престижной женской школы. И я был принят. *Странным* в этой истории было то, что моя мать как жена репрессированного «врага народа» меняла года — из Красноярска в Гродно (1944), потом в Вильнюс (1946) и наконец в Уфу, где оказалась моя тетья. Тоже приехавшая из Красноярска. Без этого я не попал бы в Москву.

Профессор Михаил Григорьевич Мещеряков

Но самым странным случаем в жизни автора, из тех что сыграли ключевую роль, было пересечение в жизни с М.Г. Мещеряковым, заместителем Игоря Васильевича Курчатова во время создания советской атомной бомбы и руководителем работ по созданию в Дубне первого отечественного ускорителя — синхроциклотрона (1947—1949). А в 1989—1994 годах М.Г. был заместителем автора по руководству научной темой (создание сканирующих систем) в Объединенном институте ядерных исследований.

В день его смерти, 24 мая 1994 года, я был в Женеве, где мы вели переговоры об участии в сотрудничестве по созданию административных информационных систем. Я не знал о случившемся, но в тот день мне стало так плохо, что я даже не мог без помощи подняться в автобус — отказали ноги. Через два дня отпустило. Тогда мне сказали. На 9-й день я отметил в одиночестве память о нем в ресторанчике недалеко от ЦЕРНа при гостинице XIX века.

Здание ускорителя — синхроциклотрона, построенного в Дубне под руководством М.Г. Мещерякова

Автор проработал два с половиной года инженером-электронщиком в «стандартной» группе физиков, ставивших эксперименты на синхроциклотроне. Как правило, мне доставалось дежурить по ночам. Один в огромном гудящем здании из бетона, где за стеной гуляет радиационная смерть, а в одной из бетонных стен, согласно легенде, замурован заживо надсмотрщик над заключенными, строившими это сооружение, — это было нечто... Во всяком случае, во время дежурств хватало времени, чтобы думать, как это по тому, что можно найти в книгах, было у заключенных в одиночных тюремных камерах. И что было удивительным — я *летал* во время этих дежурств. Что-то ждало меня впереди? Я не знал...

* * *

О Михаиле Григорьевиче Мещерякове я слышал, но не знал его. Выиграв в 1964 году конкурс на создание сканера на электронно-лучевой трубке (предложив для точных измерений координат X, Y с применением нестабильной сканирующей ЭЛТ ввести в параллельные оптические каналы две *стабильные* прецизионные решетки на стекле, штриховую и — это было оригинальным — в виде наклонной диагональной линии), я пришел к нему за советом: стоит ли браться рядовому инженеру за эту задачу, над которой работали в ~ 200 лабораториях мира? «Беритесь за нее. И решите ее!» — сказал он тогда. Она будет решена мной на пути создания метода сжатия времени.

Метод сжатия времени будет создан в 1973 году под жестким, в духе сталинского времени, «нажимом» от М.Г. А в 2000 году, и тоже с подачи этой идеи от него еще в 1989 году, я стану по предложению из ЦЕРНа (Женева) директором международного научного центра. В число главных задач центра войдет создание географически распределенного международного университета как надстройки над классическими университетами, при участии в нем ведущих специалистов по информационным технологиям в ЦЕРНе и в сотрудничестве с профессорами в Институте философии РАН (Москва).

Автор — студент-дипломник

Ноябрь 1960 года. В это время я проходил дипломную практику на предприятии а/я 4122 в Москве, где разрабатывались телевизионные системы специального (и гражданского тоже) назначения. Наш начальник отдела всегда в хорошем настроении 33-летний Игорь Л-к недавно защитил кандидатскую диссертацию на тему создания повышенного качества передачи изображений топографических карт с помощью так называемой череточечной развертки строк. Что означало: каждая строка передается дважды, разбитая на нечетные и четные точки (пиксели). Его «коньком» был выполненный расчет требований к стабильности развертки. Что оказалось на грани технической возможности. Мне поручили реализовать эти идеи в «железе», и на этом пути я *увидел*, что стабилизации температуры (главное в этом деле) вообще не требуется. Ибо время сложения двух типов точек на каждой строке исчисляется долями секунды. За это время температура в комнате никуда не уходит. В результате созданная мной схема управления череточечной разверткой была создана и внедрена в кратчайшие сроки. А я получил предложение — остаться на работу в Москве.

Для этого надо было иметь прописку в Москве или в области. Что получить для меня было делом безнадежным. Был, правда, вариант с формальной женитьбой, но это было совсем не для меня. Но в это время я — что даже видно по сделанному тогда фото — *летал*. И на этих крыльях поехал за птицей-счастьем туда, где, так мне почему-то показалось, его можно найти — в Подрезково. Зашел в один деревенский дом, потом в другой. И ведь получил! Снял комнатку в шесть квадратных метров и получил прописку, за которую — трудно поверить — с меня взяли лишь 250 рублей (при том что стипендия была 500 и мне еще платили зарплату техника — 700). Правда, через некоторое время хозяйка дома спохватилась: оказалось, что я могу теперь по закону претендовать на часть ее дома. Но в это время я уже получил диплом инженера, меня взяли на работу, а к тому же я еще и женился, получив требуемую для продолжения работы в Москве областную прописку.

От того времени в воспоминаниях остался — страх... Он был совсем легким, даже необъяснимым, когда я садился в трамвай на своей остановке «Лефортовский вал», где жил в общежитии. Что, казалось бы, может быть в том, чтобы поехать именно в Подрезково? Для кого-то — абсолютно ничего. А я чуть ли не дрожал. Это было провиденциальное предчувствие? Ответа у меня нет... Как нет ответа, почему в ~ 28000 днях моей жизни я помню про день обета.

Апрель 2005 года. Банкет в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ) по случаю вручения диплома Почетного доктора МИФИ Николасу Кульбергу (Nicolas Koulberg) — в центре — помощнику генерального директора ЦЕРНа (Женева), ответственному за сотрудничество с Россией и Восточной Европой. Справа от Николаса Кульберга ректор МИФИ профессор Борис Николаевич Оныкий и автор.

Николас Кульберг — француз, родившийся в Марселе в 1941 году. Его родители — белоэмигранты из России времен Гражданской войны. Отец — Николай фон Кульберг (из русских немцев) был офицером в Белой армии Врангеля. После поражения армии в Крыму оказался во Франции. Там встретил дворянку Елизавету Васильевну из рода графов Капнистов и князей Голенищевых-Кутузовых. Сам Николас окончил университет под Марселем, филолог по образованию и поэт. Прекрасно говорит по-русски.

Начал работать в ЦЕРНе в 1966 году простым оператором на измерительных устройствах для обработки снимков с трековых камер. В 1967 году ЦЕРН и ОИЯИ (Дубна) заключили договор о сотрудничестве, и Николас благодаря знанию русского языка перешел в администрацию. В 1994—2006 годах (до выхода на пенсию) был помощником генерального директора ЦЕРНа. Мы с ним познакомились в ноябре 1969 года, когда М.Г. Мещеряков послал меня в шестимесячную командировку в ЦЕРН. Но тогда каких-то особых отношений между нами не сложилось. Дружба пришла с 1992 года, когда я приехал в ЦЕРН во второй раз после 15-летнего перерыва из-за отказа служить там, где мне не очень нравилось. Но на этот раз я уже приехал как автор метода сжатия времени, прошедшего успешную обкатку в течение двух десятков лет на задачах физики высоких энергий и авиации. Метод, как мы уже знаем, основан на иррациональном отношении к научным разработкам — здесь говорится о поисках *красоты*, — и сам поэт Николас как-то сразу проявил интерес к разговорам на эту тему. Как результат, когда мне было предложено в ЦЕРНе в 1993 году принять участие в разработках закрытых для русских AIS-систем, убедил генерального директора ЦЕРНа допустить меня и мою команду к этим работам. Только поставил условие: описать мой подход с управлением сжатием времени. Так в августе 1994 года появилась (тогда еще в рукописи) моя первая книга «Москва — старинный город». *Почему-то* это название пришло ко мне еще в 1980 году и я всегда знал, что это будет написанной мной книгой. Без Николаса Кульберга в моей жизни этой книги не было бы. А значит, я бы не задал вопрос: *куда идет развитие Вселенной?*

Наши отношения приняли очень скоро характер исследований. Так, в одной из наших совместных публикаций, изданной в форме ротапринта МГУ в 1999 году, мы написали следующий текст:

«Изменения в окружающем мире, производимые человеком, осуществляются с помощью разума. В мире существуют еще неизвестные науке силы, которые направляют эти изменения (развитие) по «истинному пути». «Истинный путь» отождествляется с «красотой», он представлен всегда несколькими «красивыми» шагами (решениями) человека. Первый «красивый» шаг открывает возможность поиска второго. Второй типично компенсирует недостатки, возникающие после первого. При этом удача реализуется в виде случая.

Случайное может представляться в виде целой цепи «везения».

Философы академик Вячеслав Семёнович Стёпин, директор Института философии РАН, Москва, и профессор Владимир Иванович Аршинов в ЦЕРНе (декабрь 2005 года)

В.С. Стёпин дважды приезжал в ЦЕРН, в 2000 и 2005 годах, по приглашению Николаса Кульберга. В первый приезд он задал вопрос Джеймсу Пурвису (James Purvis), внедрившему в 1995 году метод сжатия времени в разработки административных информационных систем (AIS-систем): «Правда ли, что метод автора позволяет сжимать время в 10 раз?». Джеймс ответил: правда.

В 2007 году по предложению от В.С. Стёпина автор разработал проект «AIS-технологии и международное сотрудничество» при участии Николаса Кульберга, главного разработчика AIS-систем в ЦЕРНе Джона Фергюсона (John Ferguson) и ведущего программиста в ЦЕРНе Ростислава Титова, а также самого В.С. Стёпина и В.И. Аршинова, ректора и президента НИЯУ «МИФИ» — профессоров М.Н. Стриханова и Б.Н. Оныкий, а также других. После защиты в 2008 году проект вошел в Программу фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания». Координатором от Президиума РАН выступил В.С. Стёпин. Главное в проекте — создание университета при участии ЦЕРНа.

Трагедия нашего времени

Без сотрудничества автора с философами-теоретиками академиком Вячеславом Семёновичем Стёпиным и профессором Владимиром Ивановичем Аршиновым изложенного в книге объяснения сущности метода сжатия времени как проявления эффекта нелинейности времени не состоялось бы. Последние слова вообще родились в 2002 году во время нашего обсуждения данной темы в кабинете В.С. Стёпина.

Именно в стенах Института философии РАН (Москва) на улице Волхонке автор познакомился с тремя моделями Вселенной, созданными в рамках учения Каббала (ортодоксальной, рожденной между 4000 и 5000 лет назад, и «научной», имеющий возраст «всего» около 1800 лет и распространяемой широко в наше время) и в сложившейся в IV—V веках культуре православия, что позволило *увидеть* истинный и ложный «механизмы» развития Вселенной. А с этим — понять как причину (чуть ли не единственную) всех бед человечества, но также — возможность выхода из этого на новую (быть может, высшую) ступень цивилизации.

Все три модели Вселенной имеют три ступени — первопрородческую, идущую за ней управляющую внедрением найденного первопрородцами и, третью, — преобразования Вселенной путем участия в этом процессе основной массы человечества, управляемого от второй ступени.

Беда нашей цивилизации заключается в том, что обладание огромной властью над миром, связанное с возможностями второй ступени, привело к игнорированию роли первой ступени, от которой на вторую поступают новые идеи. Но чтобы далее оставалось только «красивое», на входе во вторую ступень стоит «фильтр красоты». Так устроена ортодоксальная каббалистическая модель Вселенной. А в «научной» модели этот фильтр стоит (переставлен) не в начале, а в конце. Что позволило — и в этом трагедия нашего времени — утверждать, что новые красивые идеи не сходят сверху, а рождаются от Бога именно на второй ступени. То есть что свет, идущий от Бога и приводящий к рождению новых и красивых мыслей, нисходит

прямо на вторую ступень, в обход космических одиночек-первопроходцев.

В результате все управление на Земле попало в руки тех, кто живет исключительно разумом. Пусть даже основанном на накоплении многовековых знаний. Однако как сказал наш гений Пушкин, «в глубоком знанье жизни нет». Что и подтверждается практикой жизни: нас вычѣсывают под одну гребѣнку. Без гениев и — на что направлена их убогая глобализация — без принципа дополнительности культур.

Вселенной, которая согласно нашей гипотезе *живая*, нужно не движение ради движения, не миллиардеры с яхтами и футбольными клубами, а — нечто иное. Что? Ответа на этот вопрос мир еще не знает, и в «священных» знаниях его тоже — нет. Но это не значит, что он нам недоступен.

Наши исследования по данному вопросу привели к созданию антропокосмической модели Вселенной, опирающейся на православную модель, вышедшую из ортодоксальной каббалистической модели. Здесь главными являются именно первопроходцы, чье призвание — космическое одиночество. Где рождаются в динамике новые, в том числе гениальные, остающиеся затем жить во времени мысли и идеи. Что называется словом *синергия* — «деланием с Ним».

Среди найденного на этом пути — главная установка в православии о смысле жизни: *смысл жизни лежит вне жизни*. Иначе — в служении *неземному*. Служении опасном для вступивших на этом путь, а всякая опасность предполагает, что смелость должна сочетаться с оружием.

Оружием одиночества, ведущим к победам, является устремленность к Красоте. С направлением движения.

А инструментом — управление временем. Эта роль на Земле и, похоже, и во Вселенной и отведена России.

Красоту можно только *увидеть*. Для этого душа человека-первопроходца должна быть светлой и чистой. Что невозможно без страданий. Однако без этого победы не достичь. История России — это страдания и победы. И самые красивые женщины.

13 июля 2015 года

Мастер-класс в МИФИ.

Выступает Джеймс Пурвис. Слева направо —
Ростислав Титов, Дерек Матисон (почти не виден)
и Джон Фергюсон

Джеймс Пурвис (справа), внедривший в ЦЕРН в создание AIS-систем применение метода «сжатия времени», и его коллега Дерек Матисон на экзамене по кандидатскому минимуму в МИФИ

Джеймс был *единственным* в моей жизни, применившим метод сжатия времени в *не моих* научных разработках. В феврале 1995 года я привез в ЦЕРН на три месяца группу из трех программистов, и нам была поставлена задача — модернизировать за два года систему контроля финансов — Budget Holder's Toolkit (ВНТ). Работали по 11—12 часов, прихватывая выходные. Продвинулись на 20%. Вернулись в Дубну, и там в течение пяти месяцев продвинулись еще на 20%. Появилась надежда, что уложимся в отведенный срок — два года. Но тут Джеймс, который в ЦЕРНе был руководителем этого участка работ по созданию AIS-комплекса, заявляет: «Все, что сделано, надо выбросить. Будем работать по новому подходу».

Результат превзошел все ожидания. Система ВНТ была создана «по чистому листу бумаги» всего за два месяца! А дело было так.

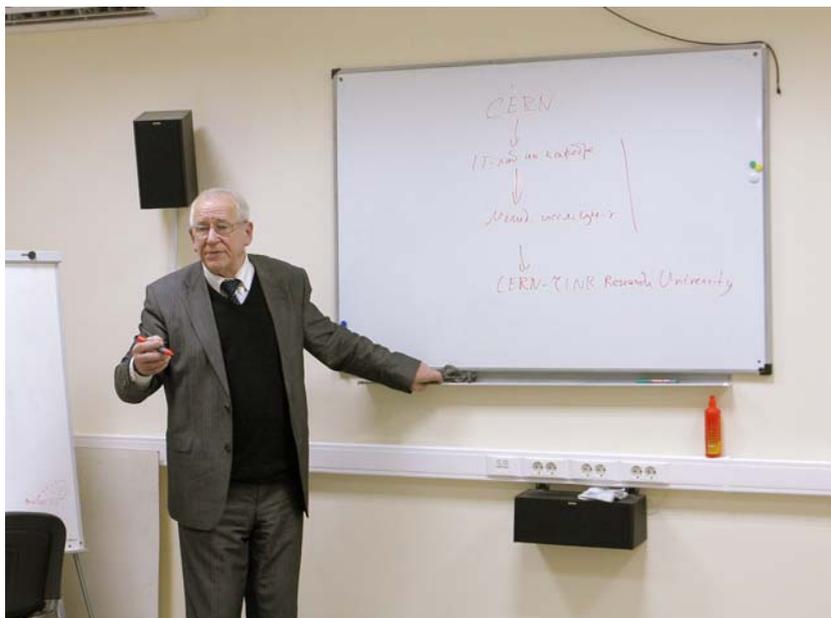
Когда мы после трех месяцев работы в ЦЕРНе вернулись в Дубну, он по моему приглашению приехал на неделю к нам, в Россию, чтобы на месте познакомиться с «русским методом» поиска *красивых* решений.

Об этой поездке, во время которой мы ходили в Третьяковскую галерею и я объяснял ему про важность одиночества в настроениях и мыслях, он, как ему помнится, рассказывает в книге «Антропокосмическая модель Вселенной» (В. Аршинов, Н. Кульберг, Дж. Пурвис и В. Шкунденков. М., 2008. — 260 с.). Но в этой книге я на странице 124 показал изображение параллельного мира. Книга была выставлена на продажу, и тут же кто-то наступал в администрации ЦЕРНа о ее «несовместимости» с современной наукой. Джеймс получил серьезное замечание. И в наших до этого прекрасных отношениях проявилось *что-то не то*, когда он, гордый космический одиночка, опустил, как многие, до уровня «научной школы». Где вместо случайно нисходящих мыслей царствуют железная логика, математика и моделирование, без чего о науке никто бы не знал. К слову сказать, при создании своих сканирующих систем АЭЛТ-1 и АЭЛТ- 2/160 я применял математический аппарат для расчета на надежность всех схем — как электронных, так и оптико-механических. Моим «коньком» было сочетание линейных расчетов по паспортным данным об используемой элементной базе (номиналам сопротивлений, крутизны коэффициента усиления транзистора и др.), что умеют делать все хорошие инженеры, с применением теории вероятностей, что позволяло создавать любые схемы (электронные усилители, оптико-механический канал и т.д.), исходя из требуемого показателя надежности (например, равного 99,7%). Последнее на практике не умел делать *никто*. Ибо никто не знал как, кроме как путем муторного моделирования на компьютере, можно учесть в расчетах наличие различных законов распределения разбросов случайных величин используемой элементной базы. Хотя задача эта решалась элементарно: существует закон, согласно которому в ансамбле случайных величин все устремляется к *известному* нормальному закону. Это доказано. Но это можно было только *увидеть*.

Ноябрь 2006 года. Московский инженерно-физический институт. Поздравление Джона Фергюсона (ЦЕРН, Женева) с успешной защитой кандидатской (технических наук) диссертации. В 2008 году он защитит ее как докторскую. На снимке слева направо — ректор МИФИ профессор Борис Николаевич Оныкий, автор, Джон Фергюсон, Ростислав Николаевич Титов (ЦЕРН), профессора Алексей Дмитриевич Модяев и Николай Михайлович Гаврилов (главный ученый секретарь, заместитель автора в МИФИ как и.о. директора Института по информационным технологиям).

Джон Фергюсон (John Ferguson) являлся с 1986 года в ЦЕРНе руководителем работ по созданию интегрированного комплекса административных информационных систем (AIS-систем). Эти технологии мы планируем перенести в Россию, для чего идем по пути создания международного географически распределенного университета с участием в нем ведущих специалистов ЦЕРНа. Написание и защита диссертаций — часть выполнения этого плана.

18 ноября 2013 года. Семинар в НИЯУ «МИФИ». Выступает автор с обсуждением планов создания International Research IT Universities Centre как «ядра» построения международного географически распределенного университета на основе сотрудничества ОИЯИ (Дубна) и ЦЕРН (Женева), при участии НИЯУ «МИФИ» (Москва), Института философии РАН (Москва) и ведущих специалистов ЦЕРНа по ИТ.

Август 2002 года. Деревня. Красные флоксы.

Приведенная в книге повесть «Черное озеро» с главной героиней по имени Людка была написана мной в 1971 году. Через 5 лет я впервые показал ее в рукописи встреченной мной в доме отдыха «Ершово» под Звенигородом молодой 28-летней женщине. Она сегодня — моя жена, прошедшая со мной за четыре десятилетия «огонь и воду и медные трубы». По какой-то случайности ее имя — Людмила.

«В жизни можно найти все, что хочешь. И искусственно нанизать на нить», — сказал мой друг Виталий, о котором я написал в повести. Можно, конечно. Но иногда все получается *как-то не так*, как это должно было бы получаться по уму и здравому смыслу. И тогда находят сомнения: неужели я *вызвал* повестью Людку?..

Август 2011 года. Наш с Людмилой дом-дача вблизи от Истринского водохранилища, оставшийся после того как я попробовал было построить в 1991—1992 годах «научную деревню». После этого пришлось уехать в Женеву, в ЦЕРН.

* * *

Эксперимент с созданием частного научного центра оказался во многом ошибкой. Но одна странность сыграла позже исключительную роль. В 1990 году, когда я еще верил в успех и у меня была команда, включая бухгалтера, Людмила заявила, что хочет пройти курсы бухгалтеров. Зачем это нужно программисту, кандидату технических наук? Но она почему-то «горела», и я в таких случаях уступаю. И вот, когда в марте 1994 года мы приедем с ней в ЦЕРН, чтобы провести переговоры о сотрудничестве, и нам предложат участие в разработке программы контроля финансов, она реализует тот выпавший нам один-единственный шанс, чтобы попасть в тот момент в ЦЕРН. Потому она тогда и «горела»?..

На предыдущей странице — наш с Людмилой дом в Подмосковье, оставшийся от несостоявшейся инициативы автора (как случайного зигзага в нашей жизни) — строительства «научной деревни», от которой остался только этот дом. Это в нем, в комнате на первом этаже, в июле 1994 года я работал над русской историей для книги «Москва — старинный город». Если будет построен международный университет, основой которого будет налаженное нами сотрудничество с ЦЕРНом, то он начнется с этого дома.

Тогда, в 1994 году, пробиваясь в ЦЕРН к работам по созданию административных информационных систем, при написании книги «Москва — старинный город», где был изложен основанный на русской культуре метод «сжатия времени», я так описал, «уйдя» в снизошедших на меня настроениях в XIII век, русскую женщину, на которой держалась и всегда будет держаться Русская земля:

«Космос, бездна... Открывшиеся в глубине бездонных синих глаз таких *красивых* русских женщин, которые когда-то, на заре времен, гонимые врагом под стены крепостей, вдруг поворачивали и — как заклинание, дошедшее до нас через огонь столетий, — смотрели в этот *страшный* миг на сабельные лезвия... И превращались — в звезды».

Тогда мы только пробивались в ЦЕРН, и многое, что ждало нас впереди, было совсем не ясно. Но ясно ли наше будущее сегодня? Не больше, чем тогда... И вот в 2011 году Людмила совершенно неожиданно стала писательницей-мемуаристкой. Да еще какой! Она — поскольку *такое* не могло быть — подняла волну надежды. Иначе — волну *синергии* и на этом веры в победу. Вот отрывок:

«Помню, как утром, собираясь в детский сад, я потеряла один чулок. Всю одежду вечером я должна была складывать на стул около кровати. Такой был порядок. А одежды у нас, девочек, да еще зимой, было очень много. Мы носили такие маечки без рукавов, на пуговичках. К ним крепились широкие резинки с собачками, к которым цеплялись чулки. Вот такой темно-коричневый в резинку чулочек я и потеряла. Это было для меня настоящим несчастьем, мама из-за меня опаздывает на работу, ну, а я — в детский сад. И вот я ползаю на коленках под кроватью и шепчу: “Боженька, пожалуйста, помоги мне найти мой чулочек”. И нашла».

Без этой девочки Россия не получила бы доступа к административным информационным технологиям (AIS-технологиям) ЦЕРНа.

Заканчивая книгу, я возвращаю мысленно себя в 1994 год, когда в нашем деревенском доме она в ее первом варианте была написана к намеченной на начало августа поездке в Женеву для передачи Николасу Кульбергу, помощнику генерального директора ЦЕРНа, заказанного им описания подхода с управлением сжатием времени.

Представленная ему еще в рукописи, эта книга должна была открыть (и открыла) доступ нам, русским, к участию в закрытых работах по созданию административных информационных систем. В это время, в течение первых двух летних месяцев, я *летал*... Теперь уже не очень просто восстановить в памяти все настроения тех тяжелых для России лет, когда, казалось, все катилось куда-то вниз. Но я еще тогда описал эти витавшие в наших душах настроения.

Так в том первом варианте книги появилась навеянная мистическими настроениями глава «Синие страшно красивые». Она начиналась со слов: «Космос, бездна... Открывшиеся в глубине бездонных синих глаз...». И вот *что-то* настраивает меня на то, чтобы было приведено продолжение описывающего то время текста. И я привожу отрывок из него:

Смутное время, обрушившееся столь неожиданно на всех нас – звезды ли были в этом виноваты? И тогда это был всего лишь (раз уж «ничто не ново») такой же переход от большевистской кровавой революции к душной мамоновой демократии, как когда-то от царя Ивана Грозного к патриарху Никону, – это несущее новые и неизвестны страдания время порождало тревогу.

Слабый золотисто-красный огонек трепетно горящей в темноте [часовни] свечи напоминал надежду.

А в эту ночь, когда я остался один, в телевизионной передаче, включенной наугад, пел чистый высокий голос:

Гори, гори, моя звезда,
Гори звезда приветная!
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда...

4 августа 1994 года

Об авторе

Владимир Воронихин — псевдоним, взятый в 1995 году при издании повести «Черное озеро».

Настоящее имя — Владимир Николаевич Шкунденков.

Родился 27 марта 1938 года в Красноярске. В мае был репрессирован отец — Николай Михайлович (1913—1954).

Сына воспитывала мать — Евдокия Федоровна (1915—1988).

Большую роль сыграла родная сестра отца — Елена Михайловна. «Ведь ты — русский!» — говорила она племяннику.

Окончил с золотой медалью мужскую среднюю школу № 11 в городе Уфе, где Елена Михайловна была директором женской средней школы № 3.

Тогда же окончил 7-летнюю музыкальную школу по классу фортепиано. Был в сборных Уфы по лыжам и по гребле.

Уехал учиться в Московский энергетический институт, поступив на радиотехнический факультет (1955—1961).

В 1961—1962 годах работал в Москве, в а/я 4122, сегодня это Московский научно-исследовательский телевизионный институт. С осени 1962 — в Объединенном институте ядерных исследований (ОИЯИ, Дубна Московской области).

С 1969 года сотрудничает с Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН, Женева, Швейцария).

Создал две из всего семи созданных в мире и внедренных оригинальных сканирующих систем для прецизионной обработки фотоизображений. При том что в мире в 1960 — 1980-х годах над этой задачей работали в 200 лабораториях.

Успехи связаны с созданием метода сжатия времени в 10 и более раз при выполнении сложных научных разработок.

В 1995 году внедрил метод сжатия времени в ЦЕРНе, в разработки административных информационных систем (AIS-систем). Применение интегрированного комплекса AIS-систем сделало «прозрачными» работы по созданию Большого адронного коллайдера (1996—2009 годы).

Доктор технических наук (1987 год). Директор Научного центра исследований и разработок информационных систем (ОИЯИ, Дубна — ЦЕРН, Женева).

На пути к созданию международного университета

31.08.2015. В апреле 2013 года автор опубликовал и разместил в Интернете книгу: «Предложение о создании CERN – JINR Research University (о создании Международного исследовательского университета на основе сотрудничества Европейской организации ядерных исследований, Женева, и Объединенного института ядерных исследований, Дубна)». – М.: 2013. – 112 с.

Ровно через год, в конце марта 2014 года, между ОИЯИ, ЦЕРН и МГУ им. М.В. Ломоносова (Центром национального интеллектуального резерва) было подписано подобное моим идеям соглашение (заменив на МГУ мою ориентацию на НИЯУ «МИФИ»), ставящее целью – использовать опыт сотрудничества ОИЯИ и ЦЕРН для подготовки элитных кадров специалистов. На это у МГУ имеются значительные материальные ресурсы.

Автор узнал об этом только в августе 2015-го. Но вот что во всем этом (где уже есть «начало всего» – *движение*) интересно.

Именно в марте 2014 года автор, не зная о готовящемся подписании соглашения ОИЯИ–ЦЕРН–МГУ, инициативно развернул в рамках заключенного в 2010 году Договора о сотрудничестве между ОИЯИ и ЦЕРН реализацию изложенного в книге.

И тотчас произошло *странное* важное событие: созданный автором метод сжатия времени получил развитие – стал методом *динамического сжатия времени*. Имена не называю – *в начале* полагается *не спешить* и следовать *молчанию-исихазму* Паламы.

Наряду с дальнейшим повышением эффективности подхода с управлением сжатием времени, предполагающем «освещение души» (преподобный Сергей Радонежский), его свершившееся развитие наводит на мысль о проявлении *синергии* – снизошедшем включении «совместного с Ним делания» в реализацию наших планов по созданию международного университета.

Итак, с одной стороны – административные и материальные ресурсы на основе рационального интеллекта. А с другой – *синергия* как нематериальная иррациональная поддержка свыше.

Кто окажется победителем?

Это, видимо, должно стать известным в недалеком будущем. Хотя совершенно очевидно, что нам надо было бы идти вместе.

СПИСОК ИМЕН

- Аввакум – 181.
Александр II – 196.
Александр Невский – 167, 168, 171.
Алексий I – 168.
Амвросий – 22, 196.
Андерс Х. (Anders H.) – 17.
Андрей Боголюбский – 165.
Аристотель – 196.
Аршинов В.И. – 30, 149, 157, 158, 186, 198, 207, 208, 212.
Бабич Ю.В. – 10, 172, 228.
Батый – 167, 168, 171, 187.
Берг И. – 150.
Бернерс-Ли Т. (Berners-Lee T.) – 174.
Блаженный Августин – 196.
Блок А.А. – 110, 182.
Боголюбов Н.Н. – 23.
Бородюк В.П. – 13, 140, 142.
Васильев В.В. – 153.
Велихов Е.П. – 19.
Винер Н. (Wiener N.) – 160.
Владимир Мономах – 165.
Вольтер – 140.
Габен Ж. – 147.
Гаврилов Н.М. – 213.
Гагарин Ю.А. – 184, 185.
Гегель Г. (Hegel G.W.F.) – 159, 161, 196.
Гёпнер Э. (Hoerner E.) – 184.
Гитлер А. (Hitler A.) – 183.

Гоголь Н.В. – 182.
Горбачёв М.С. – 19.
Гот Г. (Hoth H.) – 184.
Грабин В.Г. – 183, 184.
Гудериан Г. (Guderian H.W.) – 184.
Гусев П.С. – 14, 153, 162, 228.
Даниил – 167.
Денисов А. – 182.
Денисов С. – 182.
Дмитрий Донской – 168, 169, 171.
Достоевский Ф.М. – 158, 161, 182, 196.
Екатерина II – 182.
Есенин С.А. – 97, 126, 141, 182.
Иван I Калита – 167, 168.
Иван III – 174.
Иван IV Грозный – 164, 180, 218.
Иисус Христос – 168.
Иларион – 165.
Кадышевский В.Г. – 18.
Кайо Р. (Cailliau R.) – 155, 156, 174, 175, 178.
Карамзин Н.М. – 164.
Карл XII – 181, 182.
Кеннеди Дж. Ф. (Kennedy J.F.) – 185.
Ключевский В.О. – 161.
Королёв С.П. – 184.
Коротков Ю.Б. – 35, 36.
Короткова Е.М. – 6, 200, 219.
Крачковский И.Ю. – 187.
Крымова И. – 116, 228.

Кульберг Н. (Koulberg N.) – 6, 7, 15, 20, 30, 153, 154, 155, 156, 157, 174, 178, 186, 198, 205, 206, 207, 212, 218.

Курчагов И.В. – 8, 201.

Левитан И.И. – 182.

Лейбниц Г. (Leibniz G.W.) – 195.

Лермонтов М.Ю. – 102, 175, 182, 196.

Лермонтов М.Ю. (г.р. 1953) – 178.

Лефорт Ф. – 181.

Лец С.Е. (Lec S.Je.) – 196.

Мамай – 168.

Маслов В.В. – 152, 153, 228.

Матисон Д. (Mathieson D.) – 210, 211.

Маяковский В.В. – 182.

Меншиков А.Д. – 182.

Мещеряков М.Г. – 8, 9, 19, 23, 24, 25, 200, 202, 206.

Моисей – 150, 195.

Модяев А.Д. – 213.

Мухаммад – 187.

Наполеон – 182.

Нестеров М.В. – 200.

Никон – 22, 164, 180, 182, 218.

Ницше Ф. (Nietzsche F.W.) – 196.

Олег Вещий – 164.

Ольга – 170.

Оныкий Б.Н. – 178, 205, 206, 207, 213.

Палама Г. – 30, 194, 220.

Петр Великий – 164, 181, 182, 187.

Пифагор – 147, 150, 161.

Платон – 15, 159.

Поленов В.Д. – 182.

Пригожин И.Р. (Prigogine I.) – 198.
Псевдо-Дионисий Ареопагит – 179, 192, 194, 196.
Пурвис Дж. (Purvis J.) – 20, 21, 30, 186, 198, 207, 210, 211, 212.
Пушкин А.С. – 142, 182, 196, 209.
Рассел Б. (Russell B.A.W.) – 166.
Раушенбах Б.В. – 161.
Рублев А. – 170.
Святослав – 170.
Сергий Радонежский – 22, 162, 168, 169, 170, 195, 220.
Сисакян А.Н. – 18, 153.
Сисакян Н.М. – 153.
Сталин И.В. – 183, 184, 187, 199.
Стёпин В.С. – 15, 156, 157, 161, 186, 198, 207, 208.
Стриханов М.Н. – 207.
Титов Г.С. – 184.
Титов Р.Н. – 186, 207, 210, 213.
Тихонравов М.К. – 185.
Толстой Л.Н. – 22, 182, 196.
Туманов Ю.А. – 228.
Узбек – 168.
Устинов Д.Ф. – 184.
Утёсов Л.О. – 89.
Фергюсон Дж. (Ferguson J.) – 154, 155, 207, 210, 213.
Филипс С.К. – 185.
Харламбиев А.А. – 127.
Харьковой В.П. – 228.
Химченко И. – 14.
Ховря – 171, 174.
Хойер Р.-Д. (Heuer R.-D.) – 155.

Хомич А.П. – 35.
Циолковский К.Э. – 161.
Чайковский П.И. – 182.
Чехов А.Н. – 182.
Шерстенников Л.Н. – 176, 199, 228.
Шкунденков Н.М. – 219.
Шкунденкова Е.Ф. – 200, 219.
Шкунденкова М.В. – 5, 10, 228.
Шлиман Г. (Schliemann H.) – 171.
Эванс Л. (Evans L.) – 155.
Эделев Я.И. – 200.
Юрий Долгорукий – 165.
Юрий Московский – 167.
Ярослав Мудрый – 165, 170.
Яшин Л.И. – 35, 36.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Нелинейность времени

«Не сотвори себе кумира»	4
Ночь на Женевском озере	5
Исследования управления сжатием времени как путь управления случайностями?	8

Черное озеро

(Зарисовки из студенческой жизни
конца 1950-х годов)

Эксперимент с судьбой и чернилами в пожарной бочке	31
Белые лилии и синие звезды	72
Может, завтра нас не будет	117
Эпилог. Рябина красная	139
Числовые характеристики красоты и числа управления (на пути к методу сжатия времени)	144

Куда идет развитие Вселенной?

Кафе «Ла Клеман»	146
Куда идет развитие Вселенной?	148
Случайности и судьба	154
Загадка русской культуры	158

Часть II

Москва — старинный город

Исход русских во Владимирскую Русь	164
Святой князь Александр Невский	167
Преподобный Сергий Радонежский.	168
Дух победы на Куликовом поле	170
Две тысячи лет культуры христианства.	179
Император Петр Великий и Россия	181
От танка Т-34 до Большого адронного коллайдера	183
P.S. Разрозненное случайное.	187

Часть III

Антропокосмическая модель Вселенной

Ортодоксальная каббалистическая, православная и антропокосмическая (автор) модели Вселенной	190
Метод сжатия времени	194
Философский словарь автора	196

Часть IV

ФОТОРЕПОРТАЖ

(На пути к созданию международного университета)

Избранная литература в Интернете	198
Трагедия нашего времени	208
Об авторе (краткая биография).	219
Список имен	221

Владимир ВОРОНИХИН

Москва — старинный город

(нелинейность времени)

(3-е издание, измененное)

Издано в авторской редакции.

Рисунки Петра Гусева
(город Кимры Тверской области)

На странице 116:
иллюстрация к повести «Черное озеро».
Художник Ирина Крымова (Дубна), 1995 год.

На странице 152: портрет автора.
Художник Владимир Маслов (Белый Городок на Волге), 1997 год.

Фото из архива ОИЯИ (Юрий Туманов), Юрия Бабича,
Льва Шерстенникова, Марии Шкунденковой и автора.

Фильм в Интернете:
«Метод сжатия времени и Большой адронный коллайдер» (2014).
Режиссер Василий Харьковской.

Подписано к печати 01.10.2015 г.

Печать цифровая.

Формат 60x90 1/6 Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «ИП Скороходов В.А.»

www.printresolve.com

Заказ № 338

В 1978 году в филиале ЦАГИ на улице Радио в Москве была создана система АЭЛТ-1/ЦАГИ для обработки киноплёнок в «черных ящиках» на самолетах, была введена в опытную эксплуатацию система АЭЛТ-2/160 (еще без режима полутоновых измерений) и был опубликован график сжатия времени, приведенный на задней обложке книги.

В тот год я написал такие слова: «А там, в этой сверкающей дали, где разбиваются корабли смелых, там, я знаю, – на небе сияют звёзды! И рука, доставшая саблю в последний раз, не дрожит...».

Написал их потому что тогда при переизбрании меня на следующий 5-летний срок на должности начальника научного сектора я прошел выборы с запасом всего в один голос. «Если не остановишься в науке, то в следующий раз мы тебя остановим», – было сказано мне, скосив в сторону глаза, секретарем Ученого совета при случайной встрече на лестничной клетке.

Через более чем полтора десятка лет, в 1995 году, вспоминая про это, я написал такие стихи для сочиненной перед поездкой в ЦЕРН песни (Эпилог «Рябина красная» в повести «Черное озеро»):

Баранки, бараночки, медовые прянички,
Летающие саночки – мне их не догнать.
Рябина красная, судьба несчастная,
Куда ты катишься? Эх, мать!

В результате этой поездки в ЦЕРНе был внедрен метод сжатия времени.

* * *

На обороте – график «сжатия времени»
(на практике – в 10–100 раз).

График был опубликован в 1978 году в статье автора
«Сканирующий автомат типа АЭЛТ-1
для ядерно-физических и прикладных задач». –
а) ОИЯИ, 1078, Дубна, 1978; б) CERN, Trans. 79-02,
Geneva, 1979.

Россия: управление временем во Вселенной

Оружие одиночества

